НИКОЛАЙ РОТШТЕЙНЪ

СИНІЯ ДАЛИ

ИЗЪ ВОЕННОЙ БЫЛИ

SLASTNI

НИКОЛАЙ РОТШТЕЙНЪ

СИНІЯ ДАЛИ

ИЗЪ ВОЕННОЙ БЫЛИ

ТАЛЛИННЪ

M. Minis'e trükk, Narvas.
1 9 3 8

ОГЛАВЛЕНІЕ

Проявленные негативы 5
Браслетъ (1902) 8
Кулебяка (1902) 23
Охрана (1903) 27
Воинскія почести (1905) 34
Эрцгерцогъ (1909) 37
Историкъ (1910) 44
Дежурство (1911) 50
Красные платки (1912) 56
Волторны (1912) 64
Синія дали (1913) 68
Передъ первымъ боемъ (1914) 81
Послѣ первыхъ боевъ (1914) 86
1914 (1914) 89
Умирающая красота (1914) 99
Живые цвѣты (1915) 106
1915 — Холмщина (1915) 111
1916 — Стоходъ (1916) 118
Два брата (1917) 122
Вѣра Федоровна (1917) 126
Жизнь за Царя (1935) 137

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/siniiadaliizvoen20038800

ПРОЯВЛЕННЫЕ НЕГАТИВЫ

Родному полку

Какъ пріятно и какъ грустно вспоминать теперь объ уничтоженныхъ въ общемъ водоворотѣ событій семейныхъ реликвіяхъ — этихъ осколкахъ прежняго быта, этихъ отдѣльныхъ фразахъ, а иногда и цѣлыхъ страницахъ изъ повѣсти прежнихъ поколѣній.

Сколько тихой поэзіи, сколько воспоминаній было связано съ этими предметами.

Вспоминаются фарфоровыя статуэтки стараго Гарднера, ящикъ со связкой писемъ и золоченымъ яйцомъ, старинный бобикъ, письменный столъ съ тайничками... Вспоминается легкій и стройный рабочій столикъ краснаго дерева съ двумя лирами, служившими вмѣсто ножекъ... Вспоминается альбомъ въ красномъ кожаномъ переплетѣ, съ шершавыми толстыми страницами и съ автографами неизвѣстныхъ лицъ, писавшихъ гусиными перьями...

Эти вещи, какъ многія другія, пережили своихъ владѣльцевъ, но продолжали жить, храня ароматъ прошлаго, храня свою мистическую прелесть.

Революція ихъ уничтожила, какъ она уничтожила семейные портреты, миніатюры, силуэты чернымъ лакомъ по золоченому полю.

Революція уничтожила и музей полка, куда бережно собиралось все, что напоминало и боевую страду и мирные дни жизни полка.

Въ музеѣ полка, драгоцѣнномъ ларцѣ полковыхъ воспоминаній, хранились ядра и пули съ полей Бородина и Кульма, меню и программы музыки разныхъ обѣдовъ, формы полка и грамоты, медали и ордена,

молотокъ отъ прибивки знамени и старинное оружіе; хранились литографіи и гравюры.

Около окна, въ узенькой орѣховой рамѣ съ закругленными углами, висѣлъ въ музеѣ небольшой скромный рисунокъ, датированный 1831 годомъ.

Въ лѣсу, на привалѣ, нѣсколько отдыхающихъ офицеровъ курили длинныя трубки. Вдали, между деревьями, отдыхающіе солдаты. На пожелтѣвшемъ отъ времени картонѣ надпись выцвѣтшими чернилами:

„2-ая карабинерная рота на отдыхѣ. 1831 г."

Рисунокъ карандашемъ, слегка подцвѣченъ акварелью.

Авторъ — одинъ изъ портупей-юнкеровъ, впослѣдствіи офицеръ полка. Рисунокъ далеко не первоклассный, но я любилъ эту картинку — отъ нея вѣяло той милой стариной, той интимностью, которой полны и семейныя воспоминанія.

Художникъ-любитель, тщательно и съ любовью, какъ могъ и умѣлъ, нарисовалъ одинъ изъ подлинныхъ эпизодовъ изъ жизни полка, зарисовалъ маленькую сцену, въ которой отразился бытъ его эпохи.

Промчалась революція, уничтоживъ и семейныя хранилища и полковой музей, но она была безсильна уничтожить тѣ отдѣльные эпизоды, которые въ свое время восприняли глазъ и нервы.

Эти отдѣльные эпизоды, какъ непроявленные негативы, остались въ области подсознанія и теперь, подъ вліяніемъ невѣдомаго процесса, встаютъ въ памяти проявленными, напечатанными, порою даже раскрашенными.

Порою кажется, что времени не существуетъ, кажется, что снова видишь эти сцены въ ихъ натуральную величину; кажется, что вновь переживаешь отдѣльные эпизоды или снова встрѣчаешь неизмѣнившимися старыхъ друзей.

Пусть это незначительные, случайные моменты изъ жизни; пусть это только осколки широкой каймы той пестрой мозаики, гдѣ середина была заполнена богатой

по содержанію и необычайно сложной по композиціи картиной, изображавшей ту эпоху, въ которой намъ пришлось жить.

Мнѣ хочется сохранить и эти осколки, относящіеся къ прошлому и рисующіе его бытъ, какъ это сдѣлалъ своимъ рисункомъ художникъ-любитель, портупей-юнкеръ, участникъ похода 1831 года.

Съ этой цѣлью я записалъ, закрѣпилъ на бумагѣ, тѣ когда-то сдѣланные снимки, которые далеко за предѣлами Родины, снова появились передъ моими глазами.

БРАСЛЕТЪ

Въ переднюю, встрѣчая запоздавшихъ гостей, доносятся громкіе голоса и взрывы смѣха.

Въ большой гостинной вечеръ въ полномъ разгарѣ.

Число собравшихся не велико и всѣ между собой хорошо знакомы, часто встрѣчаясь въ разныхъ домахъ.

Обычно число гостей не превышаетъ десяти человѣкъ.

Обращаетъ вниманіе, что на этихъ интимныхъ вечерахъ никогда не бываетъ некрасивыхъ или старѣющихъ дамъ, какъ не бываетъ мужчинъ старше 30—35 лѣтъ.

Хозяева дома сами молоды.

Жена, женщина лѣтъ 28, еще не полная, но склонная къ полнотѣ, съ мягкой округлостью формъ, неторопливой походкой, въ которой чувствуется какая-то истома, съ красивымъ, чисто русскимъ лицомъ, принадлежитъ къ тому типу женщинъ, который зовутъ belle femme.

Мужъ недуренъ собой, брюнетъ съ маленькой бородкой, соединяетъ въ себѣ разныя качества. Человѣкъ практическаго склада ума, онъ умѣетъ быть пріятнымъ въ обществѣ, умѣетъ одновременно носить офицерскіе погоны и быть въ курсѣ самыхъ сложныхъ финансовыхъ вопросовъ, выгодно играть на биржѣ и вести свой домъ на широкую ногу, не имѣя крупнаго состоянія.

Аня, сестра хозяйки дома, барышня лѣтъ 25, единственная барышня, допускаемая на эти маленькія собранія. Она менѣе красива, чѣмъ сестра, но гораздо умнѣе ея, гораздо живѣе и обладаетъ большой находчи-

востью. Можетъ быть обворожительно любезной и остроумно ядовитой.

Еще недавно безприданница, которой трудно было выйти замужъ, игрою случая она теперь гораздо богаче своей замужней сестры.

Если раньше тѣ, которымъ она отдала-бы свою руку и сердце, не торопились овладѣть ими, то теперь она сама не торопится въ выборѣ себѣ мужа, считая, что теперь право выбора принадлежитъ ей.

Она живетъ въ свое удовольствіе, часто ѣздитъ заграницу, позволяетъ себѣ швырять деньгами, покупаетъ у Фабержэ черные жемчуга и у Гризара старинный хрусталь.

Съ молодыми офицерами она держится на товарищеской ногѣ.

Одна изъ дамъ, пріѣхавшая сегодня безъ мужа, выдѣляется въ этомъ кружкѣ своею интересной внѣшностью, элегантностью своего туалета и большою сдержанностью. Она мало говоритъ и рѣдко смѣется. Ее не шокируютъ самые игривые намеки, но видимое удовольствіе доставляетъ ей только то, что дѣйствительно остроумно и не шаблонно.

Изъ мужчинъ обращаетъ вниманіе лихой штабсъ-ротмистръ, кутила и скакунъ, который обыкновенно является душой этого общества. Старая дружба, быть можетъ давняя, еще юношеская любовь, связываетъ его съ хозяйкой дома.

Два молодыхъ офицера въ безукоризненныхъ сюртукахъ — самые молодые члены этого собранія. Оба хорошихъ семей, оба со средствами, хотя и не крупными; оба года два, какъ надѣли золотые погоны и гвардейскій мундиръ. Излишне скромными и застѣнчивыми ихъ назвать нельзя, но имъ еще не удалось всецѣло войти въ тонъ этого кружка.

Въ этомъ маленькомъ, интимномъ кружкѣ, гдѣ царятъ красота, молодость и легкомысліе въ связи съ корректностью манеръ и отсутствіемъ видимой близости иначе, какъ между мужьями и женами, граница дозволеннаго и недозволеннаго представляется передвинутой на какой-то непонятный уголъ и трудно уловима.

Оба молодыхъ офицера чувствуютъ себя въ этомъ обществѣ недостаточно искушенными жизнью, но имъ здѣсь и хорошо, и весело.

Часто они испытываютъ острое желаніе высказать какую-нибудь рискованную мысль, подходящую къ темѣ разговора, но въ то-же время ихъ останавливаетъ опасеніе, что высказанная мысль можетъ перейти условную черту.

Все-же имъ иногда удается вставить острое слово и привлечь на себя благосклонное вниманіе и взгляды.

Чутко улавливая, что настроеніе, уже перешедшее высшую точку напряженія, начинаетъ падать, хозяинъ дома уговариваетъ штабсъ-ротмистра что-нибудь спѣть. Къ его просьбѣ присоединяется и его жена.

Не боясь впасть въ сантиментальность, штабсъ-ротмистръ, подъ аккомпаниментъ гитары, начинаетъ пѣть старинный, давно забытый романсъ.

Пользуясь этимъ моментомъ, сестра хозяйки уходитъ въ будуаръ, уводя съ собою двухъ молодыхъ офицеровъ, а хозяинъ дома, находя, что настало время подавать ужинъ и умѣло разсадивъ гостей, дать новый толчекъ общему веселью, уходитъ въ столовую. Онъ хочетъ убѣдиться, что все готово и можно пригласить къ столу.

Въ будуарѣ царитъ Аня. Въ ея обществѣ у молодыхъ офицеровъ развязываются языки. Пружина ихъ молодой энергіи, бывшая долгое время въ сжатомъ состояніи, получивъ возможность выпрямиться, выбрасываетъ все ихъ остроуміе и веселость.

Аня смѣется непрерывно. Она полулежитъ на диванѣ, откинувшись на пестрыя подушки. Лампы подъ большими абажурами, оставляя полуосвѣщеннымъ ея лицо, бросаютъ свой свѣтъ на ея руку, красиво удлиненную, съ широкимъ браслетомъ.

Любитель старины и искусства могъ-бы залюбоваться этимъ браслетомъ старинной работы.

Въ будуарѣ, за веселой болтовней, быстро проходитъ время и всѣмъ тремъ собесѣдникамъ искренне жаль, что такъ скоро приглашаютъ къ ужину.

Вошедшая хозяйка дома, взявъ подъ руку сестру, уводитъ ее въ столовую, прося молодыхъ офицеровъ слѣдовать за ними.

Въ столовой ярко горитъ большая люстра, холодно блистаетъ серебро, искрится граненый хрусталь и, напоминая весну, розовѣютъ въ вазахъ привезенныя изъ Ниццы гвоздики.

Покоряясь волѣ хозяевъ, члены маленькой компаніи, бывшей въ будуарѣ, занимаютъ мѣста далеко одинъ отъ другого, между остальными гостями.

Ужинъ длится долго. Разговоръ то становится общимъ, то разбивается на отдѣльные діалоги.

Вино быстро смѣняется шампанскимъ, которое возбуждаетъ, но не пьянитъ, даетъ новую остроту мыслямъ, сближаетъ собесѣдниковъ, вызываетъ румянецъ и улыбки.

Около 4 часовъ ночи начинается разъѣздъ.

На улицахъ горятъ электрическіе фонари. Беззвучно скользятъ полозья саней по свѣже-выпавшему за ночь снѣгу. Царитъ полная тишина.

Жизнь кажется особенно беззаботной и легкой.

Хозяйка дома, усталая, но довольная удавшимся вечеромъ, крѣпко спала, когда вернулся ея мужъ, ѣздившій проводить Аню къ родителямъ.

Въ гостинной и въ столовой, особенно въ столовой, царилъ безпорядокъ.

Хозяинъ дома былъ уже въ постели и собирался заснуть, когда до его слуха донеслось дребезжаніе телефоннаго звонка. Не хотѣлось обращать вниманія. Кто станетъ звонить въ такое дикое время?

Казалось очевиднымъ, что телефонная барышня ошибочно соединила съ частной квартирой кого-нибудь, кто спѣшно вызывалъ доктора, пожарныхъ или полицію.

Телефонъ, то замолкалъ, то снова начиналъ звонить. Пришлось встать, чтобы разъяснить ошибку, отвести душу, выругавъ кого-нибудь и снять трубку, чтобы потомъ спокойно спать.

Къ сожалѣнію, это не была ошибка.

— Что? Какъ? Браслетъ? — раздавался у телефона голосъ хозяина.

Наконецъ, разговоръ былъ оконченъ и хозяинъ дома вернулся въ спальню. Извѣстіе, полученное по телефону, было настолько важно и неожиданно, что онъ рѣшилъ разбудить жену.

— Аня телефонируетъ, что она потеряла браслетъ! Ты знаешь, тотъ старинный, широкій!

Это заставило жену не только проснуться, но и привскочить.

— Бабушкинъ браслетъ? Да! Я видѣла его у нея сегодня на рукѣ. Гдѣ-же она могла его потерять? Его необходимо найти и сейчасъ-же, пока его не растоптали ногами при уборкѣ.

Я подниму прислугу и мы поищемъ браслетъ въ квартирѣ, а ты спустись къ кучеру и осмотри съ нимъ сани. Если Аня потеряла браслетъ по дорогѣ — онъ долженъ быть въ саняхъ. Аня была въ ротондѣ. Если нѣтъ и въ саняхъ — поищите у подъѣзда. Браслетъ непремѣнно надо найти.

Пропала ночь отдыха у утомленныхъ хозяевъ, у сбившейся съ ногъ прислуги, у кучера, подававшаго сани ночью, чтобы баринъ, послѣ разъѣзда гостей, могъ отвезти барышню къ ея родителямъ.

Поднимали ковры, передвигали мебель, перебрасывали съ мѣста на мѣсто вышитыя подушки въ будуарѣ, осматривали санки съ медвѣжьей полостью, разгребали снѣгъ у подъѣзда, ѣздили даже въ Поварской переулокъ и при помощи дворника и тамъ разгребали снѣгъ.

Все было напрасно.

Безвозвратно исчезъ старинный золотой браслетъ эпохи Возрожденія, вывезенный изъ Италіи однимъ изъ предковъ Ани и ея сестры, сподвижникомъ Суворова въ итальянскомъ походѣ.

„Вывезенный“... Нѣтъ, это слово невѣрно.—Вынесенный въ холщевомъ мѣшечкѣ подъ мундиромъ гренадерскаго Малышкина полка черезъ ущелья Альпъ и снѣга Сенъ-Готарда — это вѣрнѣе.

Аня не сразу по возвращеніи домой обнаружила исчезновеніе браслета. Скинувъ ротонду, она прошла, по обыкновенію, къ матери, съ которой имѣла привычку дѣлиться своими впечатлѣніями, какъ бы поздно не вернулась домой.

Только придя въ свою спальню и снявъ вечерній туалетъ, она замѣтила исчезновеніе браслета.

Она искала его въ складкахъ снятаго платья, на пушистомъ коврѣ, въ тѣхъ маленькихъ карманахъ, при помощи которыхъ запахиваютъ ротонду... Нигдѣ не найдя браслетъ, она рѣшила позвонить къ сестрѣ.

Сначала была надежда, что браслетъ найдется, но время шло и надежда падала.

Скрыть пропажу было невозможно; сказать о ней тоже было невозможно. Аня знала, какъ ея родители дорожили этимъ браслетомъ; она знала также, что въ самое тяжелое для семьи время, когда все цѣнное обращалось въ деньги—этотъ браслетъ и двѣ фамильныя миніатюры избѣжали общей участи всѣхъ семейныхъ драгоцѣнностей.

Даже тогда браслетъ не продали, хотя для знатока или для музея онъ представлялъ огромную цѣнность.

Караульная служба въ Петербургѣ отвлекала отъ занятій старо-служащихъ солдатъ и являлась досадной стороной въ жизни молодыхъ офицеровъ. Именно, молодые офицеры и старослужащіе солдаты несли на своихъ плечахъ всю тяжесть караульнаго наряда.

Кромѣ почетныхъ карауловъ для охраны дворцовъ, какихъ только карауловъ не было: крѣпость, комендантское управленіе, государственный банкъ, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, городокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, гребной портъ и много другихъ. Для молодыхъ офицеровъ быть назначеннымъ въ караулъ (а это случалось нерѣдко) значило уйти на сутки изъ жизни столицы, уйти отъ баловъ, вечеровъ, визитовъ, театровъ, веселыхъ пирушекъ, интересныхъ встрѣчъ.

Быть назначеннымъ въ караулъ значило также нести большую отвѣтственность, быть все время на чеку, круглыя сутки быть готовымъ, или къ вызовамъ караула, или къ повѣркамъ, какъ строевыми начальниками до командира Гвардейскаго корпуса включительно, такъ и чинами комендантскаго управленія, дежурнымъ по карауламъ и рундомъ.

Быть въ караулѣ это значило еще сидѣть 24 часа въ пальто и боевой аммуниціи, ѣсть подогрѣтый обѣдъ изъ собранія или ресторана, пить блѣдный невкусный чай, не спать, но только „отдыхать лежа“ (такъ говорилось въ уставѣ) на неудобномъ клеенчатомъ диванѣ, въ обстановкѣ казарменной комнаты, съ бѣлыми стѣнами, увѣшанными табелями, инструкціями, слѣпками съ печатей.

Впрочемъ, назначеніе въ караулъ давало одно преимущество — возможность не вставать рано и не присутствовать на утреннихъ занятіяхъ.

Одному изъ молодыхъ офицеровъ, бывшихъ на вечерѣ повезло—на слѣдующій день онъ заступалъ въ караулъ и потому могъ рано не вставать.

Это было особенно пріятно, такъ какъ послѣ отъѣзда съ вечера произошло событіе, которое являлось совершенно неожиданнымъ для него самого, которое наполняло его радостью, льстило самолюбію и навѣвало разныя мечты.

Все произошло какъ-то само собою, но все-же все, что произошло, онъ не могъ не приписать лично себѣ и своимъ качествамъ.

Само собою вышло, что на него выпала обязанность проводить съ вечера сидѣвшую рядомъ съ нимъ за ужиномъ молодую даму, пріѣхавшую одну, безъ мужа.

— Я живу на Шпалерной,—сказала спутница, садясь въ сани.

Вино-ли, неожиданно-ли вспыхнувшая во время разговора за ужиномъ взаимная симпатія, коварство-ли хозяевъ, знавшихъ, какъ разсадить гостей, быстрый-ли бѣгъ лошади, волшебная-ли тишина ночи—но путь отъ Царскосельскаго вокзала на Шпалерную два раза пе-

ресѣкъ Неву и поднимался на сѣверо-западъ до ресторана Фелисьена на Каменномъ островѣ.

Было около 10 часовъ утра.

Надо было вставать, чтобы не опоздать въ полкъ, но хотѣлось еще понѣжиться въ постели.

Въ памяти всплывали, безсвязно и отрывочно, разные моменты вчерашняго вечера. Эти воспоминанія заслоняли другія, болѣе острыя и яркія, о ночной поѣздкѣ.

Вся поѣздка казалась прекраснымъ сномъ, прочитанной сказкой, причудливой игрой воображенія.

Но это не былъ сонъ.

Не во снѣ быстро неслись сани подъ бѣлыми сводами опушенныхъ снѣгомъ деревьевъ среди какой-то звенящей тишины.

Ее чуть слышно нарушали два голоса: одинъ—его, другой—взволнованный, тихій и новый, совсѣмъ новый, несмотря на то, что онъ много разъ его слышалъ.

Нѣтъ не сонъ и теплый кабинетъ у Фелисьена, вазы съ грушами и миндалемъ, бокалъ шампанскаго, нѣжный запахъ духовъ и горячія губы.

Нѣтъ все это не сонъ, все это была дѣйствительность и она не можетъ такъ странно оборваться. Надо вычеркнуть, стереть, уничтожить только послѣдній аккордъ, послѣднія слова, сказанныя ею у подъѣзда при прощаніи.

— Я не забуду сегодняшній вечеръ, я не забуду нашего безумія, но намъ не надо больше видѣться... Не ищите меня.

Въ темномъ подъѣздѣ вспыхнулъ свѣтъ.

Швейцаръ распахнулъ двери.

— Спасибо, прощайте!

На этомъ оборвалась пѣсня, пережитый наяву прекрасный сонъ...

Однако, нельзя предаваться воспоминаніямъ и мечтамъ. Время не ждетъ. Надо быстро одѣваться.

Рѣзкимъ движеніемъ отброшено одѣяло, рука потянулась за бѣльемъ. На онѣмѣвшей во время сна лѣвой рукѣ, изъ подъ загнувшагося рукава ночной рубашки, блеснулъ широкій золотой браслетъ.

Вились зазубренные акантовые листья, среди которыхъ поднимались обнаженные торсы мускулистыхъ мужчинъ и улыбавшихся навѣки застывшей улыбкой полногрудыхъ женщинъ.

Сразу вспомнилось то, что было совсѣмъ позабыто: будуаръ, маленькая рука Ани на пестрой подушкѣ...

Вспомнилось, какъ Аня сняла браслетъ, чтобы можно было его лучше разсмотрѣть, и какъ браслетъ попалъ въ его руки. За разговоромъ было пріятно играть съ затѣйливымъ украшеніемъ и пробовать его надѣть на свою руку.

Сначала это не удавалось, но потомъ, какъ-то случайно, удалось согнуть ладонь, еще очень молодую и гибкую. Браслетъ проскочилъ на запястье и царапнулъ твердую манжету.

Какъ разъ въ это время вошла хозяйка дома и повела всѣхъ къ ужину. За столомъ Аня сидѣла далеко и пришлось отложить возвращеніе браслета до окончанія ужина.

Сосѣдкой, которую надо было занимать, оказалась дама со сдержанной улыбкой, которая не любила много говорить.

Такое сосѣдство не могло радовать, но, послѣ первыхъ вымученныхъ фразъ, неожиданно нашлась какая-то тема, заинтересовавшая обоихъ. Постепенно разговоръ все болѣе и болѣе захватывалъ собесѣдниковъ, вызывая ихъ на взаимную искренность и откровенность.

Мысль о браслетѣ улетѣла куда-то далеко и о немъ было забыто до той самой минуты, пока онъ, при утреннемъ свѣтѣ, не блеснулъ передъ глазами.

То, что вчера было простой шалостью, казалось сегодня чѣмъ-то безконечно глупымъ и крайне непріятнымъ.

Инстинктивно чувствовалось, что надо немедленно ликвидировать нелѣпую исторію съ похищеніемъ чужого браслета.

Мысль о томъ, что подумала Аня и ея родные — волновала, преслѣдовала, мѣшала найти выходъ изъ положенія.

Холодная вода, плеснувшая въ лицо при умываніи, неожиданно возстановила душевное равновѣсіе и дала

возможность рѣшить задачу. Оставалось только провести рѣшеніе въ жизнь.

По дорогѣ въ полкъ пришлось заѣхать въ кондитерскую.

Если-бы мысли не были заняты другимъ, то молодой офицеръ замѣтилъ-бы, какъ насмѣшливо-весело улыбнулась продавщица въ черномъ платьѣ съ кокетливымъ кружевнымъ передничкомъ, когда рядомъ съ блекло-золотымъ ананасомъ онъ положилъ блестящій массивный браслетъ причудливаго рисунка, въ которомъ золотыя миніатюрныя фигурки обнаженныхъ людей играли среди пышныхъ завитковъ акантовыхъ листьевъ.

Онъ замѣтилъ-бы также, какъ продавщица, перевязывая коробку, прилагала всѣ усилія, чтобы сдѣлать особенно нарядным и радостным большой бантъ изъ голубой ленты.

Однако, онъ этого не видѣлъ. Онъ испытывалъ только чувство страшнаго нетерпѣнія, сознавая, что пора уже быть въ полку и что ему еще необходимо заѣхать въ Поварской переулокъ и передать горничной, а не швейцару, злосчастный, но драгоцѣнный пакетъ.

Жизнь въ казармахъ идетъ, повинуясь приказамъ по полку, уставамъ и десятилѣтіями слагающимся опытомъ.

Въ это февральское утро обычная жизнь роты шла своимъ нормальнымъ ходомъ.

Назначенные въ караулъ егеря рано пообѣдали, одѣлись въ соотвѣтственную форму, выстроились, получили боевые патроны и въ учебномъ покоѣ роты поджидали пріѣздъ караульнаго начальника и времени выхода на разводъ.

Шло время, но караульный начальникъ не являлся.

Фельдфебель посматривалъ на часы и посылалъ дневальнаго въ офицерское собраніе доложить, что караулъ готовъ, но посланный вернулся, не исполнивъ порученія—караульнаго начальника не было въ собраніи.

До развода оставалось мало времени.

— Ваше Высокоблагородіе, — обратился фельдфебель къ офицеру, занимавшемуся съ молодыми солдатами, —какъ-бы намъ не опоздать съ выводомъ караула. Его Высокоблагородіе еще не прибыли!

Офицеръ посмотрѣлъ на часы и увидалъ, что, дѣйствительно, уже время выводить караулъ. Онъ быстро прошелъ въ учебный покой, провѣрилъ знаніе обязанностей и приказалъ вывести караулъ на разводъ.

„Навѣрно что-нибудь задержало. Сейчасъ пріѣдетъ“,—думалъ онъ и, надѣвъ пальто, вышелъ вмѣстѣ съ карауломъ изъ казармъ.

Посединѣ улицы длинной нитью тянулись караулы. На правомъ флангѣ, въ ясномъ морозномъ воздухѣ блистали хорошо начищенныя трубы музыкантовъ.

Дежурный по полку обходилъ караулы и провѣрялъ по приказу, полностью-ли выполненъ нарядъ.

Онъ видѣлъ, какъ за строемъ проѣхалъ на извозчикѣ офицеръ, какъ онъ выскочилъ изъ саней, быстрыми шагами приблизился къ фронту и сталъ на свое мѣсто. Такія происшествія въ полку, въ которомъ служба всегда стояла очень высоко, случались рѣдко и не могли вызвать ничего другого, какъ общее порицаніе.

— Я хотѣлъ телефонировать, чтобы назначили новаго караульнаго начальника въ Государственный Банкъ, — рѣзко сказалъ дежурный по полку. — Караульный начальникъ обязанъ провѣрить караулъ до вывода его на разводъ,—тѣмъ-же суровымъ тономъ добавилъ онъ, особенно подчеркнувъ слово „обязанъ“.

Выслушать это замѣчаніе было крайне непріятно. Говорившій былъ много старше по службѣ, но всегда отлично относился къ молодежи и былъ ея искреннимъ пріятелемъ.

Кромѣ того, нельзя было не сознавать всю справедливость этого замѣчанія, а также не сознавать весь рискъ заступать въ караулъ, не провѣривъ даже знаній обязанностей по особымъ инструкціямъ.

Извѣстное облегченіе внесъ, вышедшій на разводъ, офицеръ той-же роты своими словами:

— Я провѣрилъ караулъ. Обязанности знаютъ хорошо...

Онъ хотѣлъ сказать что-то еще, но раздалась команда „смирно“ и все застыло.

Рундъ, а затѣмъ дежурный по карауламъ обходили и здоровались съ караулами. Музыканты проиграли „сборъ по карауламъ“, столь похожій на австрійскій гимнъ. Были розданы пароли. Четко отбивая шагъ по мерзлому снѣгу, караулы начали расходиться съ развода.

Въ воздухѣ гремѣла музыка, которая сопровождала знаменный караулъ въ Зимній Дворецъ.

Днемъ въ караульное помѣщеніе Государственнаго Банка звонила по телефону Аня. Она благодарила за конфекты и за присланный браслетъ.

— Я была увѣрена, что у васъ браслетъ въ полной сохранности,—говорила она.

Можно-ли было предполагать, что она говорила неправду?

Это открылось много позже.

Время поздняго петербургскаго обѣда кончилось и большинство посѣтителей ресторана на крышѣ Европейской гостинницы уже разъѣхалось или въ лѣтніе театры, или на острова.

Beau frère Ани и молодой офицеръ, бывавшій у него въ домѣ, долго задержались въ этотъ вечеръ за чашкой кофе.

Они пріѣхали около 7 часовъ, послѣ отхода Nord-Express'a, проводивъ Аню и ея сестру, отправившихся въ Парижъ заказывать приданое.

Аня въ іюнѣ выходила замужъ.

Стояла середина мая.

Внизу зеленѣлъ круглый садъ на площади передъ музеемъ Императора Александра III.

Бѣлымъ вѣнкомъ представлялись сверху обильно цвѣтущіе каштаны, обѣгающіе садъ вдоль его желѣзной ограды.

Легкій вѣтерокъ тянулъ съ моря.

Погасли яркія краски, а съ ними вмѣстѣ исчезли и тѣни. Все было погружено въ легкіе и прозрачные сумерки, предшествующіе бѣлой ночи.

Въ такіе часы всѣ предметы теряютъ свою выпуклость.

Плоской декораціей, блекло расцвѣченнымъ чертежомъ, кажется величественный фронтонъ бывшаго дворца съ его желтой окраской и бѣлыми колоннами.

Въ этотъ часъ, полный мистики, когда реальное становится нереальнымъ, что-то особенно располагаетъ къ задушевнымъ бесѣдамъ, къ высказыванію тѣхъ мыслей, которыя въ другое время остались-бы не высказанными.

— Знаешь, что мнѣ довѣрила Аня на время своей поѣздки? — спросилъ ея beau frère.

— Думаю, что знаю—уходъ за ея борзой, за Разгуляемъ?

— Не угадалъ. Разгуляй остался на попеченіи ея горничной. Да я бы его и не взялъ. Онъ меня стѣснилъ-бы и я, вообще, не люблю собакъ въ комнатахъ. Аня повѣрила мнѣ что-то гораздо болѣе цѣнное—свой браслетъ. Ты его, конечно, помнишь. Это какой-то семейный талисманъ, который имѣетъ свою исторію, окруженъ легендами.

По одной версіи, во время итальянскаго похода Суворова, въ прадѣда Ани, молодого тогда офицера, раненаго въ бою при Треббіи и лѣчившагося отъ ранъ, до самозабвенія влюбилась какая-то итальянская сеньора, которая при прощаніи передала прадѣду этотъ браслетъ. Передала, а сама ушла въ монастырь замаливать свои грѣхи. Прадѣдъ Ани, догнавъ армію, снова участвовалъ въ бояхъ, прошелъ черезъ Чортовъ Мостъ и благополучно вернулся въ Россію, не будучи больше раненъ.

По другой версіи, въ нашъ вѣкъ она кажется болѣе правдоподобной и менѣе романтичной, этотъ браслетъ во время итальянскаго похода выигралъ въ карты прадѣдъ Ани въ дымной тавернѣ Милана у какого-то раззорившагося итальянскаго графа. Этотъ браслетъ,

какъ увѣрялъ графъ, является твореніемъ самого Бенвенуто Челини.

Я не знатокъ въ такихъ вещахъ. Можетъ быть графъ и вралъ. Безспорно одно, что браслетъ приносилъ всегда счастье своимъ владѣльцамъ. Аня уже четвертое поколѣніе. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, могу тебѣ сказать, что родители моей жены, нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно разорились, но какъ талисманъ, берегли браслетъ. Спустя короткое время имъ съ неба упало порядочное состояніе отъ какого-то дальняго родственника, котораго они даже мало знали.

Теперь, снова, Аня надѣется получить еще одно наслѣдство. Я-бы могъ много разсказать о браслетѣ и о томъ, почему именно онъ перешелъ къ Анѣ, но это было-бы долго.

Хотя я обѣщалъ никому не разсказывать, но разъ зашла рѣчь о браслетѣ, тебѣ я разскажу, что было у насъ въ ту ночь, когда браслетъ былъ у тебя на рукѣ, а мы всѣ думали, что онъ потерянъ.

Послѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ Аня хватилась исчезновенія браслета, какъ его искали въ квартирѣ, въ саняхъ, въ снѣгу.

Слушать этотъ разсказъ молодому офицеру было очень непріятно. Онъ поспѣшилъ принести извиненія.

— Полно, пустяки,—Аня сама виновата, что такъ разсѣянна и что забыла, кому отдала браслетъ, снявъ его съ руки. А, правда, забавный браслетъ?

Не давая времени для отвѣта, онъ продолжалъ:

— Знаешь, я теперь могу съ увѣренностью сказать, что этотъ браслетъ не только его владѣльцамъ, но и временнымъ его обладателямъ приноситъ счастье.

Молодому офицеру казалось, что при этихъ словахъ beau frere Ани особенно пристально посмотрѣлъ на него.

Онъ почувствовалъ, что кровь бросилась въ голову и яркій румянецъ запылалъ на его щекахъ.

Намекъ ему былъ ясенъ.

Его тайна, которую онъ такъ тщательно и, казалось, успѣшно скрывалъ отъ всѣхъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, оказалась теперь разоблаченной.

Кто-то проникъ въ нее и этимъ осквернилъ ее.

Отвернувъ голову отъ собесѣдника, молодой офицеръ сталъ упорно смотрѣть внизъ на квадратную площадь, на круглый садъ, на вѣнокъ бѣлыхъ цвѣтущихъ каштановъ.

И чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на маленькій садикъ, тѣмъ яснѣе въ рамѣ бѣлаго вѣнка, на густой зелени кустовъ, вырисовывалось передъ нимъ знакомое и милое лицо красивой женщины, капризной и непослѣдовательной, то убѣгающей, то зовущей—всегда дорогой, всегда желанной.

Неужели это онъ—чудодѣйственный браслетъ Бенвенуто Челини, своими зазубренными гирляндами аканта, соединилъ въ морозную февральскую ночь сердца двухъ людей, бывшихъ до того равнодушными другъ къ другу?

Съ большимъ усиліемъ совладавъ съ собою, дѣланно-равнодушнымъ тономъ молодой офицеръ прервалъ затянувшуюся паузу, сказавъ:

— Я не догадываюсь, о чемъ ты говоришь теперь?

— Въ данную минуту о себѣ, — неожиданно услышалъ онъ. „Аня на дняхъ передала мнѣ на храненіе браслетъ и я уже выигралъ на Ленскихъ крупную сумму. Однако мы засидѣлись. Пора собираться. Позвони, пожалуйста, чтобъ дали счетъ.

КУЛЕБЯКА

Памяти бар. Розенъ

Всѣмъ хорошо памятна характерная фигура Великаго Князя Владиміра Александровича.

Всѣ, конечно, помнятъ его красивое лицо, сѣдѣющіе бакенбарды, громкій голосъ, величественную осанку и неторопливую увѣренность во всѣхъ движеніяхъ, которая такъ характерна для большого барина.

Всѣ помнятъ богато украшенный всевозможными орденами и звѣздами его мундиръ, на которомъ, у лѣваго плеча, сіялъ своими брилліантами большой медальонъ съ портретами Государей, которымъ онъ служилъ.

Быть можетъ, многіе помнятъ и его тяжелую, короткую гнѣдую лошадь съ бѣлыми чулками, которой онъ управлялъ только мундштучнымъ поводомъ.

Также помнятъ, конечно, всѣ, кто служилъ подъ его начальствомъ, что, пріѣхавъ на маневры, первое что онъ дѣлалъ, не обращая вниманія на погоду — онъ снималъ съ себя генеральское сѣрое пальто съ яркими отворотами и оставался до отъѣзда съ маневра въ сюртукѣ съ шарфомъ.

Кому чаще приходилось видѣть Великаго Князя, помнятъ этотъ, нѣсколько широкій, сюртукъ, изъ очень тонкаго сукна, въ которомъ, лѣтомъ и зимой, ходилъ Главнокомандующій.

Въ такомъ сюртукѣ мы видѣли его на маневрахъ, видѣли его въ собраніи полка, въ театрѣ, на выставкахъ картинъ и на благотворительныхъ базарахъ.

Лѣто 1902 года было однимъ изъ самыхъ оживленныхъ, на моей памяти, въ Красномъ Селѣ.

Цѣлая плеяда Великихъ Князей занимала, какъ командные посты, такъ и скромныя должности офицеровъ разныхъ частей войскъ.

Въ семьѣ Великаго Князя Владиміра Александровича готовилось счастливое событіе — свадьба его дочери съ принцемъ Николаемъ Греческимъ, который проводилъ это лѣто тоже въ Красномъ Селѣ и въ Царскомъ, носилъ русскую форму 1-го пѣхотнаго Невскаго полка и въ свитѣ Главнокомандующаго выѣзжалъ на всѣ маневры.

На маневры выѣзжали часто и Великая Княгиня Марія Павловна съ красавицей дочерью-невѣстой, а самые маневры въ это лѣто преимущественно происходили въ раіонѣ: Красное — Царское — Нева.

Погода въ одинъ изъ этихъ маневренныхъ дней была особенно неудачной. Дулъ холодный сѣверный вѣтеръ и шелъ крупный дождь.

Это не остановило Великаго Князя отъ обычнаго выѣзда на маневры, какъ не остановило его и отъ того, чтобы снять пальто по выходѣ изъ коляски, такъ какъ войска были безъ шинелей.

Маневръ и разборъ его шли обычнымъ порядкомъ и затянулись довольно долго.

Наконецъ, было сказано заключительное слово и Великій Князь, не спѣша, пошелъ къ тройкѣ, стоявшей на шоссе.

Въ лѣскѣ, въ сторонѣ отъ поляны, по которой шелъ Великій Князь, расположился, собранный на обѣдъ послѣ отбоя, Л. Гв. Егерскій полкъ.

Повозка Офицерскаго собранія находилась на опушкѣ лѣса.

Увидавъ эту повозку, командиръ Лейбъ-Егерей, находившійся въ числѣ другихъ начальниковъ, присутствовавшихъ на разборѣ, круто взялъ въ сторону и, покачиваясь своей грузной фигурой, стремительно отправился къ повозкѣ собранія, обгоняя медленно двигавшуюся къ шоссе, по открытому полю, группу съ Великимъ Княземъ во главѣ.

Когда эта группа почти поровнялась съ повозкой собранія, командиръ полка, подавъ команду „господа

офицеры", рѣшительно двинулся впередъ и подойдя къ Великому Князю Владиміру Александровичу, отъ имени общества офицеровъ, просилъ его удостоить своимъ посѣщеніемъ полковое собраніе и выпить у егерей рюмку водки, чтобы согрѣться послѣ долгаго стоянія на дождѣ и на вѣтру.

Великій Князь круто измѣнилъ направленіе и со своей свитой подошелъ къ повозкѣ собранія.

Онъ выпилъ рюмку или двѣ водки, чѣмъ-то закусилъ.

Потомъ онъ разсказалъ какой-то вспомнившійся ему эпизодъ изъ времени Турецкой войны и задалъ какой-то вопросъ одному изъ офицеровъ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ стоявшимъ на опушкѣ походнымъ кухнямъ и попробовалъ горячую похлебку солдатскаго обѣда и, наконецъ, поблагодаривъ всѣхъ, направился къ своей тройкѣ.

Подъ продолжавшимся весь день дождемъ полкъ сдѣлалъ переходъ и сталъ въ исходное положеніе къ слѣдующему маневру, занявъ квартиро-бивакомъ Федоровскій посадъ.

Населеніе этой деревни, повидимому, было зажиточнымъ.

Было много каменныхъ двухэтажныхъ домовъ. Подъ воротами одного изъ нихъ, за неимѣніемъ большихъ комнатъ въ домахъ, былъ разставленъ длинный столъ офицерскаго собранія.

Ворота на улицу и во дворъ были заперты, благодаря чему образовался длинный залъ со сводчатымъ потолкомъ.

Если не было слишкомъ тепло, то, все-же, не было вѣтра, какъ и не было воды и грязи подъ ногами.

Когда, переодѣвшись по своимъ квартирамъ, мы пришли къ обѣду, мы увидали на столѣ рядъ прекрасно выпеченныхъ, еще теплыхъ, золотистыхъ кулебякъ и узнали, что ихъ прислалъ въ собраніе, вмѣстѣ съ двумя ящиками шампанскаго, Великій Князь.

Сейчасъ-же вспомнили про батальонъ, уже ушедшій нести охраненіе и отдѣлили для него двѣ кулебяки и часть шампанскаго. Все это было послано, вмѣстѣ съ обѣдомъ изъ собранія, тѣмъ, кто не имѣлъ сегодня возможности обсушиться и отдохнуть; тѣмъ, кто продолжалъ мокнуть на дождѣ.

На слѣдующій день послѣ маневра, бывшаго снова въ присутствіи Великаго Князя, командиръ Лейбъ-Егерей, отъ имени офицеровъ полка, благодарилъ Главнокомандующаго за вниманіе, оказанное полку.

Опустивъ нѣсколько голову, Великій Князь выслушалъ слова благодарности, а потомъ, поднявъ глаза, посмотрѣвъ пристально на командира полка, сказалъ своимъ громкимъ, на далеко слышнымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Это я долженъ благодарить васъ и господъ офицеровъ. Быть можетъ, вы спасли меня отъ простуды или воспаленія легкихъ.

Вы поступили по евангельскимъ завѣтамъ: — „Я былъ нагъ и вы одѣли меня, я былъ голоденъ и вы накормили меня, я былъ въ темницѣ и вы посѣтили меня". Затѣмъ, снова опустивъ голову, послѣ нѣкоторой паузы, онъ спросилъ:

— А какъ кулебяка? Можно было кушать?

Выслушавъ докладъ командира полка, что кулебяки были превосходны и таяли во рту, Великій Князь съ улыбкой сказалъ:

— Это моя дочь Елена. Она выходитъ замужъ и учится хозяйничать!

ОХРАНА

Памяти А. С. Кутепова

Въ аппаратной маленькаго, заброшеннаго, полустанка горѣла большая керосиновая лампа. Аппараты все время что-то щелкали. Ферофонъ давалъ какіе-то сигналы. Иногда, не отрываясь отъ работы, дежурный по станціи громко сообщалъ:

„Сорокъ четвертый задержанъ въ Любани."

„Двадцать седьмой вышелъ къ намъ."

Несмотря на то, что я только что обошелъ свой участокъ желѣзно-дорожнаго полотна, на душѣ, въ этотъ вечеръ, было какъ-то неспокойно.

Когда заслышался шумъ приближающагося поѣзда, я принялъ рѣшеніе воспользоваться имъ и проѣхать до Любани, чтобы снова пройти весь участокъ, который начинался въ десяткѣ сажень отъ выходныхъ стрѣлокъ этой станціи.

Я позвалъ посыльнаго и мы вышли на платформу.

Моросилъ дождь. Тусклая лампа станціоннаго фонаря освѣщала радіусъ въ нѣсколько шаговъ; дальше стояла непроглядная тьма. Въ ея черной пеленѣ свѣтились только огни приближающагося паровоза.

Поѣздъ задержали на минуту на полустанкѣ и спѣшили отправить дальше, чтобы освободить путь.

Я вошелъ съ посыльнымъ Ильинымъ, румянымъ ефрейторомъ-сибирякомъ, на неосвѣщенную, закрытую площадку одного изъ вагоновъ.

Тронулся поѣздъ. Промелькнулъ станціонный фонарь съ металлической пластинкой, на которой было вырѣзано названіе станціи. Машинально я прочелъ снова странное названіе: „Померанье".

Промелькнули два-три освѣщенныхъ окна въ сторонѣ отъ полотна и наступила полная темнота.

Поднялся вѣтеръ. Косой дождь бьетъ въ открытое окно.

Ильинъ не видитъ меня въ темнотѣ и спрашиваетъ, гдѣ я?

Я ему отвѣчаю.

Мнѣ хочется отойти отъ окна и укрыться отъ дождя и я дѣлаю шагъ въ сторону.

Чувствую, что прикоснулся къ какой-то мягкой, колышащейся матеріи. Кто-то, кромѣ насъ съ Ильинымъ, стоитъ на площадкѣ.

Кто это? Какъ-будто женщина, но не видно ни лица, ни какого-либо свѣтлаго пятна на одеждѣ.

Темнота. Безмолвіе. Колеса стучатъ по стыкамъ рельсъ.

Дѣлаю еще шагъ въ сторону — фигура рядомъ безмолвно отстраняется. Дождь все еще достигаетъ до меня и бьетъ по пальто и по рукѣ. Желая встать къ другой стѣнкѣ, дѣлаю шагъ впередъ, но и въ этомъ направленіи натыкаюсь снова на какое-то существо, на длинныя колышущіяся одежды. Возвращаюсь на старое мѣсто.

Спросить кто здѣсь, какъ-то стыдно. Я не курю и спичекъ нѣтъ у меня. Мой электрическій фонарь у Ильина.

Прогрохоталъ подъ поѣздомъ какой-то мостикъ.

Поѣздъ мчится дальше.

На секунду слабо освѣтили внутреннее помѣщеніе закрытой площадки, ворвавшіеся въ окно, слабые лучи огней блокгауза. При этомъ слабомъ, долетѣвшемъ и погасшемъ свѣтѣ, я разглядѣлъ черныя рясы, черные клобуки, старческія лица.

Ихъ было три; три старыхъ монаха.

Откуда? Куда? Отчего они на площадкѣ, когда поѣздъ идетъ почти пустымъ?

Чувство безпричиннаго безпокойства, зародившееся еще на полустанкѣ, растетъ и растетъ.

Три безобидныхъ старыхъ монаха начинаютъ рисоваться въ воображеніи, какъ мистическія фигуры — предвѣстники чего-то рокового, страшнаго, непоправимаго.

Инстинктивно я чувствую, что и Ильинъ считаетъ эту ночную, случайную встрѣчу — „не къ добру“. Онъ какъ-то странно покашливаетъ гдѣ-то въ темнотѣ.

Наконецъ — Любань.

Насъ подбрасываетъ на стрѣлкахъ и мы подходимъ къ освѣщенной станціи.

Я быстро выхожу на платформу.

Генералъ, въ формѣ гвардейскихъ стрѣлковъ, меня останавливаетъ. Онъ спрашиваетъ, почему я, въ отвѣтственное время, на чужомъ участкѣ. Мое объясненіе его удовлетворяетъ. Онъ говоритъ:

— Ну, вотъ и отлично, что еще разъ провѣрите несеніе службы.

Потомъ онъ тихо говоритъ мнѣ, наклонившись къ моему уху:

— Государь и вся семья въ первомъ поѣздѣ.

Я откланиваюсь и спѣшу въ путь. Черезъ нѣсколько десятковъ сажень меня начинаютъ окликать часовые моей роты.

Мы идемъ съ Ильинымъ очень быстро и по самому полотну.

Дождь пересталъ накрапывать. Тучи расходятся. Становится свѣтлѣе. Прямое, какъ стрѣла, полотно Николаевской желѣзной дороги уходитъ въ темную даль. Справа и слѣва отъ полотна на болотахъ высокій еловый лѣсъ. Полотно идетъ по насыпи, усыпанной сѣрымъ, острымъ гравіемъ.

Появляется серебряная луна. Она уже на ущербѣ. Свѣтъ ея падаетъ слѣва и озаряетъ правый путь, путь на Москву. При лунномъ свѣтѣ освѣщенный гравій праваго пути кажется бѣлымъ; зато рядомъ — лѣвый путь, путь, по которому пройдетъ Царскій поѣздъ, теперь въ глубокой темнотѣ — на него падаетъ тѣнь густого и высокаго лѣса.

Мы продолжаемъ быстро идти. Часовые моей роты окликаютъ то справа, то слѣва. Они ходятъ внизу по тропинкамъ, что идутъ вдоль насыпи около болота. Одни изъ нихъ видятъ наши фигуры на фонѣ освѣщеннаго луной лѣса, другіе, которые сами идутъ въ лун-

номъ свѣтѣ, насъ не видятъ, но слышатъ наши шаги, хрустъ гравія и иногда короткія фразы, которыми мы обмѣниваемся съ Ильинымъ.

— Что-то поповъ сколько понабиралось?—наконецъ, высказываетъ мой посыльный давно засѣвшую у него въ головѣ мысль.

Я не успѣваю ему отвѣтить, какъ мы оба ясно слышимъ металлическій звонъ рельсъ впереди насъ.

Изъ чиновъ охраны никто не могъ быть на полотнѣ. На освѣщенной полосѣ праваго пути видно, что нѣтъ никого; что дѣлается на пути, по которому пройдетъ поѣздъ, неизвѣстно, въ темнотѣ ничего не видно.

Не ожидая приказанія, Ильинъ бросается впередъ; на бѣгу онъ переставляетъ курокъ на боевой взводъ.

— Стой. Кто тамъ? Буду стрѣлять,—раздается крикъ Ильина.

Отвѣта нѣтъ.

Снова зазвенѣли рельсы. Послышался шумъ скатывающагося съ насыпи гравія. Донесся всплескъ воды на болотѣ. Затѣмъ все затихло. На минуту — мертвая тишина.

Снова крикъ, но уже другого голоса: „Стой. Стрѣляю", и къ намъ бѣжитъ на помощь одинъ нзъ часовыхъ охраны.

Снова роковое безмолвіе.

Ильинъ подаетъ электрическій фонарь. Подбѣжавшій солдатъ чиркаетъ спички. Мы находимъ мѣсто, гдѣ, по обсыпавшемуся гравію насыпи, по смятой травѣ, по слѣдамъ на болотѣ видно, что именно здѣсь кто-то сбѣжалъ съ полотна.

Броситься ночью въ лѣсъ — нѣтъ смысла. Надо установить, все-ли въ порядкѣ на полотнѣ.

Развинченныя гайки, подложенная адская машина и многія другія поврежденія — приходятъ на память.

Мысли, одна хуже другой, мелькаютъ въ головѣ.

Мы начинаемъ осматривать путь. Какъ-будто все въ порядкѣ, но развѣ нельзя засыпать ровно гравіемъ мѣсто, гдѣ что-нибудь подложено? Было-же крушеніе подъ Борками.

Посылаю ефрейтора Ильина на ближайшій блокпостъ, тотъ самый, огни котораго освѣтили площадку и монаховъ. Отправляю часового продолжать охранять его участокъ и остаюсь одинъ на загадочномъ, ужасномъ мѣстѣ.

Пробую пальцами, не отвинчены-ли гайки — какъ будто нѣтъ? Ладонями рукъ ощупываю гравій — какъ будто онъ лежитъ ровно и вездѣ одинаковой влажности.

Ужасная мысль, что Царскій поѣздъ съ каждой минутой все ближе и ближе, какъ буравъ сверлитъ голову.

Прибѣгаютъ съ поста дорожный мастеръ и жандармъ съ фонарями. Ихъ торопитъ Ильинъ; онъ взволнованъ и я это слышу по его голосу.

Снова осмотръ рельсъ, шпалъ, винтовъ и насыпи, снова взгляды на таинственную, теряющуюся въ лѣсу тропу.

Недоумѣнное покачиваніе головами.

— Повидимому — говорятъ мастеръ и жандармъ, —все въ порядкѣ, а въ точности, кто можетъ поручиться?

Вдали медленно ползутъ огни приближающагося Царскаго поѣзда. Поѣздовъ идетъ всегда два.

„Государь и Царская семья въ первомъ поѣздѣ“ — вспоминаются, сказанныя шопотомъ, слова генерала.

Дежурный мастеръ убѣгаетъ на блокпостъ.

Огни поѣзда все ближе.

Посылаю жандарма наблюдать за опушкой лѣса.

Что-же дѣлать дальше? Остановить поѣздъ или его пропустить?

Остановить — это значитъ разбудить и напугать, ночью, Царскую семью.

Пропустить — можно ли поручиться за безопасность?

Однако, теперь, какъ всегда въ минуты высшаго напряженія, мысль работаетъ сказочно быстро, и она приводитъ меня къ заключенію, что ни взрыва, ни крушенія быть не можетъ.

Даже, если на полотнѣ были опытные заговорщики, они не могли-бы привести въ исполненіе свой преступный замыселъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, да и

времени у нихъ было слишкомъ мало, такъ какъ по участку все время проходятъ часовые и одинъ изъ нихъ сейчасъ-же прибѣжалъ на крикъ Ильина.

Огни уже совсѣмъ близко.

Наступила послѣдняя минута, чтобы дать сигналъ остановки поѣзда. Ильинъ на меня испытующе смотритъ.

Я снимаю фуражку и, перекрестившись, схожу съ насыпи.

Время какъ-будто остановилось.

Когда-же, наконецъ, пройдетъ поѣздъ?

Кажется, проходятъ цѣлыя десятилѣтія въ томительномъ напряженіи и, наконецъ, показались красные фонари на стѣнкѣ задняго вагона.

Поѣздъ прошелъ благополучно роковое мѣсто.

Шторы въ окнахъ вагоновъ были опущены и Царская Семья, вѣроятно, спокойно почивала.

Черезъ часъ прошелъ второй поѣздъ и только тогда, затребовавъ со станціи дополнительный нарядъ для наблюденія за лѣсомъ, я покинулъ то мѣсто, гдѣ пришлось такъ много пережить.

Вѣроятно никогда, ни до, ни послѣ этого случая, съ маленькой, заброшенной станціи „Померанье“ не было отправлено столько длинныхъ телеграммъ по разнымъ адресамъ, какъ въ эту осеннюю ночь.

Безчисленное число „словъ“ бѣжало по проводамъ, передавая донесенія по охранѣ.

Что-же фактически было?

Два бродяги, высланные изъ Петербурга за нищенство, рѣшили снова возвратиться въ столицу. Они пробирались пѣшкомъ, выпрашивая подаянія по деревнямъ.

Въ связи съ Царскимъ проѣздомъ не только охранялась желѣзная дорога, но было также установлено наблюденіе за дорогами и ближними къ полотну деревнями.

Деревни осматривались, все подозрительное и пришлое задерживалось. Избѣгая попасть въ руки полиціи, бродяги укрылись въ лѣсу.

Болото, холодъ и дождь дали имъ мысль попробовать двинуться по полотну или на другой сторонѣ

полотна искать болѣе сухое мѣсто. Они вышли на границу участковъ двухъ смежныхъ часовыхъ въ то время, когда послѣдніе шли, отдаляясь одинъ отъ другого.

Мой подходъ, окрикъ и угроза Ильина—заставили бродягъ бѣжать обратно въ лѣсъ.

Произведенная утромъ облава лѣса дала возможность поймать двухъ оборванцевъ и выяснить всѣ подробности ночного происшествія.

— А вотъ вышло по моему, ваше высокоблагородіе, говорилъ, что не къ добру съ попами встрѣтились! Сколько страховъ понатерпѣлись, — сказалъ немного угрюмый, немногословный сибирякъ и звѣроловъ — ефрейторъ Ильинъ, когда все уже разъяснилось и мы шли на станцію, чтобы ѣхать въ Петербургъ.

ВОИНСКІЯ ПОЧЕСТИ

Вокругъ Петербурга со всѣхъ сторонъ раскинулись кладбища: Александро-Невское, Новодѣвичье, Волково, Охтенское, Выборгское, Смоленское, Преображенское. Я перечисляю только наиболѣе извѣстныя.

Въ центрѣ города кипѣла жизнь — здѣсь люди рождались, учились, служили, веселились, дѣлали состоянія или растрачивали ихъ, здѣсь они умирали.

Въ Петербургъ стремилась со всей Россіи молодежь, чтобы учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Петербургъ ѣхали иностранцы — артисты всѣхъ ранговъ, отъ міровыхъ извѣстностей до мелкихъ кабаретныхъ пѣвичекъ и цирковыхъ жонглеровъ; въ Петербургъ ѣхали дѣльцы, банкиры и купцы, жаждавшіе обогащенія. Въ Петербургъ пріѣзжали доживать свои послѣдніе дни генералъ-губернаторы, губернаторы и генералы.

Культъ мертвыхъ занималъ важное мѣсто въ жизни столицы. Объявленія въ черныхъ рамкахъ о смерти и панихидахъ, занимали обширное мѣсто на первой и на послѣдней страницѣ самой распространенной газеты „Новое Время“.

Присутствіе на панихидахъ и похоронахъ составляло часть той сложной жизни, которой жила столица и было столько-же обязательнымъ, какъ посѣщеніе службы, знакомыхъ, театровъ и баловъ.

Безчисленное число верстъ было пройдено офицерами и солдатами Петербургскаго гарнизона при сопровожденіи умершихъ до мѣста послѣдняго упокоенія.

Нарядами войскъ на похороны вѣдало Комендантское управленіе, разсылавшее эти наряды обычно поздно вечеромъ наканунѣ похоронъ.

Ночью выходили приказанія по полку съ перечнемъ офицеровъ, которымъ надлежитъ быть въ строю на похоронахъ такого-то, часто совершенно невѣдомаго генерала.

Помню одни похороны. Стоялъ Декабрь съ его морозами подъ зимняго Николу.

За нѣсколько минутъ до половины девятаго, сводный батальонъ полка прибылъ къ католической церкви Св. Екатерины для отданія послѣднихъ почестей неизвѣстному намъ генералу.

Костелъ стоялъ не въ ряду домовъ, но на маленькой площади, соединявшейся съ Невскимъ прямымъ и недлиннымъ переулкомъ.

Отрядъ выстроился частью въ проулкѣ, частью вдоль Невскаго. Ждать пришлось недолго. На площади около костела забѣгали люди изъ похороннаго бюро, застучали копыта лошадей по мерзлому снѣгу. Откуда-то изъ глубины выдвинулась погребальная колесница. Проѣхала черная повозка, съ которой сыпали ельникъ на бѣлый снѣгъ.

Показался гробъ, который выносили молодой офицеръ и нѣсколько штатскихъ.

Раздалась команда. Батальонъ взялъ „на караулъ“ и музыка заиграла „Коль Славенъ“.

Еще черезъ нѣсколько мгновеній прослѣдовала вдоль строя черная колесница съ большимъ балдахиномъ и серебряными ангелами.

Было только два вѣнка—оба изъ живыхъ цвѣтовъ.

Немного народу шло за гробомъ. Впереди шелъ офицеръ въ адъютантской формѣ и двое штатскихъ, затѣмъ шла группа нарядныхъ дамъ, и потомъ еще нѣсколько штатскихъ.

Въ группѣ дамъ мнѣ бросилась въ глаза высокая и стройная хорошенькая артистка Михайловскаго театра Gabrielle Robine, о чемъ-то бесѣдовавшая съ другой дамой, лица которой я не видѣлъ.

Gabrielle Robine шла близко отъ строя и съ интересомъ разсматривала офицеровъ и солдатъ.

За группой провожавшихъ ѣхали командиръ батальона и его адъютантъ, шла музыка и медленнымъ „похороннымъ“ шагомъ шли головныя роты.

Двинулась и послѣдняя рота, въ строю которой находился я. Печальный кортежъ шелъ по Невскому, направляясь къ Гостиному Двору.

Быстро обгоняя роты, проѣхалъ адъютантъ комендантскаго управленія. Онъ сидѣлъ на самомъ краю сидѣнія и правой рукой держался за сани. Его лѣвая рука держала отстегнутую полость. Вся его фигура и поза говорили за то, что онъ готовился выпрыгнуть изъ саней.

Не безъ ироніи я смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ: „Опоздалъ, голубчикъ. Тебя не подождали".

Неожиданно барабанщики и флейтисты смолкли, музыка тоже не начинала играть.

Прекративъ сопровожденіе покойника, музыканты и голова колонны шли теперь въ обратномъ направленіи, возвращаясь назадъ къ костелу.

Угрюмо ѣхалъ, сидя на черномъ мерлушковомъ вальтрапѣ съ серебряными звѣздами, командиръ батальона. Нѣсколько позади отъ него, ѣхалъ, улыбаясь, батальонный адъютантъ, а рядомъ съ нимъ шелъ офицеръ комендантскаго управленія, который насъ обогналъ на извощикѣ.

Теперь онъ, сильно жестикулируя, что-то разсказывалъ.

Мы быстро вернулись въ исходное положеніе и стали выравниваться.

Потомъ снова выносили гробъ, снова играла музыка и мы снова воздавали почести. Было больше военныхъ, дамы были гораздо менѣе нарядныя и не было среди нихъ интересной и стройной Gabrielle Robine.

Комендантскій адъютантъ шелъ среди провожавшихъ.

Какъ потомъ выяснилось, за полчаса до выноса тѣла генерала, хоронили скончавшуюся отъ воспаленія легкихъ молоденькую артистку Михайловскаго театра, только нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ пріѣхавшую изъ Парижа.

ЭРЦГЕРЦОГЪ

Памяти В. С. Кутепова

Былъ обычный зимній день. Шли занятія въ ротныхъ помѣщеніяхъ.

Въ учебномъ покоѣ, гдѣ за чугунной желѣзной рѣшеткой въ монументальномъ рѣзномъ кіотѣ темнаго дуба находилась икона Св. Николая и гдѣ стѣны были увѣшаны Царскими портретами, а черная доска около образа была исписана именами солдатъ роты, убитыхъ въ турецкую войну, шли занятія гимнастикой молодыхъ солдатъ.

Въ другихъ покояхъ занимались прикладкой старослужащіе.

Командиръ роты Его Величества находился въ маленькой комнатѣ рядомъ съ учебнымъ покоемъ и спѣшно подписывалъ какіе-то списки, которые надо было послать въ канцелярію полка.

Эта комната, съ окномъ, выходящимъ на дворъ 1-го батальона, была омеблирована братьями Великими Князьями, раньше командовавшими ротою, и служила имъ служебнымъ кабинетомъ.

Великихъ Князей давно нѣтъ въ полку, но все остается здѣсь въ томъ-же видѣ, что было при нихъ. На полу большой коверъ. Фотографіи и акварели на стѣнахъ. Кромѣ большого письменнаго стола съ металлическимъ письменнымъ приборомъ и многочисленными пепельницами, въ комнатѣ стоитъ еще одинъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ въ строгомъ порядкѣ лежатъ приказы по полку, разныя папки со списками, уставы и наставленія.

Шкафъ и нѣсколько креселъ рѣзного орѣха, работы извѣстнаго въ свое время мебельщика Тура, дополняютъ убранство и даютъ уютъ этой небольшой комнатѣ.

Закончивъ подписываніе списковъ, командиръ роты хотѣлъ пройти въ нижній этажъ осмотрѣть порядокъ въ столовой и въ кухнѣ, когда широко распахнулась дверь и въ ротное помѣщеніе вошелъ командиръ полка. Принявъ рапортъ отъ дежурнаго по ротѣ и поздоровавшись съ солдатами, командиръ полка прошелъ въ большой Великокняжескій кабинетъ и здѣсь объявилъ командиру роты, что имъ только что получена телеграмма, по которой отъ полка назначенъ почетный караулъ для встрѣчи австрійскаго эрцгерцога, прибывающаго на похороны Великаго Князя Михаила Николаевича.

Сейчасъ же начались подсчеты, сколько рядовъ можетъ дать для этого караула Его Величества рота, сколько надо добавить отъ другихъ ротъ полка.

— Я не хочу брать ни самыхъ высокихъ людей, ни пополнять караулъ учебной командой, а хочу, чтобы были люди отъ всего полка, молодецъ къ молодцу, и чтобы караулъ полностью олицетворялъ типъ полка. Дайте мнѣ сейчасъ четырехъ солдатъ,—говорилъ командиръ полка, — съ наиболѣе выраженнымъ типомъ лица.

Изъ представленныхъ ему четырехъ солдатъ онъ сейчасъ-же отобралъ двухъ, но эти два были, дѣйствительно, олицетвореніемъ въ лицѣ и въ фигурѣ всѣхъ тѣхъ характерныхъ линій и красокъ, которыя были запечатлѣны художниками былыхъ эпохъ, когда типъ полка строго поддерживался.

Этотъ строгій подборъ по типу былъ возможенъ при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, когда были длинные сроки службы, когда въ Гвардію переводились солдаты изъ арміи съ особымъ выборомъ, когда въ годъ въ полкъ прибывало только 100—150 солдатъ и когда полки представлялись Государю даже для того, чтобы онъ лично провѣрилъ новую ранжировку. Тогда типъ солдата каждаго гвардейскаго полка былъ

установленъ во всѣхъ деталяхъ и ни одинъ вновь прибывшій не отходилъ отъ этого типа.

Выбравъ два лучшихъ образца типа полка, командиръ приказалъ послѣдовательно выводить на полковой дворъ батальоны и, выйдя самъ съ группой офицеровъ на дворъ, отбиралъ наиболѣе подходившихъ къ живымъ моделямъ.

Фельдфебеля записывали имена отобранныхъ, а во время самаго отбора они давали свои дѣльныя, часто образныя замѣчанія:

„Глазъ безъ искры."

„Былъ бы поскуластѣй, такъ подошелъ бы."

„Больно въ лицѣ шершавый."

Вѣроятно судъ Париса не былъ такъ строгъ и не входилъ во всѣ тѣ детали, которыя дѣловито и серьезно обсуждалъ этотъ импровизированный военный ареопагъ.

Когда были подобраны люди изъ всѣхъ ротъ, то число ихъ было больше, чѣмъ нужно, но это было сдѣлано намѣренно — избранныхъ ожидалъ новый осмотръ, теперь уже въ шинеляхъ и въ недавно данныхъ киверахъ, которые надѣвались въ строй въ первый разъ и сильно мѣняли общій видъ и выраженіе лица.

Теперь уже осматривали и съ фронта и въ профиль и еще разъ сравнивали каждаго отобраннаго съ моделями. И наконецъ, — вѣнецъ достиженій, — было отобрано шесть солдатъ, парные часовые на три смѣны, которыхъ можно было бы назвать близнецами: все — ростъ, цвѣтъ глазъ и волосъ, взглядъ, строеніе тѣла и головы — дѣлали ихъ шестью репродукціями одного и того же оригинала.

Теперь караулъ составленъ, но этимъ положено только начало грандіозной работѣ.

Вотъ люди снова выстроены. Идетъ осмотръ обмундированія. Мѣлокъ полкового закройщика Гвоздева быстро чертитъ по новымъ шинелямъ и мундирамъ кресты, дуги, прямыя и волнистыя линіи.

Много глазъ слѣдитъ за его работой. Иногда даже завѣдывающій хозяйствомъ скажетъ свое вѣское слово.

Швальня работаетъ день и ночь, исправляя по фигурѣ каждаго солдата ни разу не надѣванное обмундированіе. А караулъ не маленькій; съ запасными около 250 человѣкъ.

На вѣстового и посыльнаго, которые будутъ представляться Эрцгерцогу отдѣльно, послѣ офицера ординарца, все шьется особо, по мѣркѣ.

Ротный каптенармусъ принимаетъ отъ полкового цейхгауза новые сапоги, новыя подсумки, пояса и погонные ремни изъ красной юфти.

Въ музыкантской командѣ море звуковъ. Полковой капельмейстеръ, педантичный Карлъ Карловичъ, разучиваетъ всѣ переливы австрійскаго гимна, и снова и снова репетируетъ полковой маршъ, находя каждый разъ въ исполненіи какой нибудь недостатокъ.

Въ ротѣ идутъ занятія съ составомъ караула: надо сколотить въ одно людей, собранныхъ со всего полка.

Занимаются повзводно и со всѣмъ карауломъ цѣликомъ. Стойка, равненіе, ружейные пріемы, поворотъ головы, отвѣты, — все репетируется, все повторяется безсчетное число разъ.

Въ канцеляріи идетъ отдѣльное обученіе парныхъ часовыхъ, вѣстового и посыльнаго. Тутъ самая тонкая ювелирная работа. Надо учить, кромѣ всего прочаго, тону отвѣта и рапорта, силѣ звука. Надо учить, гдѣ выдыхать и гдѣ вдыхать воздухъ, надо добиться полнѣйшей согласованности во всѣхъ движеніяхъ парныхъ часовыхъ.

Такъ идетъ шлифовка до поздняго вечера, потомъ еще цѣлый день, упорно и напряженно.

Наконецъ, насталъ день пріѣзда заграничнаго гостя.

Съ ранняго утра все снова въ движеніи.

Декабрь. Свѣтаетъ поздно. Горитъ электричество. Пахнетъ свѣжей новой кожей ремней и сапогъ. Осматривается каждая пуговица, каждый ремешокъ.

Наконецъ, около семи часовъ утра, рота покидаетъ казармы. Снѣгъ скрипитъ и хруститъ подъ ногами. Градусовъ 18—20 мороза.

Рота идетъ быстро на Варшавскій вокзалъ со знаменемъ и хоромъ музыки. Поѣздъ ожидается къ 8 часамъ.

Въ 7½ рота выстроена на каменныхъ холодныхъ плитахъ платформы отбытія у Царскихъ покоевъ. Командиръ полка обходитъ и осматриваетъ караулъ. Одинъ за другимъ прибываютъ старшіе начальники.

Въ это время приходитъ извѣстіе, что поѣздъ, гдѣ то подъ Псковомъ, засѣлъ въ заносахъ и придетъ съ опозданіемъ.

Ровно въ 8 передаютъ приказаніе ввести караулъ въ помѣщеніе вокзала. Слава Богу. Ноги уже застыли и лицо начинаетъ замерзать.

Около одиннадцати приказано снова построиться. Теперь уже не такъ холодно.

Со стороны Пскова со станціи „прибытіе" подходитъ недлинный поѣздъ, изъ синихъ вагоновъ. Весь поѣздъ облѣпленъ льдомъ и снѣгомъ. Видно, что онъ попалъ въ русскую снѣжную бурю и пробился изъ заносовъ.

Отъ Царскихъ покоевъ до мѣста, гдѣ станетъ вагонъ Эрцгерцога, разстилаютъ широкій красный коверъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ появляется въ дверяхъ. Все замерло. Великій Князь медленно идетъ къ караулу. Онъ прошелъ музыкантовъ, отдалъ честь знамени, и остановился у праваго фланга. Видъ караула ему нравится. Нравятся ему кивера, которые онъ видитъ первый разъ въ строю. Онъ улыбается.

— Какая красота,—громко говоритъ Великій Князь, затѣмъ здоровается съ карауломъ и снова медленно идетъ; теперь уже вдоль фронта караула, внимательно осматривая каждаго солдата.

Столь же медленно онъ идетъ назадъ и уходитъ въ Царскіе покои.

Въ это время отъ прибывшаго поѣзда отцѣпили вагонъ-салонъ австрійскаго Эрцгерцога. Маневренный паровозъ подхватилъ вагонъ и потянулъ его назадъ съ тѣмъ, чтобы, внѣ станціи, передать вагонъ на другой путь. Наконецъ, по рельсамъ, ведущимъ къ нашей платформѣ, приближается большой синій вагонъ, ко-

торый толкаетъ сзади, выпуская клубы удушливаго дыма, маленькій, грязный, маневренный паровозъ.

Раздается команда: „Смирно."

На самомъ правомъ флангѣ, правѣе всѣхъ начальниковъ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, на красномъ коврѣ, нарядный и статный Великій Князь Николай Николаевичъ, Главнокомандующій Гвардіи, въ гусарской формѣ, въ мѣховой шапкѣ съ султаномъ, что еще болѣе увеличиваетъ его огромный ростъ.

Пальцы лѣвой руки въ бѣлой перчаткѣ нервно перебираютъ золотой эфесъ гусарской сабли.

Еще мгновеніе и вагонъ остановился у краснаго ковра. Рота беретъ на караулъ, музыка играетъ австрійскій гимнъ. Въ двери вагона показывается Эрцгерцогъ. Съ праваго фланга караула видна его нога: онъ хочетъ ступить на коверъ. Видна его рука, протянутая Великому Князю. Великій Князь дѣлаетъ два шага впередъ навстрѣчу пріѣхавшему.

Въ это время молніеносно происходитъ слѣдующее: раздаются свистки кондуктора и локомотива, который долженъ спѣшно уѣхать и своимъ дымомъ не портить впечатлѣнія. Одинъ мигъ—и локомотивъ рванулся впередъ, а за нимъ, покачиваясь отъ рѣзкаго толчка, покатилъ въ сторону Гатчины и синій вагонъ-салонъ.

Рука и нога Эрцгерцога скрылись въ нѣдра вагона; самъ онъ оставался стоять на закрытой площадкѣ. Великій Князь остановился, не дойдя до вагона и застывъ на мѣстѣ. Онъ держитъ руку у шапки съ султаномъ, отдавая честь.

Музыка продолжаетъ играть, а вагонъ-салонъ медленно катится по фронту караула до праваго фланга второго взвода.

— Чортъ! Лѣшій! Что не отцѣпилъ? Морда поганая,— раздается, покрывая всѣ другіе звуки и нарушая торжественность момента, чья-то брань.

Мускулы на лицѣ Великаго Князя слегка дрожатъ, отражая его неудовольствіе, но онъ продолжаетъ стоять безъ движенія, отдавая честь.

Снова толчокъ, затѣмъ ровный ходъ. Дымъ, ѣдкій, тяжелый и низкостелящійся, ѣстъ глаза, затрудняетъ

дыханіе. Снова качнулся вагонъ, снова разные свистки и, на этотъ разъ, грязный маневренный паровозъ уходитъ въ туманную отъ мороза мглу, оставивъ у краснаго ковра роскошный синій вагонъ-салонъ.

Привѣтствія. Рукопожатія. Любезныя улыбки. Обходъ фронта. Пріемъ рапортовъ офицера, ординарца, унтеръ-офицера — вѣстового и солдата-посыльнаго. Затѣмъ отходъ въ Царскія комнаты.

Блеснули штыки парныхъ часовыхъ у входа въ широко раскрытыя двери. Полугромкій, но отчеканенный отвѣтъ часовыхъ, и все кончено.

Снова закрылись двери Царскихъ покоевъ и скрыли изъ виду зеленые листья пальмъ.

Разъѣхалось начальство.

Командиръ полка задержался, поблагодарилъ караулъ и, пожимая руку командиру роты, сказалъ:

— Благодарю. Все прекрасно. Великій Князь очень доволенъ. Ну и отличились желѣзнодорожники.

И, уже отойдя нѣсколько шаговъ, онъ добавилъ:

— Не забудьте отобрать погонные ремни.

Офицеры и солдаты изрядно промерзли.

— Хотите обогрѣться, молодцы,—спрашиваетъ командиръ роты.

— Скоро пойдемъ — согрѣемся, — отвѣчаютъ нѣсколько веселыхъ солдатскихъ голосовъ.

Рота быстрымъ шагомъ идетъ въ казармы, гдѣ ждутъ разспросы, горячій обѣдъ и отдыхъ.

Солдаты расходятся по своимъ ротамъ и по всему полку идутъ бесѣды объ орлиномъ взглядѣ Великаго Князя, о перышкахъ на шляпахъ австрійцевъ, о томъ, какъ „принцъ“ боялся выйти изъ двинувшагося вагона, и о томъ, какъ высоко пришлось ему поднимать голову, чтобы заглянуть въ лицо русскимъ гвардейцамъ.

Кто не былъ въ составѣ караула, съ увлеченіемъ слушалъ разсказы бывшихъ на вокзалѣ — разсказы, полные юмора, острыхъ словечекъ и фантастическихъ добавленій, разсказы, въ которыхъ слышалось удовлетворенное чувство своего полкового патріотизма и на которыхъ воспитывалась національная гордость.

ИСТОРИКЪ

Памяти Кн. И. И. Кугушева

Хмурое зимнее петербургское небо. Поздно наступаетъ блѣдный разсвѣтъ. Стоитъ туманъ. Солнце съ трудомъ пробивается черезъ густую пелену нависшихъ тучъ. Трамваи долго ходятъ съ зажженными огнями.

При свѣтѣ электричества пробуждается столица. При свѣтѣ электричества, скуднымъ и желтомъ, начинается жизнь въ Чесменской военной богадѣльнѣ, расположенной за городомъ, по дорогѣ на Царское Село, гдѣ счетъ верстъ показываютъ каменные обелиски и у которой архитекторъ Росси поставилъ свои художественные фонтаны.

Чесма... Орловъ... Екатерина...

Вѣкъ русской славы, вѣкъ большихъ людей.

Какъ въ сѣромъ туманѣ Петербурга расплываются, теряютъ свою ясность облики и контуры, такъ и время затягиваетъ пеленой забвенія великіе образы прошлаго и славныя картины былого.

Кто помнитъ теперь про Чесменскій Дворецъ, кто интересуется его судьбою?

Бѣгутъ въ столицу и изъ столицы поѣзда, мчатся автомобили, тянутся возы и пѣшеходы — сотни и тысячи глазъ видятъ большое каменное зданіе между Петербургомъ и Пулковымъ съ его плоскимъ куполомъ въ вершинѣ тупого угла. Видятъ это зданіе, которое стоитъ одиноко на болотистой равнинѣ, близъ старыхъ липъ, стройныхъ березъ и чахлыхъ ветелъ. Мало кто обращаетъ на него вниманіе, мало кто знаетъ, что это дворецъ, построенный Великой Екатериной въ память по-

бѣды надъ турками, побѣды Алексѣя Орлова подъ Чесмой.

Развѣ могла сѣверная царица не увѣковѣчить въ рядѣ памятниковъ этотъ сказочный подвигъ, этотъ запоздалый эпизодъ крестовыхъ походовъ.

На подступахъ къ Царьграду, сѣверные богатыри, на своихъ корабляхъ, ушедшихъ изъ хмураго Финскаго залива, сумѣли уничтожить лихой побѣдой турецкій флотъ.

Высится до сихъ поръ каменный дворецъ, подходятъ къ нему пригороды Петербурга съ ихъ фабриками и заводами; нѣтъ во дворцѣ шумныхъ празднествъ и не видно жизни около дворца.

Теперь въ этой каменной пѣснѣ Екатерининской славы тихо живутъ и умираютъ герои новыхъ побѣдъ, участники новыхъ подвиговъ, которые видѣли суровые Балканы и ласковое Мраморное море, видѣли Плевну, Телишъ, Горный Дубнякъ, Шипку, Зеленыя Горы и Ловчу — ветераны послѣдней Турецкой войны.

Въ желтомъ сумракѣ начинается жизнь въ военной богадѣльнѣ.

Большія комнаты прежняго дворца. Тепло. У образовъ горятъ лампады. На кухнѣ уже готовъ кипятокъ. Кто хочетъ, встаетъ, кто не хочетъ, остается лежать въ постели — устали жить, болятъ и ноютъ старыя кости.

Два старика о чемъ-то спорятъ. Оба говорятъ съ раздраженіемъ. Предметъ ихъ спора какой-нибудь пустякъ — великія дѣла въ прошломъ, — въ настоящемъ интересовъ мало; мелочи представляются чѣмъ-то важнымъ.

По широкому коридору, какъ-будто не идутъ, а неслышно плывутъ одинокія фигуры — кто въ кухню за кипяткомъ, кто къ булочнику, который продаетъ теплые калачи и сайки.

Хлопнула входная дверь. Заслышался шумъ чьихъ-то шаговъ по каменнымъ плитамъ коридора. Звонко отражаютъ звуки высокіе своды. Какъ-будто слышится звяканье шпоръ. Потомъ слышны громкіе голоса.

Какая-то новая жизнь ворвалась въ тихую обитель угасающаго бытія. Словъ не слышно, но одинъ голосъ, громкій и рѣзкій, разносится по зданію, покрывая другіе голоса.

Прибывшіе идутъ спокойно и увѣренно.

— Никакъ великіе князья посѣтили, — пронеслась по богадѣльнѣ неизвѣстно кѣмъ высказанная мысль, догадка.

Шепчутся инвалиды, одергиваютъ домашніе верблюжьи бушлаты, подправляютъ коричневыя одѣяла, напрягаютъ подслѣповатые, старческіе глаза, чтобы увидать, хоть издали, черезъ открытую въ коридоръ дверь, высокихъ и рѣдкихъ гостей.

По слабо освѣщенному коридору идутъ четыре офицера.

Нѣсколько впереди высокій блондинъ съ русой бородкой. Онъ что-то говоритъ. Доносятся отдѣльные слова: „Орловъ, лягушки...“

— Константинъ Константиновичъ, — шепчетъ одинъ изъ инвалидовъ, а съ нимъ кто?

Вопросъ остается безъ отвѣта, но брошенное имя ползетъ по комнатамъ, перебѣгаетъ изъ устъ въ уста.

— Орелъ! Не забылъ! Старую службу отцу и дѣду помнитъ! — шепчетъ дряхлый инвалидъ и слезы, не то благодарности, не то старческой немощи, появляются у него на глазахъ.

Въ круглой ротондѣ, гдѣ зданіе, ломаясь, образуетъ тупой уголъ, и гдѣ бѣгутъ кверху парадныя лѣстницы, высокій офицеръ съ русой бородкой, громко и картавя, спрашиваетъ, можно-ли осмотрѣть церковь.

— Ключи у батюшки. Мигомъ сбѣгаемъ. Извольте минуточку обождать, — бойко отвѣчаетъ молодой разбитной дворникъ или сторожъ, наемный служащій.

— Бѣги, бѣги. Не видишь развѣ, кто пожаловалъ? — торопитъ его старый инвалидъ, который стоитъ, вытянувшись въ струнку, словно сразу вспомнивъ, какъ онъ вытягивался раньше, еще при Императорѣ Александрѣ II, на разводахъ въ Михайловскомъ манежѣ.

— Не надо. Зачѣмъ безпокоить батюшку такъ рано. Другой разъ пріѣдемъ, тогда и посмотримъ! —

говоритъ высокій офицеръ и, подавая примѣръ другимъ, отправляется назадъ къ выходу въ коридоръ.

Внезапно онъ останавливается, суетъ инвалиду серебряный рубль и, рѣзко повернувшись, большими шагами продолжаетъ свое движеніе.

— Радъ стараться, Ваше...

Шумъ шаговъ, резонансъ ротонды и коридора, звонъ шпоръ и разговоръ офицеровъ заглушаютъ послѣдніе слова отвѣта инвалида.

Пріѣхавшіе снова идутъ по коридору.

Часть инвалидовъ высыпала теперь къ дверямъ своихъ комнатъ.

У входа въ переднюю, гдѣ меньше освѣщено и гдѣ выступъ, поддерживающій сводъ, перехватываетъ почти полностью свѣтъ электрической лампы, стоитъ въ тѣни какая-то фигура.

Какой-то старичокъ-инвалидъ при проходѣ офицеровъ выступаетъ немного впередъ и хочетъ обратить на себя вниманіе.

Его громкій шепотъ доносится до ушей прибывшихъ.

— Булку утромъ не даютъ... Притѣсняютъ... Инвалидскими, сиротскими деньгами наживаются...

Эти слова слышатъ и инвалиды, стоящіе вблизи.

Нѣсколько восклицаній несется изъ ихъ группы:

— Не извольте вѣрить. Много довольны. Извѣстная старая ябеда!

Снова хлопнула тяжелая дверь. На дворѣ, запорошенномъ снѣгомъ, вѣстовые подаютъ верховыхъ лошадей.

Кавалькада крупной рысью выѣзжаетъ на широкую аллею, а потомъ, достигнувъ шоссе, поворачиваетъ въ направленіи на Царское Село.

Собраніе ярко освѣщено. Швейцаръ и вѣстовые, суетясь, снимаютъ пальто.

Старые генералы, прежде служившіе въ полку, смѣшались у вѣшалокъ съ молодыми подпоручиками. По красному ковру всѣ поднимаются наверхъ, проходя мимо чучелъ медвѣдей — трофеевъ охотъ — стоящихъ на каждой площадкѣ.

У входа въ бѣлый залъ генераламъ рапортуетъ дежурный офицеръ. Сѣдой старикъ съ серебряными генеральскими погонами безъ вышитыхъ звѣздъ, здороваясь со всѣми, задерживается около одного изъ офицеровъ.

— Спасибо, дорогой. Чуть старика не уморили! Лежу въ постели съ плевритомъ; ни свѣтъ—ни заря звонятъ по телефону; докладываютъ, что Великій Князь Константинъ Константиновичъ прибылъ въ мою богадѣльню и осматриваетъ ее. Забылъ про болѣзнь. Поѣхалъ. Конечно, тамъ уже никого нѣтъ, но лица у всѣхъ довольныя. Докладываютъ инвалиды: „Посѣтилъ, рубли раздавалъ, церковь осматривать хотѣлъ, помѣщеніе обошелъ, пріѣхать еще обѣщалъ, только жалобу принять не пожелалъ".

Умиленіе полное. Вспоминаютъ, какъ Великая Княгиня Марія Павловна тоже, года два назадъ, проѣздомъ въ Царское, посѣтила богадѣльню. Я выбранилъ смотрителя, что долго спитъ и что къ Великому Князю выйти не успѣлъ. Приказалъ всѣмъ инвалидамъ дать по пирогу по случаю посѣщенія.

Послѣ, случайно, отъ сына узнаю, что это вы развлекаться изволили.

Нехорошо-съ. Въ какое положеніе вы-бы меня, стараго генерала, поставили, если-бы я разлетѣлся къ Великому Князю благодарить его за память объ инвалидахъ и за посѣщеніе?

— Я никакимъ самозванствомъ не занимался, Ваше Высокопревосходительство, и ни за кого себя не выдавалъ. Мы ѣхали на занятія въ поле. Вспомнился Чесменскій дворецъ и его гербъ — зеленая лягушка. Вспомнили и захотѣлось осмотрѣть дворецъ. Простите, если изъ-за насъ васъ побезпокоили.

— Вы говорите — лягушки, — сказалъ генералъ, — мнѣ передавали, что вы и въ богадѣльнѣ говорили, что скачутъ какія-то лягушки?

— Никакъ нѣтъ; я разсказывалъ, что для дворца былъ заказанъ англійскій сервизъ и на каждомъ предметѣ была изображена зеленая лягушка.

— Ну, это еще вы откуда взяли? Нѣтъ никакого сервиза.

— Сервизъ есть и находится теперь въ Петергофѣ, Ваше Высокопревосходительство, но онъ былъ заказанъ для Чесменскаго дворца. Я недавно написалъ статью объ этомъ сервизѣ.

— Пришлите прочесть. Это интересно и я этого не зналъ. На досугѣ совѣтую вамъ подумать, въ какое тяжелое и глупое положеніе вы поставили меня — я не могу, я не смѣю открыть теперь правду инвалидамъ. Они такъ и умрутъ съ убѣжденіемъ, что ихъ посѣтилъ Великій Князь.

Видя, что маститый генералъ очень долго разговариваетъ съ однимъ изъ офицеровъ, этимъ заинтересовался командиръ полка. Когда онъ подошелъ, генералъ обратился къ нему и съ улыбкой сказалъ:

— Я всегда зналъ, что у васъ въ полку таится много юныхъ силъ, иногда даже и талантовъ. Я радъ, что нашелъ сегодня еще одного.

Генералъ сдѣлалъ паузу. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на высокаго офицера съ русой бородкой и добавилъ:

— На этотъ разъ — я нашелъ историка.

ДЕЖУРСТВО

Полковника Александра Николаевича Макарова въ полку я не засталъ. Онъ ушелъ много раньше моего прикомандированія.

Встрѣчался я съ нимъ исключительно на товарищескихъ обѣдахъ.

Это былъ слегка сутуловатый, широкій и мускулистый человѣкъ, носившій форму военнаго вѣдомства съ краснымъ воротникомъ и серебрянымъ прибором.

Черепъ его, хорошо наблюдаемый, благодаря коротко остриженнымъ волосамъ, гармонировалъ съ его фигурой и былъ тоже широкимъ съ низкимъ куполомъ.

Глаза его выглядывали изъ-за длинныхъ рѣсницъ, а постановка вѣкъ и лукавый подчасъ взглядъ говорили о монгольской крови, унаслѣдованной отъ какихъ-то дальнихъ предковъ.

Говорилъ онъ тихо, часто улыбался и никогда не настаивалъ на правильности своихъ сужденій. Ничего не обнаруживало въ немъ силы и рѣшимости.

Послѣ вина онъ становился настойчивымъ, упорнымъ, неотвязчивымъ, но какая-то безпомощно-дѣтская улыбка играла на его лицѣ и въ это время какъ-то особенно задорно и лукаво искрились его глаза.

Послѣ вина въ немъ вспыхивали двѣ его страсти: страсть къ рисованію и страсть къ стрѣльбѣ. Одинаково можно было ожидать, что онъ вынетъ изъ кармана карандашъ и начнетъ рисовать, на чемъ попало — на меню, на программѣ музыки, на скатерти или на салфеткѣ; какъ можно было ожидать, что онъ вынетъ изъ кармана револьверъ и будетъ стрѣлять — точно и увѣренно—въ горящую свѣчу, въ завитокъ рисунка на обояхъ или въ замочную скважину двери.

Стрѣлокъ онъ былъ отличный.

Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ старшихъ офицеровъ разсказы о пребываніи Макарова въ полку, о его силѣ, о его стрѣльбѣ, о его продѣлкахъ послѣ большого количества выпитаго имъ вина и, наряду съ этимъ, о его нѣжной любви и привязанности къ старушкѣ нянѣ, которая неотлучно была при немъ съ дѣтскихъ лѣтъ до конца его жизни и вела его хозяйство.

Женатъ онъ не былъ.

Страсть къ вину заставила его покинуть полкъ, а отличныя способности къ рисованію дали ему возможность поступить рисовальщикомъ въ музей военно-техническаго комитета.

Ко всѣму этому надо добавить, что Макаровъ обладалъ необычайной фантазіей и, при другихъ обстоятельствахъ, его пылкое воображеніе, быть можетъ унаслѣдованное отъ монголовъ, и безспорный талантъ рисовальщика, могли-бы его выдвинуть въ ряды такихъ художниковъ, какимъ былъ Дорэ.

Однако, помѣщичья жизнь, гвардейскій полкъ, страсть къ вину, отсутствіе твердаго характера — направили русло его жизни въ другую сторону.

Онъ умеръ безвѣстнымъ рисовальщикомъ техническаго музея и только депутація отъ полка и нѣсколько его сослуживцевъ шли за его гробомъ.

Послѣдній годъ передъ его смертью мы его не видѣли на обѣдахъ въ полку. Было извѣстно, что онъ серьезно и тяжело боленъ; было извѣстно, что, прикованный болѣзнью къ постели, онъ мучительно страдаетъ.

Было около двухъ часовъ ночи.

Въ люстрахъ собранія горѣло по одной лампѣ на комнату.

Я сидѣлъ въ дежурной и перелистывалъ какой-то иллюстрированный журналъ. Мой помощникъ, помощникъ дежурнаго по полку, отправился для провѣрки несенія службы въ ротахъ и командахъ.

Кромѣ меня и дежурнаго музыканта, спавшаго на ларѣ въ буфетной комнатѣ, никого въ собраніи не было.

Перелистывая журналъ, я услыхалъ какое-то движеніе въ буфетной, которая прилегала къ дежурной. Я не обратилъ вниманія на эти шаги, такъ какъ могъ вернуться мой помощникъ; всегда могли придти съ какимъ-нибудь докладомъ.

Послѣ этого я услыхалъ шаги по столовой, въ которую выходили двери изъ буфетной и изъ дежурной.

Шаги мнѣ казались незнакомыми; во всякомъ случаѣ, это не были шаги моего помощника.

Заинтересовавшись, я вышелъ въ столовую и увидалъ приближавшагося ко мнѣ полковника Макарова. Мы поздоровались, пожали другъ другу руки и подъ портретомъ Багратіона сѣли къ ломберному столу, еще не убранному послѣ отъѣзда офицеровъ, игравшихъ за нимъ вечеромъ въ безикъ.

Это мѣсто въ столовой, около находившейся въ углу печи, было почему-то излюбленнымъ мѣстомъ для игры въ карты.

Улыбаясь своей обычной дѣтски-застѣнчивой улыбкой, Макаровъ мнѣ говорилъ о предложенной ему секретной командировкѣ въ дальніе края. По его словамъ, эта командировка является и длительной и опасной. Отъѣздъ состоится завтра утромъ.

Онъ говорилъ, что хотѣлъ уѣхать, не прощаясь ни съ кѣмъ, но желаніе, быть можетъ, въ послѣдній разъ, увидать стѣны собранія родного полка заставило его пріѣхать теперь, ночью, въ полкъ.

Онъ просилъ передать его привѣтъ всѣмъ офицерамъ и просьбу хранить въ секретѣ его отъѣздъ.

Въ это время какой-то тяжелый предметъ упалъ на паркетъ.

Я хотѣлъ его поднять, но Макаровъ меня остановилъ, говоря, что это заряженный пистолетъ совсѣмъ новой системы, мнѣ неизвѣстной. Онъ самъ нагнулся, поднялъ и положилъ на зеленое сукно ломбернаго стола упавшій предметъ. Форма пистолета напоминала плоскій фотографическій аппаратъ. Я съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на невиданное оружіе.

Макаровъ восхвалялъ его качества; точность боя, полную безшумность и удобство въ обращеніи.

Кончивъ свою маленькую лекцію, Макаровъ взялъ со стола пистолетъ и сталъ прохаживаться по комнатѣ.

Я не зналъ, что имъ руководитъ: желаніе запечатлѣть еще разъ, передъ отъѣздомъ, обстановку собранія, еще разъ посмотрѣть на портреты всѣхъ бывшихъ командировъ полка или желаніе скрыть свое волненіе.

Онъ ходилъ довольно долго. Потомъ остановился у стола, гдѣ передъ завтракомъ и обѣдомъ разставлялась закуска и, казалось, собирался закурить.

Чиркнула спичка. Однако, Макаровъ не закурилъ, а зажегъ свѣчу въ большомъ канделябрѣ.

Улыбаясь, теперь уже лукаво, онъ снова подходилъ ко мнѣ.

— Смотри, какой идеальный бой.

Отстраняя меня лѣвой рукой, онъ выстрѣлилъ.

Звука почти не было слышно, только что-то слабо щелкнуло въ его пистолетѣ.

Свѣча въ канделябрѣ больше не горѣла.

— Видишь, какой бой? — спросилъ Макаровъ съ торжествомъ.

Чтобы отвлечь его отъ дальнѣйшей стрѣльбы, я предложилъ Макарову чай или вино, но онъ упорно отказывался.

— Мнѣ пора ѣхать. Не забудь передать всѣмъ мой привѣтъ. Думаю, что больше не увидимся. Всего хорошаго, — говорилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Я проводилъ его въ буфетную, помогъ одѣть пальто съ чернымъ мерлушковымъ воротникомъ и только теперь обратилъ вниманіе, что онъ безъ шашки.

Около 10 часовъ утра полковой адъютантъ вызвалъ меня къ телефону и прочиталъ приказаніе по полку.

Въ этомъ приказаніи говорилось, кому изъ офицеровъ надо присутствовать на панихидѣ по скончавшемся бывшемъ офицерѣ полка, полковникѣ Макаровѣ.

— Приказаніе печатается и сейчасъ будетъ разослано по ротамъ. Если кто-нибудь изъ назначенныхъ

зайдетъ въ собраніе, пожалуйста, предупреди, — говорилъ адъютантъ.

— Когда скончался Макаровъ? — не могъ я не спросить.

— Сегодня ночью. Намъ только что сообщили.

Въ молодые годы тайна смерти волнуетъ, но не страшитъ.

Меня волновала яркая несовмѣстимость ночного визита и утренняго извѣстія, но не дыханіемъ смерти вѣяло на меня, а влекла къ себѣ неразгаданная тайна.

Подозвавъ къ себѣ помощника по дежурству, я ему разсказалъ о смерти Макарова и о нарядѣ на панихиды.

То, что волновало меня, очень просто рѣшалось моимъ помощникомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что я, оставшись одинъ въ дежурной комнатѣ, заснулъ въ большомъ удобномъ креслѣ и видѣлъ странный сонъ, а пробудившись при его возвращеніи съ обхода казармъ, разсказалъ то, что видѣлъ во снѣ.

Для моего помощника это былъ просто сонъ въ руку, такъ какъ полковникъ Макаровъ навсегда отбылъ въ другой міръ.

Я не могъ согласиться съ этимъ толкованіемъ и сталъ искать доказательствъ, которыя могли-бы подтвердить всю реальность ночного посѣщенія.

Одно было въ моихъ рукахъ — это былъ черный фитиль единственной обожженой свѣчи въ канделябрѣ. Но этого было мало — если былъ выстрѣлъ, то гдѣ-нибудь должна быть и пуля или слѣдъ отъ нея. Однако ихъ не было. Мой помощникъ торжествовалъ. Надо было искать другихъ доказательствъ.

Я вспомнилъ, что въ ночное время единственнымъ пропускнымъ пунктомъ въ казармы являются ворота третьяго батальона, которыя охраняются дневальнымъ.

Вызванный въ собраніе дневальный, стоявшій отъ часу ночи до трехъ, доложилъ, что, когда онъ стоялъ на посту, въ казармы пріѣзжалъ неизвѣстный ему офицеръ. Дневальный запомнилъ его форму. Красный околышъ, мѣховой черный воротникъ, серебряный при-

боръ. Пробывъ въ казармахъ съ полчаса, извозчикъ уѣхалъ, увозя офицера.

Это подтверждало мои слова.

Трудно было предположить, что дневальный тоже заснулъ, еще болѣе трудно, что онъ на посту у воротъ и я въ дежурной комнатѣ одинаково могли видѣть во снѣ офицера съ краснымъ околышемъ, мѣховымъ воротникомъ и серебромъ прибора.

Кромѣ того, ничто не могло меня убѣдить въ томъ, что я не чувствовалъ на яву рукопожатіе теплой и мягкой руки, не слышалъ звукъ голоса и звукъ падающаго пистолета, не видѣлъ хорошо мнѣ знакомаго полковника Макарова.

Не будучи назначенными на первую панихиду, мы все-же на нее поѣхали: мой помощникъ и я.

Когда панихида была окончена, мы подошли къ старушкѣ нянѣ. Она разсказала, какъ страдалъ послѣднее время покойный.

— Докторъ опасался, что ночью будетъ припадокъ. Я всю ночь сидѣла рядомъ въ комнатѣ и прислушивалась. Ночью все было тихо. Когда я утромъ вошла въ спальню, я увидѣла, что мой баринъ уже скончался.

Тайна осталась тайной.

Было-ли то, дѣйствительно, предсмертное посѣщеніе полка и собранія человѣкомъ, собравшимъ въ послѣдній разъ передъ смертью всѣ свои силы и всю свою волю или это была матеріализація духа, рѣдкая по ясности — это сказать невозможно.

Несомнѣнно одно, что вся духовная сила полковника Макарова въ послѣдніе часы жизни была направлена къ полку, къ родной полковой семьѣ, къ его однополчанамъ, къ стѣнамъ такъ хорошо знакомаго ему собранія.

Съ мыслями о полкѣ, я думаю, умеръ доброй души, но безхарактерный русскій человѣкъ, щедро одаренный талантами и ихъ совершенно не использовавшій.

КРАСНЫЕ ПЛАТКИ

Памяти Б. І. Квицинскаго

Былъ жаркій день конца іюля. Въ воздухѣ было душно. По краснымъ лицамъ солдатъ текли, сливаясь въ ручейки, капли пота. Переходъ былъ верстъ 25 въ самое жаркое время дня. Къ 6 часамъ вечера надо было придти на назначенное мѣсто. Пыль отъ разбитой тяжелыми сапогами солдатъ глинистой дороги—стояла въ воздухѣ.

Кругомъ были чахлыя поля, вдали кустарники и рощи.

Какъ большой червякъ съ чернымъ брюшкомъ и желтовато-коричневой спиной, извиваясь на поворотахъ дороги, двигался полкъ.

Время, казалось, замерло, какъ замерла и природа въ ожиданіи бури или грозы. Число верстъ до бивака уменьшалось, какъ будто, слишкомъ медленно.

Остановка. Малый привалъ.

Переданное по колоннѣ приказаніе „выслать линейныхъ въ голову полка“ вливало новыя силы.

Пробѣжали линейные, собрались вмѣстѣ и отъ колонны отдѣлилась и зашагала впередъ группа солдатъ съ разноцвѣтными флажками ротъ и батальоновъ — живой и яркій букетъ полевыхъ цвѣтовъ.

Наконецъ, двинулся и полкъ.

Дорога обогнула лѣсокъ и потянулась черезъ деревню съ сѣрыми отъ дождей низкими избами, широко разбросанными между огородовъ и садовъ. Маленькія оконца домовъ, какъ подслѣповатые глаза, смотрѣли на большую, широкую дорогу, обрамленную заборами изъ тонкихъ шестовъ и засохшихъ вѣтвей.

Бѣловолосые крестьянскіе дѣти, грязные, но не пугливые, бѣжали къ дорогѣ и съ любопытствомъ смотрѣли на проходившій полкъ.

У одного изъ домовъ, выше, чище и новѣе другихъ, съ недавно окрашенными наличниками большихъ оконъ, стояли двѣ женщины, съ красными кумачевыми платками на головахъ.

Около нихъ, на травѣ, находились ведра съ водой. Онѣ предлагали утолить жажду, протягивали кружки съ водой проходившимъ въ строю. Нѣкоторые солдаты выбѣгали изъ строя и, быстро утоливъ жажду, возвращались на свои мѣста. Женщины привѣтливо улыбались и предлагали другимъ прохладную воду.

Полкъ двигался дальше, оставилъ позади строенія деревни, вышелъ на лугъ, гдѣ уже пестрѣли на фонѣ зеленой травы флажки ротъ и батальоновъ.

Скоро застучали лопатки и топоры, забивая колышки солдатскихъ палатокъ, офицерскихъ шатровъ и собранія.

Полковой маркитантъ Василій прислуживалъ офицерамъ — наливалъ душистую зеленую листовку, намазывалъ на ломтики хлѣба свѣжую икру, хвалилъ свои персики.

Прибѣжавшіе денщики освобождали офицеровъ отъ оружія, снаряженія и биноклей.

Шагомъ, стараясь не напылить, проѣхали въ деревню, къ колодцамъ, обмотанныя жгутами соломы, бочки для воды, чтобы набрать свѣжіе запасы и доставить на бивакъ. Тонкая струйка блестящей на солнцѣ воды падала изъ плохо затвореннаго крана и чертила причудливо изломанную черную линію вдоль пыльной дороги.

У забора, гдѣ раньше стояли ведра съ водой, появились двѣ бѣльевыя корзины съ нарѣзаннымъ большими ломтями хлѣбомъ.

Тѣ-же двѣ женщины нагибались къ корзинамъ, брали изъ нихъ хлѣбъ и раздавали проходившимъ солдатамъ.

Несмотря на простыя платья и красные платки на головахъ, онѣ не были ни крестьянками, ни работницами. Ихъ лица, руки, свобода и пластичность движеній доказывали это. Полуулыбка, остро вызывающій взглядъ, на мигъ брошенный на одного изъ офицеровъ, быстро опущенные затѣмъ глаза—обнаруживали опытное и привычное кокетство.

— Скоро кончаете раздачу?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ, уже успѣвшій познакомиться и даже получившій приглашеніе придти на чай.

— Нѣтъ, еще много осталось! Пока лучше уйдите, — говорила одна изъ женщинъ и, показавъ глазами на солдатъ, добавила:

— Смотрите, какъ они всѣ вытянулись! Вы, право, мѣшаете раздачѣ!

При этихъ словахъ она снова показала свою улыбку, красивые зубы и смѣющіеся глаза.

— Не забудьте, мы ждемъ васъ съ чаемъ!

Потомъ, словно обращаясь ко всѣмъ остальнымъ офицерамъ, съ которыми не была знакома, она сказала:

— Милости прошу на чай съ вареньемъ!

Офицеры пошли дальше по деревнѣ, обмѣниваясь впечатлѣніями о дачницахъ. Ихъ находили милыми и интересными.

У забора дачи подходили къ большимъ корзинамъ солдаты, мелькали красныя пятна непрестанно движущихся платковъ и все меньше и меньше оставалось хлѣба въ большихъ бѣльевыхъ корзинахъ.

Когда группа офицеровъ шла назадъ, на улицѣ уже не было корзинъ. Часть офицеровъ зашла въ калитку сада, другая продолжала путь на бивакъ.

Около 8 часовъ вечера въ шатрѣ собранія былъ поданъ ужинъ. Нѣсколько мѣстъ оставалось пустыми.

— Застряли, — сказалъ кто-то, указывая глазами на незанятые стулья.

Въ центрѣ стола, гдѣ сидѣли временно-командующій полкомъ, нѣсколько старшихъ офицеровъ и адъютантъ, шелъ разговоръ о погодѣ, о томъ, на сколько

дѣленій упалъ барометръ и выражалось опасеніе, что поднявшійся вѣтеръ нагонитъ грозу.

Вдали отъ центра—на одномъ концѣ стола, кто-то разсказывалъ новый, недавно слышанный анекдотъ, а на другомъ говорили о дачницахъ.

За столомъ засидѣлись.

Съ дороги донеслись перебои и шумъ подъѣзжавшаго мотоциклета, а вскорѣ буфетчикъ вошелъ въ шатеръ съ пакетомъ изъ штаба отряда.

Начальникъ отряда вызывалъ къ себѣ въ Гатчину временно-командующаго полкомъ.

— Сдѣлай твое одолженіе,—по привычкѣ сказалъ послѣдній свою излюбленную фразу. Поѣздка въ Гатчину была ему опредѣленно непріятна. Потомъ онъ сказалъ:

— Дай чаю и пусть подадутъ коляску!

Черезъ четверть часа собраніе опустѣло. Временно-командующій уѣхалъ въ Гатчину, офицеры разбрелись по разнымъ направленіямъ. Нѣсколько человѣкъ перешли къ повозкѣ Василія и, расположившись на толстой попонѣ, стали дегустировать какой-то особенно сухой, замѣчательный хересъ.

Несмотря на пронесшійся порывъ вѣтра и довольно поздній часъ дня, было жарко и душно.

— Господа, что вы тутъ киснете?—быстро заговорилъ, подошедшій къ повозкѣ маркитанта, поручикъ.

— Вы знаете, онѣ премилыя! Пойдемте, не разбивайте общества, онѣ будутъ очень рады. Онѣ всѣхъ приглашаютъ. Дача отлично устроена—ковры, гитары, вино. Павлуша аккомпанируетъ, одна изъ нихъ отлично поетъ. Право, идемте всѣ туда!

— Ну, это дудки! Мнѣ и тутъ хорошо! У нихъ, навѣрное, нѣтъ такого хереса, какъ у Василія. Если хочешь соединить общество, то приведи ихъ сюда. Мы посмотримъ, такъ-ли онѣ, дѣйствительно, хороши!—сказалъ худощавый капитанъ съ маленькой черной бородкой, обстриженной клинышкомъ и придававшей ему видъ Мефистофеля.— J'y suis, j'y reste!—добавилъ онъ.

— А можно пригласить, Александръ Павловичъ?

— Отчего-же нельзя.

— Такъ я ихъ приведу. Я думаю, что онѣ согласятся придти, — исправилъ молодой офицеръ свое слишкомъ категорическое заявленіе.

— Je m'en fiche! Я никуда не двинусь! — равнодушно отвѣтилъ капитанъ, показывая Василію, чтобы налилъ еще хересу.

Василій наполнилъ стаканъ. По лицу Василія, во время этого разговора, пробѣжала веселая улыбка. Онъ не менѣе, чѣмъ жизнерадостный поручикъ, желалъ прихода дамъ въ шатеръ собранія — это сулило ему хорошую выручку.

Если будутъ дамы, то особенно ходко пойдетъ торговля и надо будетъ еще ночью затребовать подкрѣпленіе запасовъ персиковъ, конфектъ и икры.

На дворѣ темно. Шатеръ офицерскаго собранія ярко освѣщенъ. Шумъ, смѣхъ. Снуетъ прислуга, разнося кофе, фрукты, сладости и ликеры.

Сильный и пріятный женскій голосъ отлично исполняетъ цыганскіе романсы. Въ шатрѣ много офицеровъ.

Въ это время проносится предгрозовой вихрь. Трясется палатка. Солдаты снаружи подтягиваютъ поддерживающія палатку многочисленныя веревки.

Раздается ударъ грома и начинается настоящій ливень. Онъ барабанитъ по натянутымъ холстамъ шатра, онъ врывается холоднымъ и сырымъ дыханіемъ въ самый шатеръ.

Но тамъ, внутри шатра, никому нѣтъ дѣла ни до дождя, ни до бури.

— Можно вамъ предложить рюмку ликера?—спрашиваетъ свою сосѣдку тотъ самый офицеръ, на котораго тамъ, на шоссе, у корзинъ съ хлѣбомъ, былъ брошенъ вызывающій взглядъ.

— Пожалуйста! Нѣтъ, только не этотъ, лучше Sherry brandy. Онъ вѣдь датскій. Видите надпись — Kjopenhagen. Хочу выпить за здоровье мужа.

Снова кокетливая улыбка, снова вызывающій взглядъ и снова, какъ рѣзкій контрастъ этому взгляду,

скромно, почти стыдливо, опущенные глаза, дающіе возможность оцѣнить красоту длинныхъ рѣсницъ.

Искренность или притворство? Не все-ли равно!

— А гдѣ вашъ мужъ?

— Онъ далеко, онъ не увидитъ. Онъ поѣхалъ по дѣламъ въ Данію. Ему приходится часто туда ѣздить.

Кто-то чокается. Кто-то запѣваетъ хоровую пѣсню. Потомъ снова женское пѣніе.

Обносятъ шампанскимъ. Пьютъ за здоровье дамъ.

Въ шатрѣ становится жарко. Струится дымъ сигаръ и папиросъ. Забытъ переходъ по жарѣ, забытъ завтрашній маневръ.

Никто не слышитъ, какъ крупный дождь льетъ по полотнищамъ шатра. Никто не думаетъ, во что этотъ ливень превращаетъ глинистыя дороги и только недавно просохшія болота.

Дамы держатъ себя просто и мило, открыто не выказывая предпочтенія ни одному изъ офицеровъ. Обѣ веселы, разговорчивы, находчивы. Онѣ не теряются въ большомъ мужскомъ обществѣ, охотно и легко пьютъ, то съ однимъ, то съ другимъ.

За шумомъ дождя, смѣхомъ и разговоромъ никто не слыхалъ, какъ къ собранію подъѣхала коляска.

Буфетчикъ отвернулъ полу шатра и въ собраніе вошелъ временно-командующій полкомъ.

Глаза его, привыкшіе къ темнотѣ, были ослѣплены яркимъ свѣтомъ. Онъ сдѣлалъ шагъ и остановился. Шумъ моментально стихъ. Разговоры оборвались на полусловѣ. Всѣ офицеры встали и замерли.

Не понимая, что произошло за его отсутствіе, пріѣхавшій обвелъ всѣхъ глазами.

Въ это время хорошенькая молодая женщина, вскочивъ на обѣденный столъ и поднимая бокалъ надъ своей головой, задорно и весело закричала:

— Ура, генералу!

Временно-командующій полкомъ, полковникъ и флигель-адъютантъ, ошеломленъ и нѣсколько сконфуженъ этой неожиданной встрѣчей. Онъ не находитъ сразу подходящихъ словъ и „сдѣлай твое одолженіе“, его обычная фраза, безсознательно срывается съ его устъ.

Офицеры помогаютъ дамѣ сойти со стола. Она задорно улыбается и довольна произведеннымъ эффектомъ.

Когда вновь воцаряется тишина, обращаясь къ офицерамъ и подавляя невольную улыбку, временно-командующій говоритъ:

— Господа, сторонамъ дана полная свобода дѣйствій. Это уже вступило въ силу. Выступленіе, если обстановка не измѣнится, предполагается завтра въ 7 часовъ утра. Переходъ будетъ тяжелый, дороги страшно размыты ливнемъ. Всего хорошаго.

Онъ издали кланяется дамамъ, бросаетъ имъ вопросъ: „не скучали?“ и, не ожидая отвѣта, выходитъ изъ шатра.

За нимъ слѣдуетъ и адъютантъ.

Черезъ нѣкоторое время пустѣетъ шатеръ.

Въ командирской коляскѣ отвозятъ дамъ до ихъ дачи.

Вспыхиваютъ огоньки въ офицерскихъ палаткахъ и скоро погасаютъ, говоря этимъ, что хозяинъ уже легъ спать.

На дачѣ веселье продолжается.

Черезъ открытое окно въ темноту ночи несется женское пѣніе и слышится аккомпаниментъ гитары.

Сочно хлюпаютъ по грязи ноги коня. Ближе и ближе. Кто-то остановился около дачи. Зычный голосъ ординарца, покрывая музыку и пѣніе, доносится изъ темноты.

— Ваше Высокоблагородіе, первому батальону приказъ немедленно выступать!

— Кто прислалъ?—спрашиваетъ Павлуша, высунувшись изъ окна.

— Такъ что, полковой адъютантъ. Телеграмма получена. Командиръ батальона уже у командующаго полкомъ. Коней сѣдлаютъ и снимаютъ палатки.

Черезъ полчаса первый батальонъ уже двигался въ направленіи мызы Скворицы по глинистой, размытой ливнемъ, проселочной дорогѣ.

Дождь продолжалъ падать и билъ въ лицо. Темныя тучи застилали небо. Ноги скользили по грязи. Въ уши набиралась вода.

Тяжелый ночной маршъ. 12—15 верстъ перехода.

Въ головѣ еще стоятъ легкіе пары отъ вина, звучитъ въ ушахъ цыганская пѣсня, чувствуется возбужденіе отъ веселаго вечера и неожиданной случайной встрѣчи...

А изъ темноты окружающей ночи нѣтъ, нѣтъ и блеснетъ острый, вызывающій взглядъ или вѣтеръ, играя съ вѣтвями деревьевъ, совсѣмъ надъ ухомъ прошепчетъ вдругъ какія то недосказанныя слова.

ВОЛТОРНЫ

Юбилей Бородинскаго боя воскресилъ въ памяти славный 1812 годъ, который прошелъ, но остались „незабвенными подвиги, въ немъ оказанные".

Бородинское поле ожило задолго до юбилея.

Воздвигались на мѣстахъ боевъ памятники отдѣльныхъ частей, поправлялись мосты и дороги.

Въ дни юбилея, въ концѣ августа, поле покрылось биваками собранныхъ сюда войсковыхъ частей.

Потомки пришли поклониться тѣнямъ и могиламъ великихъ предковъ.

Тутъ и тамъ раскинулись палаточные лагери, курились дымки походныхъ кухонь.

Накрапывалъ дождь, размывая глинистыя дороги; туманъ стоялъ надъ тихими водами Колочи.

Новый мостъ — Лейбъ-Егерскій, разукрашенный флагами, связалъ два берега этой рѣки у группы высокихъ деревьевъ, въ кущахъ которыхъ прятался старенькій монастырь съ бѣлой колокольней.

Новый мостъ занялъ мѣсто стараго, обагреннаго кровью егерей и французовъ въ утренней предразсвѣтной схваткѣ — прологѣ гигантскаго боя, обезкровившаго обѣ арміи.

На холмѣ надъ мостомъ высился только что освященный памятникъ Лейбъ-Егерей.

Воскрешая былую эпоху — парные часовые въ историческихъ формахъ несли при немъ почетную стражу.

Воскрешая былую эпоху — на бивакѣ полка, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ памятника, шестьдесятъ девять егерей спѣшно разучивали марши и сигналы на

круглыхъ охотничьихъ трубахъ-волторнахъ, такихъ-же, какъ тѣ, что были у русскихъ и французскихъ егерей въ эпоху Императора Александра Благословеннаго.

Воскрешая эпоху, воскрешая старинное боевое братство и совмѣстное участіе въ подвигахъ 1812—13—14 годовъ, въ шатрѣ собранія ужинали вмѣстѣ Гвардейскій Экипажъ и Лейбъ-Егеря.

Въ день парада, 26 августа, послѣ многихъ лѣтъ забвенья, вновь прозвучали волторны Лейбъ-Егерей, единственныя волторны въ русской арміи.

Государь, на бѣломъ конѣ, радостный, гордый славой прошлаго и блестящимъ видомъ частей, глубоко и непреклонно вѣрующій въ свѣтлое будущее любимаго имъ народа — дѣлалъ смотръ войскъ.

Онъ улыбнулся, услыхавъ егерскія волторны.

Быть можетъ онъ вспомнилъ недавнее прошлое — полковой праздникъ въ Петергофѣ, 17 августа, когда онъ обѣщалъ пожаловать полку волторны.

Это было всего десять дней назадъ. Это было послѣ парада полку и послѣ завтрака въ большомъ Петровскомъ залѣ.

Императоръ выходилъ изъ гостинной, гдѣ онъ выкурилъ папиросу, на крытую терассу, на которой были собраны офицеры.

За закрытой дверью, къ которой онъ шелъ, на терассѣ слышались два голоса.

Одинъ онъ узналъ сразу — это былъ голосъ Великаго Князя Николая Николаевича. Звукъ другого голоса ему былъ тоже извѣстенъ, но онъ не могъ вспомнить сразу, кому онъ принадлежитъ.

Этотъ голосъ что-то упорно доказывалъ.

Великій Князь громко отвѣчалъ:

— А я говорю, что нельзя. Надо черезъ Военнаго Министра.

Первый голосъ все-же не смолкалъ.

Это заинтересовало Царя.

Придворный скороходъ распахнулъ двери.

Великій Князь и командиръ полка прервали свое объясненіе.

Царь посмотрѣлъ на обоихъ.

Мысль о томъ, что строгій Великій Князь распекалъ командира за какое-нибудь упущеніе, пришлось сразу отбросить — Великій Князь улыбался.

Эта улыбка смягчала его рѣзко очерченный, волевой профиль съ сильно развитой нижней челюстью, бороздила мелкія складочки около глазъ, играла подъ короткими усами.

Естественный вопросъ — „въ чемъ дѣло?“ сорвался съ устъ Императора.

— Командиръ полка желаетъ сдѣлать докладъ Вашему Императорскому Величеству — обратиться съ просьбой, а я ему говорю, что нельзя! — твердо отвѣтилъ Великій Князь.

Командиръ стоялъ вытянувшись. Золотой свитскій аксельбантъ и бѣлый Георгіевскій крестъ рѣзко выдѣлялись на его защитномъ кителѣ. Лицо его было краснѣе обыкновеннаго, повидимому, онъ волновался.

Военный Министръ стоялъ поодаль, не принимая участія въ разговорѣ.

Улыбка Великаго Князя, несмотря на высказанное имъ запрещеніе, ясно говорила, что онъ одобряетъ желаніе командира полка обратиться прямо къ Державному Шефу.

Государь пожелалъ узнать, въ чемъ состоитъ просьба командира.

— Отъ имени полка разрѣшите просить Ваше Императорское Величество, какъ Державнаго Шефа, о возвращеніи полку, ко дню Бородинскаго боя, историческихъ для егерей волторнъ, подъ звуки которыхъ ихъ предки сражались и умирали въ Отечественную войну.

— Это можно! Представьте Военному Министру докладную записку съ описаніемъ волторнъ и штатами, для разработки приказа. Есть еще что-нибудь? — улыбаясь, спросилъ Императоръ.

Полкъ ходатайствуетъ также о возвращеніи егерскаго похода, который онъ имѣлъ и о зачисленіи въ

списки полка имени его бывшаго командира, Князя Багратіона.

— И это можно, — весело сказалъ Императоръ. — Приказъ будетъ отданъ въ день юбилея въ Бородинѣ. Я цѣню желанія частей хранить традиціи славныхъ предковъ и бережно сохранять свои отличія и имена своихъ героевъ-однополчанъ.

Можетъ быть, Царь вспомнилъ этотъ недавній разговоръ на терассѣ Петергофскаго дворца, когда онъ на Бородинскомъ полѣ, улыбаясь, смотрѣлъ, какъ, блеснувъ мѣдью своихъ широкихъ раструбовъ, взвились круглыя егерскія волторны, чтобы, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ забвенія привѣтствовать своими рѣзкими звуками Его — Державнаго Шефа Лейбъ-Егерей.

СИНІЯ ДАЛИ

Б. В. Геруа

Почти отъ самаго Петербурга, вѣрнѣе отъ Стрѣльны, вдоль южнаго берега Финскаго залива, тянется возвышенность, на которой расположились загородные дворцы Царской Семьи и старинныя дачи вельможъ былого времени.

Дальше отъ Петербурга возвышенность расширяется и сливается съ другой возвышенностью, которая охватываетъ Красное Село и Гатчину. Еще дальше — эти цѣпи холмовъ уходятъ въ Ямбургскій уѣздъ.

„Забытое прошлое окрестностей Петербурга“ описываетъ многія усадьбы и дачи стараго времени.

Пыляевъ, авторъ книги, воскрешаетъ жизнь и бытъ этихъ маленькихъ „Версалей“, гдѣ, въ стриженыхъ боскетахъ, у выкопанныхъ крѣпостными прудовъ, блистали роскошные камзолы, гдѣ шелестѣли роброны, гдѣ гремѣла роговая музыка и гдѣ молоденькія „Псиши“, вчера Вари и Марфы, исполняли французскіе балеты.

Время, переходъ въ другія руки этихъ помѣстій, уничтоженіе крѣпостного права и оскудѣніе позднѣйшихъ владѣльцевъ — привели въ упадокъ многія изъ этихъ, когда-то цвѣтущихъ, усадебъ.

Верстахъ въ 10—15 отъ Гатчины, по дорогѣ на Ямбургъ—Елизаветино, мѣстность холмиста и красива. Много лѣсовъ и отдѣльныхъ рощъ; хвоя чередуется съ листвою.

Быть можетъ, эти поля и рощи видѣли охоты привѣтливой Императрицы Елизаветы Петровны и отъ того это мѣсто связано съ ея именемъ.

Быть можетъ, по этимъ пригоркамъ мчались ея борзыя собаки и тяжелый пѣгій конь несъ на себѣ сѣверную Діану—Царицу, охотницу въ треугольной зеленой шляпѣ съ золотымъ галуномъ.

Прошлое безвозвратно отошло.

Новая жизнь создала новыя цѣнности. Въ одномъ изъ лѣсовъ, подъ высокими елями, возникъ женскій монастырь. Высокимъ тыномъ, съ возносящимися къ небу остріями, онъ отдѣлилъ себя отъ земныхъ страданій и земныхъ радостей, которыми были такъ насыщены окрестности Петербурга, гдѣ укрѣпилась чуждая, но волнующая культура Франціи конца XVIII вѣка.

Тамъ же около станціи Елизаветино, но къ югу отъ желѣзной дороги и въ верстахъ шести отъ станціи стояла одинокая усадьба.

Кто былъ владѣльцемъ усадьбы въ былое время, я не помню, но выборъ мѣста для постройки дома, хорошо планированные пруды съ облицовкой береговъ тесанымъ камнемъ, прекрасно сохранившаяся церковь, стоящая въ нѣкоторомъ отдаленіи въ рощѣ—все говорило о вкусѣ строителя усадьбы, о пониманіи дѣла и о почти неограниченныхъ возможностяхъ.

Деревянный лѣтній дворецъ давно сгорѣлъ, вмѣсто него, на старомъ фундаментѣ, былъ построенъ просторный, но незатѣйливый помѣщичій домъ.

Большой балконъ и главный входъ, нарушая замыселъ прежняго строителя, теперь были обращены не на серебряную гладь прудовъ, въ которыхъ отражалось голубое Петербургское небо и быстро бѣгущіе облака, а въ сторону большой поляны, обрамленной старыми вѣковыми липами, туда, гдѣ раньше были разбиты цвѣтники.

Пруды заростали по угламъ осокой и тесаные камни, разорвавъ правильность назначенныхъ имъ линій, гдѣ падали въ холодную воду пруда, гдѣ, подъ напоромъ земли, давали кривые изгибы.

Одна церковь, бѣлая снаружи, съ синей окраской внутри, съ золотыми лѣпными и рѣзными украшеніями въ стилѣ „рококо“ съ иконами, далеко отошедшими отъ византійско-русскихъ образцовъ, напоминала яснѣе

всего о золотомъ времени усадьбы и хранила въ себѣ острую прелесть русскаго XVIII вѣка.

Владѣльцы этой усадьбы въ XX вѣкѣ были культурны, но съ трудомъ сводили концы съ концами.

Хозяинъ, бывшій гвардейскій офицеръ, вышедшій въ запасъ изъ-за разстроенныхъ средствъ; хозяйка, въ прошломъ милая петербургская барышня.

Лѣтъ десять назадъ они переселились и заперлись тамъ съ широкими планами раціональнымъ хозяйствомъ возстановить свое, хотя и небольшое, состояніе.

Широкій размахъ, отсутствіе знаній и опыта, отсутствіе наличныхъ средствъ — не дали осуществиться мечтѣ.

Подростали дѣти, надо было ихъ учить и все тѣснѣе и тѣснѣе замыкался кругъ.

Все-же, все то, что было — было свое, а жизнь вдали отъ Петербургскаго свѣта не вызывала обидныхъ уколовъ самолюбія, не вызывала сравненій и новыхъ, случайныхъ желаній.

На волѣ, на свѣжемъ воздухѣ, привычное къ дождю и снѣгу, росло новое молодое поколѣніе.

Прошло лѣто. Промелькнули съ нимъ бѣлыя ночи, сѣнокосъ и уборка хлѣба. Солнечные дни стали чередоваться съ дождливыми. Ночи стали холоднѣе, а воздухъ пріобрѣлъ поразительную прозрачность, и съ вершины холма, господствовавшаго надъ всей окрестностью, на десятки верстъ во всѣ стороны, отчетливо виднѣлись очертанія холмовъ, рощицъ и лѣсовъ, окрестныя деревни, пасущіяся стада...

Въ одинъ изъ августовскихъ дней, когда солнце склонялось къ западу, въ усадьбу, нежданная и непрошенная, влилась новая жизнь.

На полянѣ, недалеко отъ дома, у ряда старыхъ липъ, выросъ большой шатеръ офицерскаго собранія. У кустовъ барбариса задымились кухни собранія. Подъ яблонями появилась палатка командира полка.

На лугу, между домомъ и церковью, вытянулись правильными квадратами палатки солдатъ.

Люди, лошади, повозки двигались въ разныхъ направленіяхъ. Въ большихъ прудахъ купались офицеры.

Командиръ полка, тучный, но подвижной, обходилъ бивакъ въ сопровожденіи дежурнаго офицера и дѣлалъ свои замѣчанія — кого-то отчиталъ за то, что коновязь поставили слишкомъ близко къ неубранному еще картофелю, кому-то приказалъ выравнять пирамиды ружей во второмъ взводѣ, еще кому-то приказалъ наблюдать, чтобы не крали яблоки.

Было еще много замѣчаній и наставленій.

Обходъ былъ законченъ и командиръ шелъ уже назадъ къ своей палаткѣ, расчитывая отдохнуть до ужина, когда, навстрѣчу ему, появился худощавый штатскій, въ рейтузахъ и сапогахъ съ крагами и въ синемъ пиджакѣ.

Онъ представился, назвавъ свою фамилію, свой чинъ и часть, гдѣ онъ служилъ, добавивъ, что онъ владѣлецъ имѣнія.

Онъ не говорилъ о томъ, какъ мало его радовало вторженіе полка въ его помѣстье, но холодно-вѣжливо просилъ оградить его отъ убытковъ. Онъ предложилъ пройти къ участку, недавно засаженному для укрѣпленія овражка.

Лѣсокъ этотъ нѣсколько пострадалъ, такъ какъ для переѣзда кратчайшимъ путемъ къ мѣсту бивака, нестроевые забросали овражекъ срубленными деревцами, именно здѣсь спеціально посаженными.

Командиръ сдѣлался удвоенно любезнымъ съ владѣльцемъ имѣнія.

Генералу вспомнилось, какъ лично онъ приказалъ поставить свою палатку въ фруктовомъ саду, а шатеръ собранія на лужайкѣ; вспомнилось, какъ онъ распоряжался въ чужомъ имѣніи, не видя хозяевъ и забывъ о нихъ.

Теперь генералъ чувствовалъ извѣстную неловкость, которую онъ старался загладить удвоенной любезностью.

Генералъ возмущался вырубкѣ деревьевъ, выражалъ желаніе уплатить за этотъ убытокъ, обѣщалъ строго взыскать съ виновныхъ, восхвалялъ мѣстополо-

женіе усадьбы и пригласилъ владѣльца имѣнія на ужинъ въ собраніе.

Дежурный офицеръ былъ посланъ сдѣлать разслѣдованіе о вырубленныхъ деревьяхъ.

Сердце хозяина усадьбы было уже на половину въ плѣну. Окончательно его сердце было завоевано, когда за ужиномъ, въ шатрѣ собранія, гдѣ онъ сидѣлъ рядомъ съ командиромъ полка, послѣ основательной закуски и нѣсколькихъ стакановъ вина, онъ услыхалъ тостъ за его здоровье, связанный съ тостомъ за процвѣтаніе полка, въ которомъ онъ служилъ.

Вѣстовые подавали шампанское.

Молчавшая до того музыка заиграла его полковой маршъ.

Могущіе быть убытки отъ постоя: вырубленныя деревья, исчезнувшія яблоки, жерди забора, пошедшія на растопку ротныхъ кухонь — все это потеряло свой смыслъ, свою важность — и одно чувство принадлежности къ великой воинской семьѣ заполнило его душу.

Прошлое и настоящее слились; какъ имъ было не слиться, когда здѣсь, въ этомъ шатрѣ, такомъ-же, какъ у нихъ въ полку, онъ слышитъ свой маршъ, видитъ своихъ сверстниковъ еще по корпусу, видитъ знакомыхъ по Петербургу, съ которыми когда-то танцовалъ vis-a-vis, или съ которыми связывали воспоминанія о какихъ-то былыхъ кутежахъ.

Хозяинъ усадьбы долго засидѣлся въ собраніи и, уходя, пригласилъ всѣхъ офицеровъ на завтра къ себѣ на обѣдъ. Потомъ всѣ пошли провожать хозяина.

На балконѣ, обращенномъ къ собранію, находилась вся семья помѣщика, издали наблюдавшая жизнь гостей, чувствовавшихъ себя болѣе дома, чѣмъ владѣльцы усадьбы.

Всѣ перезнакомились и весело болтали.

Полковникъ генеральнаго штаба, отбывавшій въ своемъ-же полку цензъ командованія батальономъ, организовывалъ на завтра — завтра дневка, поѣздку верхомъ съ дочерьми хозяина. Старшія дочери, нѣсколько жеманно, отказались — ихъ амазонки были не въ порядкѣ.

— А я пригласилъ всѣхъ г.г. офицеровъ завтра къ намъ на обѣдъ. Я думаю, что удобнѣе всего въ 2 часа, —сказалъ хозяинъ своей женѣ. — Командиръ обѣщалъ музыку, дѣвочки повеселятся.

Послѣдовала короткая пауза. Она была-бы томительна, если-бы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хозяина и его супруги, на той-же верандѣ, не раздавалось веселаго смѣха молодежи. Темнота не позволяла видѣть лица хозяйки дома. Наконецъ, заслышался ея голосъ:

— Милости просимъ. Да, удобнѣе всего въ два часа.

Еще поговорили, посмѣялись и начали расходиться. На темномъ лугу догнала 14-лѣтняя дочь хозяевъ.

— Такъ это серьезно, или въ шутку, что мы ѣдемъ завтра верхомъ? — спрашивала она молодого полковника съ серебрянымъ аксельбантомъ.

— Совершенно серьезно, если вы не боитесь упасть и если мама вамъ позволитъ.

— Я никогда не падаю,—запальчиво и гордо прозвучалъ голосъ изъ темноты.

Дѣвочка бѣжала уже назадъ къ балкону, когда издалека снова донесся ея голосъ:

— Не проспите!

Легко пригласить къ обѣду въ собраніе офицеровъ конницы или артиллеріи, приданныхъ къ полку, но каково хозяйкѣ дома съ маленькимъ хозяйствомъ совершенно неожиданно принять у себя всѣхъ офицеровъ гвардейскаго пѣхотнаго полка.

— Охъ, Петя, Петя! ну и натворилъ же ты дѣлъ, — не разъ со вздохомъ повторяла про себя, въ эту ночь на 6-ое августа, хозяйка „Синихъ горъ“, когда веселый и довольный промелькнувшимъ миражемъ прежнихъ лѣтъ и, быть можетъ, выпившій лишній бокалъ шампанскаго, ея мужъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

Многое надо было обдумать, чтобы выйти съ честью изъ создавшагося положенія.

Шло время, зашелестѣлъ по листвѣ сада дождь, потомъ этотъ шумъ стихъ.

Въ деревнѣ, подъ горой, долго и ожесточенно лаяли собаки—вѣроятно, проходилъ какой-нибудь воинскій обозъ.

Только подъ самый разсвѣтъ забылась недолгимъ сномъ хозяйка дома.

Было раннее утро, когда она встала.

Накинувъ теплый пледъ, она вышла на балконъ. Ее охватилъ привычный, холодный и сырой, утренній осенній воздухъ.

Съ солдатскаго бивака уже доносился негромкій гулъ разговоровъ. Конюхи вели лошадей на водопой. По нескошенному лугу, сѣрому отъ прошедшаго ночью дождя, зеленѣла дорожка, ведущая къ саду — видно кто-то прошелъ и сронилъ серебристыя капли воды. У офицерскихъ кухонь уже копошились и умывались какіе-то солдаты.

Рѣшеніе хозяйки дома было принято ею сразу.

Черезъ нѣсколько минутъ шустрая горничная уже говорила со степеннымъ буфетчикомъ собранія, а черезъ четверть часа, буфетчикъ былъ принятъ хозяйкой усадьбы.

Быстро было составлено меню. Всѣ заботы объ обѣдѣ бралъ на себя буфетчикъ. Кое за чѣмъ надо было послать въ Гатчину, но и это бралъ на себя буфетчикъ—лошадей и повозокъ въ собраніи много.

Хозяйка усадьбы предоставляла для обѣда зелень изъ огорода, утокъ и куръ изъ птичника, цвѣты съ клумбъ, фрукты изъ сада. Она-же платитъ всѣ издержки по этому обѣду.

Потомъ хозяйка дома даетъ понять, что трудъ и заботы буфетчика тоже не будутъ забыты.

Буфетчикъ спокойно все выслушиваетъ, дѣлаетъ видъ, что слова о вознагражденіи не достигли его ушей и проситъ барыню не изволить безпокоиться, увѣряя, что все будетъ въ отличномъ порядкѣ.

Офицеры еще почивали мирнымъ сномъ, когда началась работа. Въ птичникѣ шло массовое избіеніе куръ и цыплятъ, собранская повозка уже скакала въ Гатчину, а повара уже получили отъ буфетчика всѣ указанія, относящіяся къ меню обѣда изъ 4-хъ перемѣнъ съ 12

сортами закусокъ, среди которыхъ были и грибки въ сметанѣ и куриные потрошки въ мадерѣ, которые очень любилъ командиръ полка.

Когда, около 10 часовъ утра, вышелъ изъ своей палатки завѣдующій собраніемъ, чтобы умыться на воздухѣ, на кухнѣ шла энергичная работа, а подошедшій буфетчикъ приступилъ къ своему докладу.

Обливаясь холодной ключевой водой, завѣдующій собраніемъ короткими, отрывочными восклицаніями, вродѣ: „Такъ!“, „Да!“, „Ну!“ — показывалъ буфетчику, что онъ его слушаетъ.

Закончивъ умываніе и обтираясь мохнатымъ полотенцемъ, онъ, наконецъ, сказалъ:

— Все это хорошо. Смотри-же, чтобы обѣдъ вышелъ какъ слѣдуетъ, да чтобы мороженое хорошенько свертѣли. Ну, а счета подашь мнѣ, а не барынѣ. Понялъ? — и, строго посмотрѣвъ на буфетчика, завѣдующій собраніемъ пошелъ въ свою палатку.

Неожиданный пріемъ всѣхъ офицеровъ полка внесъ въ усадьбу небывалый хаосъ и оживленіе.

У каждаго изъ членовъ семьи и прислуги, давно жившей въ домѣ, были свои планы, свои предположенія.

Всѣ бѣгали и спорили. Каждый передѣлывалъ то, что сдѣлалъ другой.

Суетились всѣ, кромѣ 14-лѣтней Нади, беззаботно ускакавшей съ кавалькадой офицеровъ на отцовской лошади, и хозяина дома, который видѣлъ непоправимость своихъ вчерашнихъ необдуманныхъ словъ, предчувствовалъ тяжелыя послѣдствія для бюджета и избѣгалъ молчаливой укоризны во взглядѣ жены.

Онъ ушелъ далеко отъ дома, чтобы не слышать топота шаговъ мечущейся прислуги, писка передвигаемой мебели, шума вносимыхъ и разставляемыхъ стульевъ, спора двухъ старшихъ дочерей о томъ, какъ лучше устроить уголокъ въ гостинной и куда положить вышитую подушку, ушелъ, чтобы не слышать всѣхъ безчисленныхъ, дѣйствующихъ на нервы, звуковъ, которые вдругъ наполнили мирный домъ на вершинѣ холма.

Офицеры, каждый по своему вкусу, проводили утреннее время въ день дневки: кто уѣхалъ верхомъ съ кавалькадой, кто отправился въ церковь, гдѣ шла служба по случаю праздника Преображенія, кто купался или брызгался въ прудахъ, кто сидѣлъ въ собраніи и читалъ свѣжія газеты.

Нѣкоторые офицеры пошли въ свои роты и разговаривали съ солдатами. Завѣдующій собраніемъ о чемъ-то бесѣдовалъ со старшимъ полковникомъ, гуляя по дорожкѣ сада.

Послѣ того, какъ вернулась кавалькада, около часу дня, всѣ офицеры были собраны въ шатеръ собранія. Было постановлено всѣ расходы по обѣду принять на счетъ собранія.

— Вѣдь и такъ изъ-за насъ зарѣзали всю птицу! — сказалъ старшій полковникъ.

Кто-то изъ офицеровъ выразилъ опасеніе, что рѣшеніе офицеровъ обидитъ хозяевъ.

— Не безпокойтесь, я сумѣю это устроить,—отвѣтилъ старшій полковникъ и пошелъ доложить обо всемъ командиру полка.

Послѣдній остался очень доволенъ—онъ вспомнилъ о вырубленныхъ деревьяхъ.

Потомъ всѣ отправились въ помѣщичій домъ.

Обѣдъ прошелъ мило, оживленно, весело.

Хозяинъ говорилъ объ охотѣ принца Дезирэ, оживившей спящій замокъ и сравнивалъ эту охоту съ приходомъ полка въ его тихую усадьбу.

— А кто спящая красавица? — задорно спросила 14-лѣтняя Надя. — Только не я! — Сдѣлавъ уморительную гримасу, она бросила взглядъ на старшую 19-тилѣтнюю сестру, бесѣдовавшую, нѣсколько сконфужено, со своимъ сосѣдомъ.

Та сильно покраснѣла.

Довольная успѣхомъ своего выступленія, дѣвочка продолжала:

— Папа, какъ мы скакали сегодня! Ты видѣлъ, какія хорошія у гостей лошади, а я все-же пришла первой, хотя ты говоришь, что „Лордъ“ слишкомъ старъ для скачекъ.

Разговоръ становился все болѣе шумнымъ и веселымъ.

Въ саду играла музыка. Послѣ обѣда молодежь танцевала, а старшіе играли въ винтъ на террасѣ дома.

Незамѣтно подкрался вечеръ, спустилась темнота и надъ сонными прудами, дробясь на безчисленные золотые брызги, отражавшіеся въ водѣ, воздухъ прорѣзали безчисленныя ракеты — маленькій сюрпризъ, приготовленный помѣщикамъ офицерами полка.

Въ разгарѣ фейерверка, дежурнаго по полку вызвали къ телефону.

Говорилъ самъ начальникъ дивизіи.

— Получено-ли у васъ въ полку приказаніе къ 6 часамъ вечера выставить охраненіе и погасить всѣ бивачные огни?

— Такъ точно, получено, Ваше Превосходительство и исполнено — охраненіе выставлено и огни погашены.

— Но вѣдь это у васъ пускается фейерверкъ, который виденъ за 20 верстъ. Передайте командиру полка, чтобы это было немедленно прекращено.

— Разрѣшите доложить Вашему Превосходительству, что полкъ тутъ не причемъ. Въ усадьбѣ, около которой мы стоимъ, помѣщики празднуютъ день рожденія дочери. Съѣхалось много приглашенныхъ на балъ и на фейерверкъ. Изъ Гатчины выписанъ пожарный оркестръ.

— Ну, если это помѣщики веселятся, то мы, конечно, не вправѣ имъ мѣшать. Это маневры, а не война. Все-же доложите командиру полка, чтобъ приказалъ провѣрить бдительность охраненія, а также, что надо ничѣмъ не привлекать вниманія противника.

Когда дежурный по полку доложилъ командиру разговоръ съ начальникомъ дивизіи, командиръ весело рзсмѣялся и, пересказавъ хозяевамъ усадьбы содержаніе разговора, спросилъ, которую изъ дочерей слѣдуетъ поздравить, въ разговоръ вмѣшалась Надя.

— Конечно, меня! — весело сказала она, — я сегодня, на старомъ Лордѣ, всѣхъ вашихъ офицеровъ оставила позади и вашъ полковникъ произвелъ меня во взводные командиры!

Въ послѣднихъ словахъ звучала искренняя гордость.

— За здоровье побѣдительницы! — закричалъ командиръ.

Музыка играла тушъ. Офицеры кричали „ура".

Дѣвочка была въ восторгѣ.

Веселый вечеръ продолжался. Играла музыка и ракеты долго бороздили темное небо.

Прошли года. Много долгихъ лѣтъ.

Большой рабочій поселокъ въ сѣверной Франціи. Прямыя улицы. Ровные квадраты садовъ и огородовъ. Однотипные дома. Вдали зданія и трубы большого завода.

Въ небольшой квартирѣ, на письменномъ столѣ, между семейными портретами, снятыми заграницей — любительская фотографія: дѣвочка подростокъ верхомъ на лошади въ группѣ офицеровъ-всадниковъ. За ними липы, а въ просвѣтахъ между деревьями какой-то домъ.

Дѣвочка подростокъ — 14-лѣтняя Надя.

Кто снятъ съ ней—она не знаетъ; помнитъ только, что это офицеры такого-то полка.

Карточка эта ей необычайно дорога. Эту карточку она не забыла захватить, когда, при отходѣ корпуса генерала Родзянко, она съ родителями спѣшно бѣжала изъ усадьбы.

Она далеко теперь. Семья разсѣяна.

Отецъ и мать въ Эстоніи, одна сестра во время бѣгства умерла отъ тифа, другая замужемъ въ Бѣлградѣ.

Она — Надя, Надежда Петровна, кончила учиться въ Парижѣ и теперь служитъ инженеромъ-химикомъ на большомъ заводѣ. Она не замужемъ.

Иногда, послѣ утомительнаго рабочаго дня въ лабораторіи, она предается воспоминаніямъ.

Она долго смотритъ на поблѣднѣвшій снимокъ и какъ-то особенно ярко встаютъ передъ ней картины прошлаго.

Вспоминается родное сѣверное солнце, далекій кругозоръ съ вершины холма, гдѣ стояла усадьба.

Вспоминаются деревья въ осеннемъ нарядѣ, деревянный помѣщичій домъ у старыхъ липъ и большихъ квадратныхъ прудовъ; отецъ, мать, сестры...

Вспоминается много отдѣльныхъ эпизодовъ изъ прошлаго и вспоминается августовское утро, когда была снята эта фотографія.

Вспоминается безумная скачка, сначала по размытой дождемъ глинистой дорогѣ, потомъ прямо по полю къ далекому стогу.

Молодой полковникъ генеральнаго штаба, на сѣрой въ яблокахъ кобылѣ, скачетъ рядомъ съ ней.

Онъ ее смѣшитъ и надъ ней подтруниваетъ. Когда они скачутъ полемъ, онъ насмѣшливо спрашиваетъ:

— Не объѣхать-ли канаву?

Ея самолюбіе задѣто. Кровь бросается въ лицо.

Она окидываетъ глазами поле, выбираетъ мѣсто, гдѣ канава шире и направляетъ туда стараго Лорда.

Лордъ красиво беретъ широкую канаву.

Теперь ей кажется, что она скачетъ одна, но въ это время она видитъ снова рядомъ съ собой голову сѣрой кобылы и слышитъ слова полковника:

— Молодецъ, Надя!

Сзади доносится топотъ коней остальныхъ участниковъ кавалькады.

У стога всѣ собрались. Шутки, веселый разговоръ.

Надя чувствуетъ себя героиней дня и центромъ вниманія.

Полковникъ шутливо производитъ ее во взводные вахмистры.

Потомъ дома — цвѣты, музыка, шумный обѣдъ, балъ, фейерверкъ. Веселыя лица отца и сестеръ.

Командиръ полка провозглашаетъ ей здравицу. Мать нѣжно гладитъ ее по головѣ и называетъ „сорванцомъ“.

Музыка играетъ въ ея честь тушъ.

День и вечеръ промелькнули сказочно быстро. Всѣ разошлись, но она долго не могла заснуть.

Рядомъ въ комнатѣ старшія сестры долго бесѣдовали шепотомъ и, иногда, вспоминая о чемъ-то или о комъ-то, смѣялись веселымъ, но сдержаннымъ, придушеннымъ смѣхомъ, чтобы не разбудить мать. Было тепло въ кровати, подъ пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, хотя въ открытое окно струился холодный воздухъ.

Потомъ сестры уснули. Все было тихо кругомъ.

Изрѣдка было слышно, какъ падали яблоки въ фруктовомъ саду. Разъ, подъ тяжестью плодовъ, хрустнула вѣтка.

Издали донесся окрикъ дневальнаго у коновязи...

Усталая, но довольная и счастливая, она заснула.

Когда она проснулась — солнце заливало комнату. Не было уже ни шатра, ни коновязей, ни бивака...

Поздней осенью она получила изъ Петербурга коробку конфектъ и любительскій снимокъ, сдѣланный кѣмъ-то изъ офицеровъ.

Показывая теперь, во Франціи, своимъ друзьямъ этотъ любительскій снимокъ, Надежда Петровна неизмѣнно говоритъ:

— Это былъ самый счастливый день въ моей жизни!

ПЕРЕДЪ ПЕРВЫМЪ БОЕМЪ

Памяти Кн. Б. И. Оболенскаго

Заходитъ солнце. Сейчасъ оно скроется за горизонтомъ.

Шумъ поднимаемаго бивака остался уже въ прошломъ.

Полкъ построенъ для пріема знамени. Настроеніе торжественное. Царитъ полная тишина. Такая тишина и такое настроеніе наступаютъ въ церкви въ самыя торжественныя минуты.

Тишина всегда особенно подчеркиваетъ торжественность.

Нѣсколько короткихъ сухихъ командъ къ пріему знамени и снова торжественная тишина.

Уже спускаются вечернія сумерки, но темнота еще не наступила. Отчетливо раздаются шаги адъютанта и знаменщика.

Шаги эти тоже торжественно замедлены. Знамя слѣдуетъ въ голову полка. Что-то мистически прекрасное чувствуется въ эти минуты. Вѣроятно, даже не отдавая себѣ яснаго отчета въ важности момента, каждый чувствуетъ, что вступаетъ въ новую фазу жизни. Личная жизнь съ ея радостями и заботами, привычными и повседневными, кончена. Начинается что-то новое—жизнь, полная самоотреченія, жизнь, полная неизвѣстности, жизнь, въ которой каждая минута можетъ быть послѣдней, за которой слѣдуетъ праведный судъ Всевышняго.

Четко и рѣзко раздаются шаги по твердой землѣ.

Чуть поблескиваетъ въ вечернихъ сумеркахъ золотой орелъ на знамени, чуть бѣлѣетъ георгіевскій крестъ въ золотомъ вѣнчикѣ.

Чернѣетъ чехолъ, скрывающій свернутое зеленое полотнище съ Царскимъ вензелемъ и съ благостнымъ ликомъ святого старца — мученика Мирона.

Всѣ провожаютъ глазами полковую святыню, особенно близкую и особенно дорогую сегодня, когда мы стоимъ на границѣ, раздѣляющей былое отъ будущаго.

Вспоминается 17-ое августа, день прославленія памяти Св. Мирона, полковой праздникъ, Кульмъ...

Кульмъ, славный день въ исторіи полка!

Будемъ-ли мы достойны славы предковъ?

Чувствуется, что будемъ.

Полкъ идетъ въ ночной мглѣ. Ущербный мѣсяцъ еще не свѣтитъ, онъ сегодня поздно поднимется надъ землею.

Кругомъ незнакомая мѣстность.

Издали доносится глухой и рѣдкій артиллерійскій огонь, какъ будто онъ не хочетъ сѣять смерть и разрушеніе, а только кого-то предупреждаетъ и говоритъ — „я бодрствую!"

Вокругъ насъ полное безмолвіе. Молчатъ лѣса. Не шелохнется листъ на деревьяхъ. Не слышно разговора солдатъ. Разрѣшено курить, но никто не куритъ. Мысли заняты другимъ.

Можно-ли сразу забыть прошлое. Можно-ли не стараться заглянуть въ будущее?

Мы вышли изъ лѣса и идемъ теперь полями.

Наша артиллерія продолжаетъ стрѣлять гдѣ-то вдалекѣ.

Видны зарева пожаровъ.

Начинаешь думать о потеряхъ, о раненыхъ и убитыхъ. Вспоминаются встрѣченныя вчера обозы раненыхъ. Быть можетъ, завтра и меня повезутъ въ крестьянской телѣгѣ на станцію. Быть можетъ, завтра меня вообще не будетъ въ живыхъ.

И вдругъ отчетливо ясно вспоминается учебный покой моей 2-ой роты въ казармахъ въ Петроградѣ.

Большой кіотъ краснаго дерева съ массивными колоннами, сооруженный послѣ Отечественной войны и

возвращенія полка изъ Парижа. Старая серебряная риза у образа Св. Георгія Побѣдоносца, передъ которымъ на широкой орденской лентѣ виситъ вѣчно теплющаяся лампада.

Рядомъ съ кіотомъ, слѣва отъ него, черная доска съ золотыми буквами. Я вижу отчетливо и надпись:

Убиты подъ селеніемъ Телишъ
12 октября 1877 года
За Вѣру, Царя и Отечество
Чины 2-й роты:
Командующій ротой
поручикъ Михаилъ Перепелицынъ...

а дальше перечисленіе офицеровъ и егерей.

26-го ноября — ротный праздникъ, когда поминали убитыхъ, молились за нихъ и когда передъ ротнымъ образомъ горѣли десятки свѣчей, десятки солдатскихъ свѣчей, поставленныхъ во славу святителя и за упокой убіенныхъ.

Смерть на полѣ брани перестаетъ казаться страшной.

„Вѣчная память“ — о которой такъ трогательно тихо, какъ будто издалека, поютъ пѣвчіе на панихидахъ — если убьютъ, будетъ жить въ полку и въ ротѣ, а теплая молитва тоже будетъ возноситься къ престолу Божьему изъ десятковъ простыхъ и открытыхъ солдатскихъ сердецъ.

На душѣ становится тепло и спокойно. Все кажется такимъ простымъ и яснымъ.

Исчезаетъ всякое сомнѣніе, всякій страхъ передъ неизвѣстностью.

Въ выемкѣ холма, рядомъ съ большой дорогой, полкъ расположился на отдыхъ. Привалъ на два часа. Бодрствуютъ только заставы, часовой у знамени и дневальные въ ротахъ, остальные погружаются въ сонъ.

Ночь холодная, но никто не развертываетъ шинелей.

Офицеры батальона спятъ у маленькаго стога сѣна. Время пролетаетъ быстро; кажется, что только что заснули, а уже будятъ.

Попрежнему лѣниво стрѣляютъ пушки, но зарева пожаровъ представляются болѣе близкими и болѣе яркими. Все небо за чернымъ лѣсомъ окрашено пожарищемъ.

Свѣтитъ холодный мѣсяцъ. Холмъ перехватываетъ его лучи и въ выемкѣ холма, гдѣ стоитъ полкъ, темно.

Кое-гдѣ въ темнотѣ поблескиваютъ острія штыковъ ружей, составленныхъ въ пирамиды, а около нихъ видны какія-то движущіяся сѣрыя пятна, которыя появляются, движутся, исчезаютъ.

Это солдаты, по своему почину, мѣняютъ передъ боемъ натѣльныя рубахи, чтобы въ чистыхъ одеждахъ, какъ женихи на пиръ, предстать завтра, если убьютъ, передъ престоломъ Небеснаго Царя.

Въ чуткомъ ночномъ воздухѣ попрежнему все тихо.

Въ торжественномъ безмолвіи ночи совершается таинство обрученія со смертью четырехъ тысячъ человѣкъ.

Надъ этими людьми, на вершинѣ холма, между двухъ сосенъ, высится придорожный крестъ — распятіе.

За ними ущербный мѣсяцъ.

Черными силуэтами рисуются крестъ и рѣдкія вѣтви сосенъ на темно-синемъ небѣ.

Безмолвіе. Тишина.

Гдѣ-то пылаютъ деревни. Впереди идетъ бой. Егеря надѣваютъ чистыя рубахи и готовятся къ побѣдѣ и къ смерти.

Безмолвно смотритъ съ креста Спаситель и словно говоритъ:

„Блажени чистые сердцемъ — яко ти Бога узрятъ“.

Полкъ поднимается съ привала.

Нѣсколько офицеровъ и солдатъ разрываютъ стогъ, у котораго мы лежали, ощупываютъ землю, зажигаютъ спички. Одинъ изъ офицеровъ потерялъ обручальное кольцо.

Въ эту ночь, когда кончается извѣстное и начинается невѣдомое — все является предвѣстникомъ, все является символомъ.

Утрата кольца не предвѣщаетъ-ли скорую утрату друга?

Разумъ возстаетъ противъ мысли, что судьба любезно шлетъ свои предупрежденія. Вспоминаются слова древняго философа:

„Когда идешь на пиръ жизни — думай о грядущей смерти,
Когда идешь на пиръ смерти — думай о жизни".

Снова спокойствіе сходитъ на душу.

Съ холма, какъ-бы благословляя на подвигъ, смотритъ на насъ высокій придорожный крестъ въ вѣнкѣ вѣтвей окружающихъ его сосенъ.

Полкъ снова идетъ впередъ.

Мы идемъ навстрѣчу славѣ и смерти!

ПОСЛѢ ПЕРВЫХЪ БОЕВЪ

Осеннее солнце еще сильно грѣетъ.

На опушкѣ лѣса лежатъ офицеры батальона. Говорить никому не хочется, да и не о чемъ.

Мы уже побывали въ нѣсколькихъ бояхъ и знаемъ, какъ они протекаютъ. То, что было еще недавно неизвѣстностью, тайной, теперь уже претворилось въ реальную жизнь. Мы видѣли, какъ смерть вырываетъ изъ нашихъ рядовъ свои жертвы; мы видѣли и много раненыхъ, которые страдали тѣломъ, но были объяты вѣрой въ скорую побѣду и радовались, что были участниками нашихъ успѣховъ. Развѣ, отбрасывая ежедневно противника, можно не быть увѣреннымъ въ быстромъ и славномъ окончаніи войны?

Мы молча лежали на опушкѣ лѣса.

Каждый былъ погруженъ въ свои мысли, интересныя только ему самому. Вспоминался Петербургъ и тѣ, которыя тамъ остались...

Сегодня мы первый разъ въ резервѣ.

Зрѣніе отдыхаетъ на мирномъ пейзажѣ золотистой осени.

Слухъ сегодня впервые воспринимаетъ въ полномъ объемѣ дикую симфонію напряженнаго боя. Неожиданно симфонія обрывается и до насъ доносятся какіе-то отдѣльные аккорды.

Противникъ опрокинутъ. Начинается преслѣдованіе. Насъ двигаютъ впередъ.

Скоро мы доходимъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ бой. Еще не убраны убитые, валяются винтовки, котелки, ранцы рыжей телячьей кожи, разбитые ящики...

Недалеко отъ дороги лежитъ убитый австрійскій солдатъ, обезображенный разорвавшимся вблизи снарядомъ. Около него по травѣ разметалось содержимое его разорваннаго ранца: бѣлье, какіе-то мѣшечки, письма...

Легкій вѣтерокъ перебрасываетъ бѣлые листочки писемъ.

Это послѣднія письма, дошедшія изъ дома, быть можетъ вчера, быть можетъ еще сегодня утромъ.

Бѣлые листочки летятъ, гонимые вѣтромъ, никому не нужные, какъ никому не нужны будутъ тѣ, которые придутъ сегодня, завтра, быть можетъ черезъ недѣлю...

Проходимъ большую, когда-то богатую деревню. Отъ нея остались только фундаменты домовъ, печи, дымовыя трубы, черныя обгорѣлыя доски, черепки глиняной посуды, засохшіе и побурѣвшіе деревья садовъ.

Это слѣды боевъ, бывшихъ здѣсь недѣли двѣ назадъ, когда австрійцы наступали, а русскіе отходили.

Снова идемъ полями.

Наше движеніе заканчивается въ слѣдующей деревнѣ, гдѣ мы становимся на ночлегъ.

Когда мы занимаемъ деревню, она кажется навсегда брошенной жителями—ни одной живой души. Къ вечеру изъ лѣсовъ и овраговъ возвращаются крестьяне. Они несутъ какой-то убогій скарбъ. Лица сосредоточены и угрюмы. Женщины плачутъ и читаютъ молитвы. Одна только дѣтвора вноситъ оживленіе. Дѣти бѣгаютъ по деревнѣ, подбираютъ гильзы, разыскиваютъ друзей. Они живутъ настоящимъ, не думаютъ сейчасъ ни о прошломъ, ни о будущемъ. Уничтоженные запасы на зиму сегодня ихъ не интересуютъ. Раздается веселый дѣтскій смѣхъ. Въ первый разъ послѣ начала боевъ мы слышимъ, какъ смѣются дѣти.

Жизнь въ ихъ лицѣ побѣждаетъ призракъ смерти.

Батальонный поваръ собранія жаритъ купленныхъ еще на прошломъ бивакѣ утокъ и варитъ компотъ изъ сухихъ фруктовъ.

Хочется остаться одному со своими мыслями и я иду гулять.

Дохожу до еще одной сгорѣвшей деревни. Ѣдкій дымъ щекочетъ ноздри. Гдѣ-то на пепелищѣ воетъ

собака. Вздымающіяся къ небу трубы очаговъ, теперь не прикрытыхъ домами, черныя и угрюмыя, какъ бы взываютъ о мщеніи.

Выхожу на площадь. Еще дымятся бревна сгорѣвшаго костела. Въ сѣромъ пеплѣ еще краснѣютъ тлѣющіе угли. На черномъ фонѣ обуглившейся доски, въ хаосѣ разрушенія, поблескиваетъ желтая бронза стариннаго канделябра.

Католическій священникъ въ полголоса читаетъ молитвы. Кромѣ него, мужчинъ нѣтъ. Я вижу однѣхъ только женщинъ въ большихъ черныхъ платкахъ, покрывающихъ головы, падающихъ до земли.

Не слышно ни вздоховъ, ни плача — слишкомъ велико обрушившееся горе, чтобы плакать!

Все, что составляло жизнь: церковь, домъ, хозяйство, скотъ, сбереженія, запасы на зиму—все исчезло, всего сразу не стало.

Обо всемъ этомъ, какъ о прошломъ, говорятъ вздымающіяся къ небу почернѣвшія печныя трубы, тлѣющіе угли, дымящіеся остатки родной церкви, гдѣ крестили, вѣнчали, отпѣвали близкихъ и дорогихъ.

Заходящее солнце разливаетъ тихій свѣтъ вечерній на груды развалинъ, на сѣрый пепелъ, на безмолвно застывшую въ ужасѣ группу колѣнопреклоненныхъ женщинъ.

1914

А. А. Воронову

Жизнь и смерть...

Гдѣ вчера бушевало море—сегодня выползли песчаные и скалистые острова. На нихъ, сама собою, зародится жизнь, зазеленѣютъ пальмы, зацвѣтутъ причудливыя орхидеи и запоютъ свои пѣсни пестрыя многоголосыя птицы.

Гдѣ вчера высился островъ, гдѣ вчера трудились люди, собирали урожай, плели и сушили свои сѣти, чинили лодки, ласкали своихъ дѣтей — сегодня, послѣ нѣсколькихъ минутъ землетрясенія, ничто не говоритъ о вчерашнемъ днѣ, о бывшей здѣсь жизни и ровно катятся волны необозримаго моря.

Это тамъ, гдѣ-то, около береговъ Японіи или гдѣ-нибудь въ Караибскомъ морѣ.

А вотъ здѣсь, у насъ, въ Финскомъ заливѣ, сильный вѣтеръ нагналъ высокую воду, онъ катитъ бурныя волны съ сѣдыми гребнями черезъ песчаную отмель пологаго берега, гдѣ еще вчера было полно дѣтей и купающихся, гдѣ веселый смѣхъ раздавался отъ утра до вечера, гдѣ яркія пятна цвѣтныхъ зонтиковъ, зеленыхъ и красныхъ костюмовъ, бѣлыхъ беретовъ дѣтей, напоминали фантастическую мозаику на желтомъ фонѣ песка.

Вчера жизнь здѣсь била ключемъ; сегодня, перекатываясь съ ревомъ черезъ отмель, волны несутся дальше до самыхъ холмовъ, по которымъ у обрыва надъ кручей, извивается узкая дорожка.

Иногда пройдетъ по ней влюбленная пара.

Вѣтеръ играетъ въ складкахъ платья, развѣваетъ волосы дѣвушки, отвернетъ полу кителя ея спутника.

Они идутъ вдвоемъ. Они далеки отъ смерти и они такъ чужды той шумной жизни, которая перешла теперь на большую площадку въ лѣсу.

Имъ хорошо вдвоемъ. Они идутъ—стройный офицеръ и барышня, по безлюдной тропѣ. Они увлечены разговоромъ, строятъ планы на будущее. Они даже не видятъ ни бушующаго моря, ни розово-лиловый закатъ надъ синевой дальняго мыса, ни начинающихъ чуть просвѣчивать на свѣтломъ небѣ робкихъ звѣздъ.

Они далеки отъ жизни съ ея мелкими интересами и такъ далеки отъ мыслей о смерти. Даже, если имъ придется забрести случайно туда, гдѣ золотыя сосны чередуются съ бѣлыми каменными крестами, только одна мысль промелькнетъ въ головѣ, и эта мысль не о смерти, а о вѣчности, о вѣчной вѣрности, о вѣрности до гроба.

Гдѣ недавно крупные и тяжелые кони медленно вздымали борозду за бороздой для новаго посѣва; гдѣ въ большихъ садахъ зрѣли золотистыя груши и синія сливы; гдѣ въ зимніе долгіе вечера дѣвушки ткали домашнее сукно; гдѣ въ день праздника Божьяго Тѣла по дорогѣ между полями далеко растягивалась торжественная процессія съ золотыми и алыми хоругвями, съ дѣвочками-невѣстами, съ мальчиками въ стихаряхъ, которые несли курящійся ладанъ и горящія свѣчи, съ мужчинами въ кунтушахъ и свиткахъ и женщинами въ пестрыхъ платкахъ:—тамъ теперь, по размытымъ дорогамъ, тяжелою стопою идутъ батальоны, проходятъ, покачиваясь, стальныя пушки и тянутся безконечно, одна за другою, подводы обозовъ и парковъ, а вмѣстѣ съ ними движутся большія повозки съ черными, похожими на гигантскіе гробы, желѣзными понтонами.

У бурной въ эту пору Вислы раскинулись — тутъ наши, тамъ нѣмецкіе окопы.

Порою просвиститъ пуля. Порою гдѣ-то разорвется нѣмецкій снарядъ. Ему отвѣтятъ наши пушки. Затѣмъ

воцарится снова тишина и слышенъ только шумъ холодной быстрой Вислы.

Неожиданно заработалъ пулеметъ. Заработалъ и оборвалъ свою строчку. Снова тишина.

А тамъ, вдали отъ Вислы, по большимъ дорогамъ, непрерывно, неутомимо и упорно идутъ все новые и новые полки.

На поляхъ не видно работы. Кто ушелъ съ подводами, кто спрятался въ лѣсахъ, кто сторожитъ съ трудомъ нажитое добро.

Только никто не сторожитъ недавно разбитый домъ ксендза, который стоитъ въ низинѣ, между двухъ холмовъ, недалеко отъ нашихъ окоповъ.

Уѣхалъ ксендзъ, а старый сторожъ, который шелъ съ громадными ключами затворить церковную окованную дверь — лежитъ убитый около ограды.

Мы входимъ въ старый храмъ. Шумъ шаговъ гулко и рѣзко отдается подъ сводами. Черезъ узкія щели въ толстыхъ старинныхъ стѣнахъ чуть свѣтитъ пасмурный, дождливый день. Чтобы разсмотрѣть церковь, приходится зажечь электрическій фонарь. Подъ его свѣтомъ оживаютъ иконы и между ними небольшая картина.

Прекрасный юный рыцарь склонилъ свои колѣна передъ небеснымъ видѣніемъ: въ темномъ небѣ, вся въ лазоревомъ сіяніи, ему явилась Мадонна. Стальной шлемъ съ богатыми перьями брошенъ въ сторону и валяется на землѣ. Юный рыцарь набожно сложилъ руки и съ умиленіемъ молится. Поля, лѣса, холмы, составляющіе фонъ, передаютъ пейзажъ, похожій на Польшу. Старый оруженосецъ держитъ подъ уздцы лошадь съ расшитымъ чепракомъ. Онъ не видитъ небеснаго явленія, но боевой конь какъ-будто чувствуетъ всю важность минуты—онъ насторожился и поднялъ уши.

Ликъ Богородицы строгъ. Глаза ея опущены. Изъ рукъ падаютъ цвѣты; падаютъ и исчезаютъ въ темномъ небѣ, не достигая земли.

На другой стѣнѣ такая-же картина, того-же размѣра и, вѣроятно, того-же мастера.

На пескѣ, освѣщенномъ яркимъ солнцемъ, не видно ни дерева, ни травинки. Съ востока надвигается тяжелая черная туча. Блистая латами и шлемомъ, лежитъ сраженный рыцарь. Лица его не видно—оно подъ опущеннымъ забраломъ. Пестрыя перья шлема разметались по желтому песку. Сломанное копье и упавшій мечъ говорятъ о недавнемъ упорномъ боѣ.

Кругомъ — никого.

На небѣ, озаренная сіяніемъ, Мадонна. Глаза ея полны слезъ. Она смотритъ ввысь. Въ рукахъ ея нѣтъ больше цвѣтовъ, но на груди убитаго рыцаря, на блещущихъ, раскаленныхъ латахъ лежатъ двѣ свѣжія бѣлыя розы.

Нѣтъ ни ксендза, ни сторожа, чтобы спросить объ исторіи старой церкви, объ этихъ картинахъ и узнать легенду, которая на нихъ изображена.

Убитый рыцарь, пустыня, живые цвѣты...

Быть можетъ, забытое имя и вѣками живущая легенда.

Тихо въ вечернемъ воздухѣ. Мелкій дождь продолжаетъ накрапывать. Съ нѣмецкой стороны Вислы доносится гулъ двигающихся гдѣ-то далеко обозовъ. Во мракѣ тысячи колесъ стучатъ по камню. Главныя силы нѣмцевъ идутъ параллельно русскимъ войскамъ и тоже спѣшатъ на сѣверъ.

Въ каменной сторожкѣ окна завѣшаны полотнищами палатокъ. Горитъ большая лампа, сохранившаяся въ разбитомъ домѣ ксендза. Молодой бѣлокурый офицеръ что-то горячо доказываетъ. Ему хочется захватить на нѣмецкомъ берегу кѣмъ-то брошенныхъ лошадей, поэтому онъ говоритъ о томъ, какъ батальону нужны лошади. Онъ называетъ фамиліи егерей, которые вызываются съ нимъ ѣхать въ эту экспедицію.

Командиръ батальона не хочетъ дать разрѣшенія—предпріятіе рискованное, необходимости нѣтъ. Если все-же онъ его даетъ, то онъ дѣлаетъ это не изъ-за лошадей

—ему не хочется угашать спортивный духъ, лихость и предпріимчивость.

— Если будутъ потери—лучше не возвращайтесь!— говоритъ онъ строго.

— Помилуй Богъ, какія потери... Всѣ вы сами будете рады лишнимъ лошадямъ. По такой грязи наши еле вытягиваютъ кухни и двуколки. Ну, до свиданья! Не съѣшьте мой ужинъ! — говоритъ скороговоркой молодой офицеръ и направляется къ выходу.

Какія-то черныя фигуры промелькнули въ темнотѣ ночи. Были слышны удаляющіеся шаги. Ясно долетѣлъ вопросъ:

— Гдѣ канатъ? — Затѣмъ все смолкло.

На нѣмецкомъ берегу, гдѣ-то далеко отъ Вислы, вѣроятно, обгоняя обозы, начальники и штабы быстро мчались къ сѣверу. Мелькали яркіе бѣлые лучи автомобильныхъ фонарей.

Накрапывалъ дождь; шумѣла холодная бушующая Висла.

Гдѣ-то раздалось нѣсколько выстрѣловъ...

Черезъ часъ, изъ сплошной темноты, съ рѣки раздался жалобный крикъ совы. Это былъ условный знакъ, пароль. Экспедиція возвращалась и подходила къ берегу.

Донеслось нѣсколько всплесковъ веселъ. Подошли офицеры, сбѣжались солдаты и начались хлопоты около лодки. Трудно было ночью вытянуть на крутой берегъ пугавшихся лошадей.

Молодыя жизни и юношескій задоръ бросили вызовъ смерти и смерть отступила отъ нихъ.

Послѣ упорныхъ боевъ мы преслѣдуемъ непріятеля и не даемъ ему возможности гдѣ-нибудь задержаться.

Новыя картины жизни и смерти ежедневно, ежечасно встаютъ передъ нами.

Мы идемъ низиной. Раннее утро; еще не поднялся октябрьскій холодный туманъ. Мы проходимъ окопы, которые вчера занимали нѣмцы и венгры. У лѣска

вблизи дороги, вѣроятно, офицерскій блиндажъ. Около него валяются бутылки отъ вина. На одной изъ нихъ знакомый этикетъ нѣмецкаго шампанскаго.

Я вспоминаю такую-же бутылку, съ такимъ-же этикетомъ, на маленькомъ столѣ въ ресторанѣ отеля Савой на Фридрихштрассе въ Берлинѣ; вспоминаю невольно сидѣвшую за столомъ блондинку въ голубомъ платьѣ и ея кавалера въ смокингѣ; вспоминаю тотъ жестъ, которымъ она поправляла непослушную прядку волосъ; вспоминаю выразительный взглядъ ея кавалера...

Это было за годъ до войны. Это было тогда, когда не стрѣляли пушки, когда не рыли окоповъ и когда скорые поѣзда бѣгали черезъ цѣлую Европу.

Мы идемъ дальше. Лѣсокъ кончился. Передъ нами огромное поле, постепенно поднимающееся вверхъ. У дороги нѣсколько грубо, наспѣхъ, сколоченныхъ крестовъ; на нихъ, остріями кверху — нѣмецкія каски. Дальше, по всему полю, воткнутыя штыками въ землю винтовки. Ихъ много, ихъ сотни. Здѣсь шло наступленіе, шла нѣмецкая контръ-атака. Здѣсь, еще не думая объ отходѣ, прошли нѣмецкіе санитары. Они вынесли раненыхъ, воткнули штыками въ землю винтовки убитыхъ, чтобы потомъ, когда будетъ готова братская могила, снова не разыскивать покойниковъ.

Наше энергичное наступленіе и вынужденный быстрый отходъ нѣмцевъ не дали возможности похоронить убитыхъ, которымъ больше не нужны ни каски, ни винтовки — ихъ побѣдила смерть.

Быть можетъ, она побѣдила и стройнаго штатскаго съ военной выправкой, котораго я видѣлъ въ Савой-отелѣ за бутылкой шампанскаго съ блондинкой въ голубомъ платьѣ.

Быть можетъ, онъ, какой нибудь лейтенантъ резерва, лежалъ подъ однимъ изъ наскоро сколоченныхъ крестовъ.

Мы идемъ безостановочно впередъ. На горизонтѣ, на фонѣ хмураго неба, четко вырисовались черные силуэты коней и пушекъ батареи, идущей походомъ.

На вершинѣ холма и на фонѣ неба кони и люди кажутся неестественно большими.

И эта картина остается позади. Мы движемся дальше на югъ, къ австрійской границѣ.

Составъ офицеровъ въ батальонѣ уменьшился. Убитъ въ атакѣ счастливый женихъ, которому еще за нѣсколько дней до войны пѣло свой гимнъ бушующее море, а кресты кладбища говорили о вѣрности до гроба. Сраженный пулей, онъ заснулъ на вѣки, съ улыбкой на красивомъ лицѣ.

Убитъ и тотъ, кто на берегахъ бурной осенней Вислы смѣло бросилъ вызовъ судьбѣ и вышелъ побѣдителемъ изъ поединка со смертью.

Убито еще нѣсколько офицеровъ...

Сбивая противника, мы движемся почти безпрерывно. Погода улучшилась. Дожди прекратились. Дороги просохли.

Намъ даютъ, наконецъ, дневку. Батальонъ занимаетъ деревню, вблизи отъ большого фольварка.

Волна войны быстро прокатилась черезъ этотъ край въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и не внесла разрушеній.

Фольваркъ манитъ своимъ паркомъ и каменными зданіями. Широкая площадка передъ домомъ посыпана пескомъ. За правильными квадратами клумбъ сплошная стѣна стриженныхъ кустовъ въ ихъ пестромъ осеннемъ уборѣ. Въ трехъ мѣстахъ въ стѣнѣ зелени прорѣзаны арки, черезъ нихъ открываются три различныхъ вида.

Дымка осени даетъ особую мягкость картинѣ.

Горничная въ бѣлой наколкѣ смахиваетъ пыль съ походныхъ сапогъ. Все въ домѣ дышетъ благосостояніемъ, богатствомъ и комфортомъ.

Въ кабинетѣ — мягкія кожаныя кресла, рѣдкія гравюры, хорошія сигары.

Нѣсколько словъ о войнѣ, нѣсколько ироническихъ замѣчаній по поводу нѣмцевъ, а затѣмъ разговоръ переходитъ на другія темы.

Приглашаютъ къ обѣду.

Въ столовой ждетъ хозяйка дома. Она представляетъ другимъ дамамъ. Двѣ изъ нихъ ея сестры, двѣ другія — англичанка и француженка дѣтей.

Хозяйка по типу напоминаетъ гречанку. Она высокаго роста и очень стройна. У нея красивые глаза, красивый лобъ, обрамленный черными вьющимися волосами.

Сестры хозяйки менѣе ярки. Англичанка — контрастъ хозяйкѣ дома. У нея бѣлокурые волосы съ мягкими широкими локонами. Ея рукопожатія рѣзки и сильны. Француженка некрасива; черты ея лица мелки и неправильны, но лицо подвижно и выразительно.

Мы садимся за столъ. Начинаетъ смеркаться. Вспыхиваетъ электричество, отъ котораго мы уже успѣли отвыкнуть.

Разговоръ идетъ по русски и по французски. Англичанка забавно коверкаетъ слова на обоихъ языкахъ.

Случайно мы узнаемъ, что обѣ сестры хозяйки дома замужемъ. Вскользь упоминается, что мужья на войнѣ. Почему-то пробѣгаетъ мысль, что они нѣмецкіе офицеры. Можетъ быть, угадавъ эту мысль, хозяйка дома начинаетъ мечтать о нашей скорой побѣдѣ.

Погребъ хозяина дома дѣлаетъ ему честь. Разговоръ теряетъ натянутость, дѣлается общимъ. Впервые встрѣтившіеся люди производятъ впечатлѣніе старыхъ хорошихъ знакомыхъ.

За разговоромъ хозяйка дома задумчиво перебираетъ цвѣты, которые стоятъ передъ ней въ низкой вазѣ. Отобравъ нѣсколько красныхъ гвоздикъ, она прикрѣпляетъ ихъ къ своему корсажу.

Послѣ обѣда всѣ выходятъ на террасу. Мужчины курятъ. Огоньки сигаръ и папиросъ поблескиваютъ въ темнотѣ, а въ осеннемъ небѣ мерцаютъ яркія звѣзды.

Въ одномъ уголкѣ террасы раздается звонкій смѣхъ, въ другомъ — тихо бесѣдуютъ. Чье-то платье мелькаетъ между кустами въ большую бесѣдку.

Съ куртинъ доносится нѣжный запахъ послѣднихъ осеннихъ флоксовъ...

Гдѣ-то далеко идетъ пушечная пальба.

Только она одна напоминаетъ, что война не кончилась, что смерть, какъ и раньше, собираетъ обильную жатву.

Стоитъ-ли на это обращать вниманіе?

Когда мы возвращаемся изъ фольварка въ деревню, у одного изъ офицеровъ, рядомъ съ обшитой кожей пуговицей френча, красуется красная гвоздика.

Рано утромъ мы снова были въ строю. Мы не проходили мимо фольварка и больше не видѣли его обитателей.

Снова переходы и бои. Снова мы проходимъ черезъ мѣстечки и села, пересѣкаемъ лѣса и рѣки, проходимъ мимо плантацій хмѣля, похожихъ на декораціи балета, и мимо старыхъ костеловъ.

Въ одномъ изъ нихъ опять старинная картина.

Сюжетъ не рѣдкій — danse macabre.

На черномъ полѣ, замкнутая въ кругъ, цѣпь людей. Кавалеры чередуются съ дамами. Дамы ярко одѣты. У нихъ сильно вырѣзаные корсажи, узкія таліи, широкіе кринолины. Платья розовыя, голубыя, желтыя... Бѣлые парики высоко поднимаются надъ головами и украшены цвѣтами и лентами. Эти парики дѣлаютъ лица болѣе юными и подчеркиваютъ молодой румянецъ, а черныя мушки даютъ выраженіе лукавства. Между этими дамами, пожимая ихъ холеныя ручки, отдаваясь одному, общему для всѣхъ, ритму невидимой музыки, танцуютъ ужасные скелеты кавалеровъ.

Когда я вышелъ изъ костела, мнѣ вспомнился обѣдъ въ фольваркѣ и дальняя орудійная пальба. Мнѣ вспомнились цвѣты въ хрустальной вазѣ и цвѣты на корсажѣ хозяйки дома. Мнѣ вспомнился обѣдъ нарядныхъ дамъ и, вѣроятно, обреченныхъ на смерть офицеровъ.

Внезапно мысль перенеслась дальше, вспомнились картины въ старомъ костелѣ надъ Вислой.

Сердце юнаго рыцаря пламенѣло только къ Предвѣчной Дѣвѣ. Она въ лазоревомъ сіяніи являлась къ нему и укрѣпляла его силы. Она вела его своими таинственными путями. Во имя Ея онъ шелъ на подвигъ.

Только Ее видѣлъ онъ передъ своими глазами и только онъ Ее видѣлъ.

И другая картина, дополнившая первую, не могла не вспомниться.

Далеко отъ родного края, далеко отъ людей, далеко отъ всякой жизни, одинъ, на жгучемъ безводномъ пескѣ пустыни, лежитъ сраженный рыцарь, а на груди у него неувядаемые цвѣты райскихъ садовъ.

Какая красивая легенда, какъ красивы могутъ быть и жизнь и смерть.

УМИРАЮЩАЯ КРАСОТА

А. В. Бурману

Старый, неинтересный снаружи, двухэтажный особнякъ на Фонтанкѣ, около Аничковскаго моста.

Большой подъѣздъ, обшитый дубомъ, выдается впередъ. Нарядные и торжественные швейцары въ ливреяхъ, съ гербами на золотомъ галунѣ, снимаютъ пальто.

Изъ громаднаго вестибюля поднимается широкая лѣстница. На полуэтажѣ она раздѣляется на два широкихъ марша. Кованныя желѣзныя перила.

Вдоль стѣнъ торжественной лѣстницы — большія витрины хранятъ въ себѣ цѣнную коллекцію старинаго итальянскаго фаянса.

На высотѣ второго этажа стройная коллонада образуетъ правильный квадратъ.

Желтый мраморъ колоннъ соотвѣтствуетъ мрамору, которымъ облицована лѣстница.

Пройдя нѣсколько большихъ комнатъ, вы попадаете въ дивный бѣлый залъ, созданный по чертежамъ знаменитаго Гваренги.

Если вы пойдете съ площадки лѣстницы въ другую сторону, вы попадете въ строгую и холодную по своему виду библіотеку; шкафы карельской березы, классически-строгая золоченая бронза „Empire“.

На мраморномъ каминѣ копія памятника Минину и Пожарскому, тоже изъ золоченой бронзы. Мудрый Пожарскій и, великій въ своей простотѣ, Мининъ застыли въ классическихъ позахъ, съ классическими складками одеждъ, съ римскими сандаліями и съ римскимъ мечомъ.

Прелестна коллекція миніатюръ, размѣщенная на створкахъ ширмы въ гостинной, въ которую вы входите прямо съ площадки лѣстницы.

Пройдя изъ гостинной черезъ большую столовую темнаго дуба съ тяжелыми малиновыми портьерами, вы попадаете въ небольшую комнату безъ оконъ.

Обычно здѣсь горитъ въ хрустальной люстрѣ электричество и при его бѣломъ свѣтѣ кажутся еще бѣлѣе матовыя бѣлыя стѣны съ плоскими пилястрами и выступающими гладкими рамами, въ которыя вставлены декоративные панно работы Hubert Robert.

На фонѣ итальянскаго пейзажа, подъ знойнымъ синимъ небомъ, по развалившимся отъ времени стѣнамъ древняго храма ползетъ, другъ смерти, темнолистый плющъ.

Въ кустахъ дикихъ розъ валяются обломки мраморныхъ колоннъ, античныхъ вазъ, осколки стариннаго фриза. Около поверженнаго жертвенника — обезображенная, наполовину засыпанная землей, статуя какой-то богини.

Издали, изъ зала, созданнаго мечтой Гваренги, сюда слабо доносится музыка.

Въ высокой вазѣ алѣютъ живые цвѣты.

Холодный и туманный Петербургъ бережно хранитъ и отблескъ южнаго итальянскаго неба и, умирающую на картинѣ, вѣчную красоту древняго Рима.

Въ широкой долинѣ дуетъ холодный вѣтеръ. Небо подъ тяжелыми, сѣрыми тучами.

Мы вышли съ бивака сравнительно поздно. Впереди насъ другія части. Вѣроятно, весь день мы останемся въ резервѣ. Справа наступаютъ гвардейскіе стрѣлки.

Мы проходимъ деревню. На площади, передъ школой, группа людей. Часть ихъ сидитъ на скамейкахъ, другіе стоятъ позади. Вспоминаются столь обычныя фотографіи, которыя снимались ежегодно, передъ уходомъ старо-служащихъ въ запасъ.

Тоже фономъ служило зданіе, тоже всѣ участники были расположены въ нѣсколько рядовъ и также часть ихъ сидѣла.

На этотъ разъ группа вышла случайно и, вѣроятно, не назначалась для фотографіи. Кругомъ часовые — измайловцы. Сидятъ и стоятъ плѣненные австрійцы.

Мы проходимъ совсѣмъ близко отъ этой группы. Одни, что помоложе, смотрятъ на насъ съ любопытствомъ. Выраженіе лицъ старшихъ, что сидятъ въ синихъ шинеляхъ съ красными отворотами, говоритъ объ ихъ раздраженіи. Вѣроятно, они насъ мысленно проклинаютъ.

Не останавливаясь, въ стройномъ порядкѣ, какъ на занятіяхъ въ Красномъ Селѣ, мы идемъ дальше. Впереди грохочутъ пушки.

На привалѣ выясняется обстановка. Сильными дождями вздуты горныя рѣки. Мосты взорваны австрійцами. Быстро построить или навести новые — невозможно изъ-за быстраго теченія, крутыхъ береговъ и сильнаго обстрѣла.

Маршъ гвардейскихъ полковъ поэтому оборвался.

Противникъ использовалъ случай и занялъ короткую и удобную позицію, уперевъ лѣвый флангъ въ горный кряжъ отроговъ Святыхъ Горъ. Эта возвышенность круто падаетъ въ нашу сторону и дѣлаетъ подъемъ съ нашей стороны невозможнымъ.

Лихая атака Измайловцевъ, прогнувшая фронтъ австрійцевъ, давшая плѣнныхъ и трофеи, остановилась.

Неотброшенные назадъ фланги непріятеля дѣлаютъ опаснымъ дальнѣйшее продвиженіе.

Проглянуло солнце. Командиръ полка и его маленькій штабъ сошли съ лошадей и стоятъ на дорогѣ. Командиръ изучаетъ карту. Конные развѣдчики держатъ въ поводу своихъ и офицерскихъ лошадей, на крупахъ которыхъ играетъ солнце.

Порывистый вѣтеръ то плавно колышетъ, то рветъ зеленый полковой флагъ съ чернымъ крестомъ, прикрѣпленнымъ къ верхней части стальной пики.

Подъѣхалъ командиръ батареи и тоже принялъ участіе въ совѣщаніи.

Наконецъ, командиромъ полка принято рѣшеніе — атаковать лѣвый фланг непріятеля и, угрожая ему ударомъ въ тылъ, отбросить его отъ горъ.

Четвертый батальонъ получаетъ приказаніе атаковать, двигаясь вдоль подножія горы.

Первый батальонъ — поднять на людяхъ два орудія и, переваливъ черезъ гору, ударить въ тылъ лѣваго фланга.

Высланы развѣдчики. Отстегиваются орудія, раздаются солдатамъ корзины со снарядами.

Найдена тропа, которая ведетъ къ вершинѣ.

Двинулся батальонъ, потянули на канатахъ орудія.

Сплошной камень, сплошная крутая скала, поросшая золотистыми соснами. Мѣстами въ камнѣ высѣчено что-то въ родѣ ступеней.

Грубо вытесанные изъ того-же камня фигуры колѣнопреклоненныхъ молящихся монаховъ разбросаны вдоль этой тропы большой крутизны.

Каменные люди, казалось, срослись съ камнемъ сѣрыхъ скалъ.

Только разъ въ годъ по этому пути наиболѣе ревностные католики ползутъ на колѣняхъ на вершину горы, истязая и умерщвляя плоть, искупая свои грѣхи, призывая на себя милость Божіей Матери, давая обѣты и молясь о спасеніи души.

Вѣроятно, они тяжело страдали плотью во имя Христа, когда добровольно ползли на колѣняхъ по этому „Крестному пути".

Теперь богъ войны вступилъ на путь Голгофы.

Ноги срывались на круто-наклоненной скалѣ, сѣрой отъ дождей, скользкой отъ упавшихъ иглъ хвои.

Порой отдѣльные камни выкатывались изъ подъ ногъ.

Съ тяжелыми усиліями поднимались люди, нагруженные снаряженіемъ и корзинами со снарядами.

Съ еще большимъ трудомъ, завязывая канаты за сосны, медленно поднимали они орудія.

Успѣхъ работы казался минимальнымъ, потеря силъ громадной, но дѣло шло и никому не пришло-бы въ голову, что предпріятіе неисполнимо.

Солдаты работали; выбившись изъ силъ, отдыхали, чтобы снова и снова лѣзть на кручу и тащить снаряды и пушки.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, мы вышли на какую-то, поросшую мохомъ, площадку. Отсюда, вѣроятно, при вырубкѣ лѣса шла давно забытая узкая дорожка. Теперь она была едва видна; она заросла высокой травой и мелкимъ кустарникомъ.

Снова высланы развѣдчики впередъ. Мы задерживаемся, чтобы подтянулись отставшіе.

Выясняется, что лѣсная дорога, опоясывая кряжъ, идетъ къ вершинѣ. Двѣ роты отправляются тянуть пушки по этой дорогѣ. Двѣ другія — продолжаютъ подниматься по скаламъ, которыя теперь становятся менѣе крутыми.

Наконецъ, лѣсъ рѣдѣетъ и мы выходимъ на широкую поляну.

Впереди, на самой вершинѣ горы, — казарменные зданія, обнесенныя высокой каменной стѣной. Это тюрьма. Дальше высится кровъ церкви и остатки колокольни монастыря Св. Креста.

На верху горы очень холодно и вѣтеръ еще рѣзче, чѣмъ въ ущельѣ. Онъ дуетъ намъ навстрѣчу. Начинаетъ падать снѣгъ и колоть лицо.

Мы идемъ теперь быстро. Усталость забыта.

У тюрьмы мы выходимъ на шоссейную дорогу.

Дойдя до монастыря, мы останавливаемся, чтобы соединиться со своими ротами, которые тащатъ пушки.

Нѣсколько монаховъ выходятъ изъ маленькаго дома. Они объясняютъ, что австрійцы, при уходѣ, взорвали колокольню, гдѣ у нихъ былъ наблюдательный пунктъ.

Австрійцы бросили эту гору, считая, что подъемъ, на нее съ нашей стороны доступенъ только колѣнопреклоненнымъ пилигримамъ, и потому, что наблюденію за полемъ боя съ горы и съ колокольни препятствовалъ буковый лѣсъ, покрывавшій южный склонъ.

Свистѣлъ и завывалъ вѣтеръ между старыхъ построекъ. Казалось, что совсѣмъ надъ головами несутся тяжелыя снѣговыя тучи. Падающій снѣгъ, подхвачен-

ный вѣтромъ, мелькалъ передъ глазами. Пролетали, кружась между снѣжинками, послѣдніе листы, оторвавшіеся отъ почти совершенно уже обнаженныхъ буковыхъ деревьевъ. Бурые и коричневые листы.

Высился огромный, старинный храмъ, служившій въ средніе вѣка усыпальницей одной изъ королевскихъ династій Польши.

Мощныя каменныя колонны съ вычурными капителями украшали раньше фасадъ этого костела, а въ большихъ нишахъ, между колоннами, стоялъ рядъ грандіозныхъ статуй.

Силой взрыва, сдѣланнаго, чтобы разнести монументальную колокольню, уничтожено прежнее архитектурное великолѣпіе.

Пользуясь остановкой — я вошелъ въ сѣни собора; дальше меня не пустили, опасаясь обвала потолка и крыши.

Изъ темныхъ сѣней я видѣлъ пустой и величественный храмъ. Я видѣлъ горящія у алтаря свѣчи. Я видѣлъ маленькаго католическаго священника, который, въ бѣломъ облаченіи, совершалъ безмолвную мессу.

На фонѣ узкаго окна изъ цвѣтныхъ стеколъ, какъ-то сохранившагося при взрывѣ, рисовался апостолъ Петръ съ большимъ золотымъ ключемъ.

Было что-то особенно трогательное въ этомъ моленіи священника, одинокаго въ высокомъ и громадномъ храмѣ, кровъ котораго, смѣщенный взрывомъ, могъ каждую минуту провалиться.

Надо было идти — совсѣмъ вблизи рѣзко застрѣляли наши пушки.

Мнѣ было жаль уходить, жаль было потерять изъ виду молящагося священника, такого маленькаго, стараго и одинокаго, такого величественнаго въ своемъ одиночествѣ.

Отойдя отъ церкви, я не могъ не обернуться назадъ, не бросить послѣдній взглядъ.

Громадная церковь, гордая и прекрасная, несмотря на разрушенія, вздымала къ небу свой чудный, старинный фасадъ. Части колонн ъвалялись грудами въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Вмѣстѣ съ ними,

въ общемъ хаосѣ разрушенія, разбитыя и обезображенныя, лежали осколки древнихъ статуй.

Около кустовъ терновника, откатившаяся далеко отъ другихъ обломковъ, лежала, оторванная отъ статуи, прекрасная женская голова.

Невольно вспомнился особнякъ на Фонтанкѣ, вспомнилась малая бѣлая комната, со стѣны которой смотрѣло синее южное небо и, полныя грустной поэзіи, развалины римскаго храма.

Внизу, подъ Крестовой Горой, кипѣлъ бой. Наша 14 рота атаковала черезъ засѣки позицію противника. Грохотали, втянутыя на гору, двѣ наши пушки. Мы двинулись впередъ. Къ вечеру бой закончился полной нашей побѣдой и стремительнымъ отходомъ австрійцевъ.

Мнѣ пришлось быть, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого боя, въ сѣромъ особнякѣ на Фонтанкѣ.

Въ громадномъ бѣломъ залѣ, гдѣ раньше шли беззаботные танцы, гдѣ великосвѣтскіе любители разыгрывали сцены изъ балетовъ и несложныя комедіи, гдѣ изящество, грація и роскошь подчеркивали красоту жизни, — теперь длинными, правильными рядами, стояли кровати госпиталя.

Сѣрыя одѣяла, больные въ сѣрыхъ халатахъ.

Повязки, лѣкарства, носилки, страданія...

Убраны съ лѣстницъ и изъ вестибюля итальянскія керамики, скинуты пышныя ливреи, заперты двери библіотеки, убраны миніатюры...

Сѣрыми холстами завѣшаны картины поэта античной красоты, художника XVIII вѣка — Hubert Robert! Неужели поэзія и красота навѣки ушли изъ жизни — умерли?

ЖИВЫЕ ЦВѢТЫ

Памяти М. И. Кукеля

19 февраля 1915 года съ утра нѣмцы напрягали всѣ усилія, чтобы прорвать позиціи гвардейскаго корпуса.

Въ этотъ день былъ убитъ командиръ 10 роты капитанъ Михаилъ Ивановичъ Кукель.

Убитый, онъ лежалъ на чистомъ бѣломъ снѣгу. Его освѣщало холодное зимнее солнце; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него валялась, выпавшая изъ его рукъ, палка со старинным золотымъ набалдашникомъ.

Солнце на небѣ, маленькое золотое солнце въ снѣгу.

Подбѣжавшіе солдаты вынесли тѣло своего командира, затоптали въ снѣгъ старинную палку. Потомъ, вечеромъ, уже готовясь къ контръ-атакѣ, вспомнили про палку, пошли ее искать, но не могли найти—такъ она и осталась подъ пеленой снѣга, холода и забвенія.

На слѣдующій день тѣла убитыхъ офицеровъ были отправлены въ Петроградъ для погребенія въ склепѣ полковой церкви.

Пока существовалъ полкъ — у надгробной плиты, на которой стояло его имя, непрерывно, словно на стражѣ, смѣнялись живые цвѣты.

Красный рододендронъ смѣнялся азаліей, послѣ на ея мѣстѣ появлялась корзина ландышей, затѣмъ анемичная оранжерейная сирень...

Онъ не былъ красивъ. Черепъ его былъ неправильной формы. Надъ низкимъ лбомъ начиналась щетина твердыхъ, непокорныхъ волосъ.

Черты его лица вызывали воспоминанія о тѣхъ божкахъ, которыми богаты буддійскіе и конфуціанскіе храмы и кумирни; только сонное вѣчное спокойствіе этихъ восточныхъ боговъ замѣнялось у него подвижностью лица и порывистостью движеній.

Несмотря на свою внѣшность, онъ былъ и по рожденію и по характеру чисто русскимъ человѣкомъ. Онъ обладалъ широкой любознательностью, упрямствомъ, любовью къ спорамъ, щедростью и даже расточительностью, отзывчивостью къ чужому горю, широкимъ національнизмомъ, горячей любовью къ своему родному полку, вѣрностью въ дружбѣ.

Иногда на него, какъ на многихъ русскихъ людей, находили періоды лѣни и апатіи, слѣдовавшіе за періодами лихорадочной дѣятельности.

Откровенно и открыто высказываемыя имъ мнѣнія и рѣзкость его сужденій создавали ему и друзей и недруговъ.

Тотъ, кто былъ связанъ съ нимъ узами дружбы, могъ быть увѣреннымъ, что спутниками этой дружбы являются искренность, постоянство, отсутствіе мелочныхъ обидъ, безкорыстіе и самопожертвованіе.

Дружба, которая связывала его крѣпкими узами со многими однополчанами и ихъ семьями, послѣ его смерти расцвѣла тѣми живыми цвѣтами, которые ставились чьими-то заботливыми руками около его могилы.

Полукруглый склепъ полковой церкви. Стѣны отдѣланы полированымъ камнемъ. Доски съ именами убитыхъ въ Великой войнѣ. Образа. Неугасимыя лампады. Живые цвѣты.

Надъ склепомъ церковь съ высокимъ золоченымъ иконостасомъ и съ темнокрасными четыреугольными колоннами природнаго гранита. Вдоль солеи — бронзовая массивная рѣшетка съ россійскими двуглавыми орлами.

Несется дымъ кадильный. Хоръ полковыхъ пѣвчихъ въ кафтанахъ съ бѣлыми кантами и зелеными поясами стройно поетъ:

„Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе...“

Безмятежность, покой, тихая пристань, но не забвеніе.

Я выхожу изъ церкви и встаетъ въ памяти пережитое.

Почему-то вспоминается пропавшая въ глубокомъ снѣгу палка съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ играло солнце въ день его смерти.

Я видѣлъ эту палку въ первый разъ на сценѣ полкового манежа. Ставился любительскій спектакль.

Со стѣнъ манежа глядѣли щиты съ перечнями боевъ, въ которыхъ участвовалъ полкъ.

Перечень боевъ полка — перечень побѣдъ.

Были и несчастливые бои, но и въ нихъ было проявлено столько героизма и самопожертвованія, что они стоятъ побѣдъ.

На ярко освѣщенной сценѣ идетъ пьеса Ростана въ костюмахъ XVIII вѣка. Садъ раздѣленъ стѣной. Облокотясь на стѣну, онъ говоритъ звучные стихи. Въ рукѣ у него палка съ золотымъ набалдашникомъ, которая поблескиваетъ на фонѣ зеленаго кафтана.

„Романтики", кружева, porte-chaise, лязгъ скрестившихся шпагъ, похищеніе... Аплодисменты.

Онъ мастерски исполнилъ свою роль.

Потомъ вспоминается молебенъ въ бѣломъ залѣ собранія. Вспоминается, какъ священникъ благословлялъ его образкомъ — напутствіемъ полка. Черная мохнатая папаха была у него въ рукахъ.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которымъ удалось выхлопотать переводъ въ одинъ изъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, когда началась японская война.

Изъ Манджуріи приходили часто его длинныя письма и разные любительскіе снимки; то онъ съ какой-то собакой, то онъ на фонѣ кумирни, то въ группѣ нашихъ офицеровъ, съѣхавшихся въ день нашего полкового праздника изъ разныхъ полковъ и штабовъ.

Вспоминается его возвращеніе въ полкъ съ боевыми наградами и боевымъ опытомъ и обѣдъ у Кюба, который онъ давалъ своимъ близкимъ друзьямъ, поддерживавшимъ съ нимъ переписку.

Причудливо сложенныя салфетки что-то скрываютъ въ своихъ нѣдрахъ — это подарки амфитріона, испол-

ненные по его замыслу и заказу на память о дружбѣ, выдержавшей испытанія долгой разлуки.

Въ Петербургѣ мы часто видѣлись. По средамъ онъ обычно обѣдалъ у меня.

Всегда оживленный и порывистый, онъ становился сосредоточеннымъ и терпѣливымъ, когда послѣ обѣда мы уходили въ мой кабинетъ и погружались въ расшифровку старыхъ рукописей, которыя мнѣ удалось купить въ Ростовѣ Великомъ или въ Костромѣ.

Это былъ цѣлый ящикъ свитковъ, большинство которыхъ относилось къ Верхотурскому Воеводству, которымъ, именемъ царей Петра и Іоанна, правилъ воевода Кузьма Козловъ съ товарищами.

Это занятіе интересовало насъ обоихъ. Иногда еще два-три любителя принимало въ немъ участіе, но они меньше интересовались чрезвычайно разнообразными по начертанію скорописями дьяковъ и содержаніемъ документовъ.

Мнѣ такъ помнятся эти вечера у овальнаго стола съ высокой лампой, когда на насъ смотрѣли со стѣнъ хорошо знакомыя мнѣ картины. Опущенныя темныя шторы и задернутыя портьеры отдѣляли комнату отъ остального міра; отъ никогда не смолкающихъ звуковъ столицы, отъ разговоровъ въ другихъ комнатахъ.

Съ выходомъ изъ кабинета онъ забывалъ про старые свитки рукописей и становился шумливъ и веселъ. Сотни темъ тѣснились у него въ головѣ, прорывались наружу, влекли къ живому спору.

Въ началѣ августа 1914 года мы выступили съ полкомъ на войну.

Въ первомъ-же бою, понимая опасное положеніе моей 2-ой роты, только что атаковавшей противника и углубившейся въ лѣсъ, онъ вызвался отправиться мнѣ на помощь. Онъ это сдѣлалъ быстро и укрѣпилъ положеніе моего праваго фланга. Онъ сдѣлалъ больше — очистилъ отъ непріятеля лѣсъ правѣе меня, чѣмъ способствовалъ общему успѣху боя.

Въ ноябрѣ 1914 года онъ былъ раненъ, выбивая въ гористой и лѣсной мѣстности незамѣтно проскочив-

шаго, благодаря растянутости нашихъ позицій, противника.

Будучи назначеннымъ къ эвакуаціи, онъ уѣхалъ съ фронта только послѣ того, какъ провелъ черезъ штабы награжденія наиболѣе отличившихся егерей своей роты.

По пріѣздѣ въ Петроградъ, онъ розыскалъ подходящихъ надежныхъ и состоятельныхъ людей, которые приняли на себя обязательство обезпечить существованіе вдовы убитаго фельдфебеля его роты и дать воспитаніе сиротамъ.

Скоро онъ снова вернулся въ полкъ.

19 февраля онъ былъ убитъ на подступахъ къ Ломжѣ въ ясный морозный день.

Солнце ярко свѣтило, когда онъ прощался съ жизнью, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ свою роту и пейзажъ своей Родины.

Потомъ оранжерейные петроградскіе цвѣты безконечно, пока существовалъ полкъ, смѣнялись у его могилы.

Его друзья при жизни оставались друзьями и послѣ смерти.

1915. ХОЛМЩИНА

Памяти Ю. С. Рухлова

Старое время на Руси.

Уже стали спадать весенніе ручьи; уже обширные лѣса одѣлись молодыми листьями; уже широко разбѣжался изумрудный коверъ травъ.

Изъ безкрайныхъ степей, что тянутся вдоль Чернаго моря, несмѣтною силою—быстрые и дикіе—идутъ татары. Они настойчивы, какъ осеннія мухи; они быстры и неуловимы, какъ крылатыя мыши, что вылетаютъ на заходѣ солнца; они кровожадны, какъ волки въ студеную пору; они непобѣдимы, какъ рѣка, сбросившая ледяные оковы, когда она, опьяненная свободой, ломаетъ мельницы, разбиваетъ баржи, срываетъ мосты и плотины.

Старые лѣса Холмщины и Волыни помнятъ эти татарскіе набѣги. Много разъ прокатывались здѣсь татарскія орды. Азія шла на Европу, Востокъ бился съ Западомъ, Сѣверъ съ Югомъ.

Татары появлялись внезапно; воевали, грабили, уходили дальше, унося добычу и оставляя за собой: пометъ коней, свѣжія могилы, вытоптанныя поля, сгорѣвшія селенія и безлюдье.

Шелестомъ листвы старыя деревья эпически разсказываютъ повѣсть прошлаго.

Кончились набѣги татаръ, но не кончились войны.

Много боевъ видѣли лѣса Холмщины и Волыни.

Бѣлые Цари расширили границы русской державы, заселили привольныя степи и воцарилась здѣсь благословенная тишина и покой.

Спокойно наливается колосъ на плодородныхъ поляхъ, чисто выбѣлены дома зажиточнаго крестьянства. Въ старинныхъ дворцахъ, помнящихъ перваго самозванца и обманутую судьбой честолюбивую Марину Мнишекъ, дремлютъ старые портреты, серебряные кубки и обшитые тяжелымъ желѣзомъ сундуки, хранившіе раньше дукаты и жемчуга.

Въ раннее утро, надъ густымъ туманомъ болотъ, окружающихъ городъ Холмъ, видны, озаренные первыми розовыми лучами солнца, золотые купола церквей. Не видно за туманомъ ни города, ни садовъ...

Надъ сѣрыми облаками тумана какъ-бы плывутъ въ голубой лазури золотые купола — словно Китежъ-градъ возносится на небо.

1915 годъ. Зима смѣнилась весною. Изъ теплыхъ краевъ вернулись птицы.

Размотавшійся за зиму клубокъ безконечнаго чернаго кружева—полоса колючей проволоки—раскинулся небрежными изгибами отъ Балтійскаго моря до границъ Румыніи.

Подъ густой завѣсой тайны нѣмцы стягивали къ Дунайцу все новыя и новыя батареи.

Было что-то роковое въ весеннемъ затишьѣ; былъ адъ, когда заговорили пушки.

Сѣдой Макензенъ, въ защитномъ гусарскомъ мундирѣ, въ мѣховой шапкѣ съ эмблемами смерти — адамовой головой и скрещенными костями — началъ свое наступленіе.

Съ позиціи подъ Ломжей къ Красноставу подошли свѣжія войска.

Съ высокаго холма былъ виденъ бой за обладаніе Красноставомъ, были видны разрывы нѣмецкихъ гранатъ въ городѣ и передъ городомъ, гдѣ находилась наша пѣхота.

Былъ виденъ дымъ пожаровъ, облака пыли отъ разбиваемыхъ каменныхъ домовъ, красные языки огня.

Батальная картина, напоминающая картины боевъ Отечественной войны, висѣвшія въ залахъ Зимняго Дворца. Нѣтъ только живописныхъ группъ былого времени: пѣхоты, построенной въ карэ, скачущей въ кирасахъ конницы, плачущихъ крестьянокъ въ шугаяхъ, священника съ золотымъ крестомъ.

Безлюдно теперь поле боя.

Оставленный было Красноставъ снова вь нашихъ рукахъ.

Свѣжія силы вступили въ бой. Нѣмцы отброшены. Первая гвардейская резервная дивизія нѣмцевъ и ихъ гусары смерти встрѣтились подъ Красноставомъ съ русской первой гвардейской дивизіей и дивизіей гвардейскихъ стрѣлковъ.

На слѣдующее утро было приказано развивать успѣхъ и продолжать наступленіе, но отошли сосѣди и обнажили фланги и тылы.

Былъ данъ приказъ объ отходѣ.

Безконечно грохочутъ нѣмецкія пушки.

Дымъ и облака пыли стоятъ надъ нашими окопами.

Много убитыхъ, много раненыхъ.

Впереди — въ лѣсу нѣмцы, а за лѣсомъ ихъ многочисленная артиллерія, богато снабженная снарядами.

Ухо уже привыкло къ хаосу звуковъ отъ непрерывнаго разрыва снарядовъ и къ гулу отъ полета тяжелыхъ гранатъ.

Иногда вспоминается, что съ такимъ-же гуломъ въ Луна-паркахъ Петрограда и Парижа бѣжали вагонетки американскихъ горъ, а вокругъ шумѣла и веселилась толпа, освѣщенная безчисленными лампіонами.

Безконечно грохочутъ нѣмецкія пушки.

Они обрушиваются на тылы и мы знаемъ, что за этимъ послѣдуетъ наступленіе нѣмцевъ.

Дѣйствительно, изъ лѣса показываются рѣдкія цѣпи.

Нѣмцы перебѣгаютъ медленно, не торопясь. Мы бережемъ патроны и снаряды. Мы увѣрены въ себѣ.

Когда половина поляны противникомъ уже пройдена, начинаетъ работать наша артиллерія. Гдѣ-то на флангѣ заработалъ нашъ пулеметъ.

Противникъ задерживается на занятомъ рубежѣ. Когда онъ пытается продвинуться впередъ, наши пули изъ окоповъ начинаютъ его засыпать. Словно убѣдившись, что мы еще существуемъ, что духъ нашъ не сломленъ, нѣмцы, или начинаютъ закапываться въ землю, или начинаютъ отходить, оставивъ нѣсколько убитыхъ.

Спускаются сумерки. Начинаетъ темнѣть. Огонь нѣмцевъ затихаетъ.

Мы подсчитываемъ потери, спѣшно возстановляемъ разрушенные бомбардировкой окопы.

Послѣ такихъ обстрѣловъ, когда часами снаряды рвутся со всѣхъ сторонъ, уши перестаютъ слышать, гулъ продолжаетъ стоять въ головѣ и кажется, что тяжелый молотъ равномѣрно и безпощадно бьетъ по темени.

— Взводный, аль не слышишь? Будто наша проволока звенитъ!

— Какой тамъ звенитъ. Съ чего-бы ей звенѣть? Въ ушахъ, видно, звенитъ съ перепугу. Подсоби-ка лучше людямъ поднять бревно.

Одинъ изъ говорящихъ, молодой егерь, часъ назадъ, когда обстрѣлъ уже кончился, прибылъ въ роту съ пополненіемъ изъ маршеваго батальона. Рота потеряла убитыми и ранеными 50% за сегодняшнюю бомбардировку. Его собесѣдникъ, командиръ 3-го взвода 2-ой роты, ст. унтеръ-офицеръ Рѣзниковъ, продѣлавшій въ ротѣ весь походъ и уже награжденный тремя георгіевскими крестами.

— Вотъ тебѣ истинный крестъ, что звенитъ,—упорно твердитъ молодой егерь и, снявъ фуражку, крестится.

Нѣсколько паръ глазъ напряженно всматриваются въ темноту, но, кромѣ молодого егеря, никто ничего не видитъ и не слышитъ.

Взводный съ минуту молчитъ.

Его слухъ ничего не улавливаетъ, въ головѣ стоитъ шумъ и гулъ отъ жестокой бомбардировки.

— А може и не брешетъ?.. Не зря вѣдь крестъ даетъ? — проносится въ головѣ взводнаго.

Онъ высылаетъ дозоръ осмотрѣть проволоку и идетъ съ докладомъ къ командующему ротой.

Около проволоки завязывается перестрѣлка. Пули свистятъ надъ окопами, ударяются въ стволы деревьевъ.

Цѣлый взводъ высылается впередъ. Перестрѣлка усиливается, слышны разрывы нѣсколькихъ ручныхъ гранатъ.

Непріятельскіе развѣдчики, дѣйствительно, пользуясь темнотой, подползли къ проволокѣ и рѣзали ее, расчитывая, что оглушенные малочисленные защитники окоповъ ихъ не услышатъ, а они, забросавъ окопы ручными гранатами, съ налета вклинятся въ наше расположеніе.

Ихъ планъ не удался. Имъ даже не удалось вынести убитыхъ. Передъ проволокой залегли на ночь секреты нашей 2-ой роты.

Бои и отходы. Времени для отдыха и для сна почти нѣтъ. Днемъ по всему фронту отходящихъ армій идутъ бои съ безчисленными подвигами офицеровъ и солдатъ, полковъ и батарей.

Тутъ и тамъ безъ патроновъ наши части переходятъ въ контръ-атаки, батареи выѣзжаютъ нн открытыя позиціи впереди своихъ пѣхотныхъ цѣпей, чтобы прикрыть ихъ отходъ.

Днемъ — непрерывная канонада, исковерканные окопы, большія потери. Ночью, подъ прикрытіемъ темноты, движутся по дорогамъ колонны полковъ, пушки, обозы, безконечныя повозки крестьянъ, уходящихъ вмѣстѣ съ войсками.

На разсвѣтѣ—море пожаровъ и море дыма разливается между нѣмцами и нами.

Горятъ помѣстья и деревни, хлѣбъ на корню, сѣно въ стогахъ, мосты, мельницы, телеграфные столбы...

Мы все сжигаемъ при отходѣ.

Пядь за пядью, послѣ упорныхъ боевъ, мы отдаемъ родную землю противнику, который медленно и настойчиво тѣснитъ насъ, пользуясь своимъ обиліемъ пушекъ и снарядовъ.

Закованный въ тяжелые желѣзные доспѣхи, медленной поступью идетъ за нами противникъ.

Волна разрушеній и разоренія катится по благословеннымъ, урожайнымъ полямъ Волыни и Холмщины.

1915 годъ. Остались въ прошломъ, словно навсегда, маневренные бои, острая радость побѣды и успѣховъ, яркія впечатлѣнія новизны, купающіеся въ садахъ фольварки, старинные костелы, случайныя встрѣчи...

Будущее, какъ закрытая книга, хранитъ свою тайну.

Настоящее — бои, потери, отходы...

Днемъ обжигаетъ солнце, а ночью смотритъ на землю, холодная, равнодушная луна.

Она видитъ, какъ копошатся люди, какъ движутся колонны, какъ тысячи лошадей увозятъ пушки и обозы; видитъ обуглившіяся бревна — остатки сожженныхъ селеній и свѣжіе кресты на новыхъ могилахъ; видитъ бѣженцевъ, потерявшихъ дѣтей и куда-то угоняемыя стада.

Видитъ и словно говоритъ:

„Такъ было, такъ будетъ. Война неизбѣжна и вѣчна. Время мира — короткій отдыхъ, какъ сонъ для человѣка, какъ зима для природы. Удѣлъ смертныхъ — война. Войны создаютъ и разрушаютъ великія Царства“.

Теплая, тихая, лунная ночь.

Движутся тяжело нагруженныя повозки.

Лаетъ и воетъ забытая на привязи собака.

Плачетъ ребенокъ на колѣняхъ матери, испугавшись сновъ или призраковъ ночи.

Мѣрно ступаютъ лошади.

Не шелестятъ листы. Безмолвно, словно зачарованные, стоятъ могучіе лѣса.

Они такъ много видѣли; они такъ много еще увидятъ.

1916 — СТОХОДЪ

А. И. Іевреинову

Полкъ стоитъ въ резервѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ районѣ Рѣжицы.

Послѣ дней, проведенныхъ въ мятущемся Петроградѣ, какъ хорошо быть снова среди задумчивой сѣверной природы, подъ ласкающимъ весеннимъ солнцемъ, слушать веселое журчаніе ручьевъ, жить интересами полка и батальона, глядѣть въ вечернія сумерки на бѣлоствольныя, стыдливыя березки, слушать рокотъ соловьевъ, любоваться ярко-красочными закатами...

Кто не любовался ими! Кто могъ не замѣтить изумительное освѣщеніе предзакатнаго неба! Кажется, природа умышленно бережетъ до вечера свои лучшіе дары: самыя разнообразныя краски, самые нѣжные звуки...

Въ предзакатный часъ укутывается она въ самые пышные наряды, въ причудливо яркія ткани; сегодня однѣ, завтра другія.

Великолѣпны были закаты весною 1916 года въ Витебской губерніи и никогда я такъ не любовался ими, какъ въ эти дни.

Было-ли это безсознательнымъ предчувствіемъ, что лѣто и осень 1916 года будутъ предзакатнымъ часомъ русской арміи и русской славы.

Лѣтніе жаркіе дни.

Двѣ линіи привязныхъ шаровъ, нашихъ и нѣмецкихъ, очерчиваютъ изгибы безконечно растянувшагося фронта.

Часто пролетаютъ аэропланы.

Густые зеленые лѣса скрываютъ сотню тысячъ людей, назначенныхъ для прорыва нѣмецкихъ позицій въ долинѣ Стохода.

Только подъ покровомъ ночи полкъ выходитъ на работу.

Весь день онъ проводитъ въ лѣсахъ.

Окончилась исповѣдь.

Подъ большимъ деревомъ стоитъ священникъ со Святыми Дарами.

Нѣтъ ни привычной съ дѣтства обстановки церкви, нѣтъ ни иконъ, ни лампадъ съ ихъ кроткимъ свѣтомъ... Все подчеркиваетъ особую важность минуты — причастіе передъ боемъ.

Набожно крестясь, подходятъ къ причастію офицеры и солдаты.

Въ рукахъ священника чуть дрожитъ отъ волненія золотая чаша.

Кто-то изъ солдатъ поскользнулся на корнѣ дерева и рѣзко качнулся.

Чаша съ дарами выпала изъ рукъ священника.

Нѣсколько капель крови Спасителя упало на зеленую епитрахиль и обагрило ее.

Послѣ короткаго глухого молчанія затрещали сухія прутья и бѣлый дымъ костра сталъ подниматься на томъ мѣстѣ, которое освятили тѣло и кровь Спасителя.

Священникъ дрожащими руками снимаетъ епитрахиль и медленно опускаетъ ее въ языки пламени.

День святого Владиміра.

Вихремъ несутся егеря навстрѣчу славѣ и смерти.

Вправо и влѣво поля безлюдны, фронтъ недвижимъ — другія части атакуютъ черезъ полчаса.

Безъ остановокъ, бѣгомъ несутся егеря черезъ топкія болота, черезъ лѣнивый ручей.

Гранаты рвутся между цѣпями, рвутся впереди и сзади; рвутся на островкахъ сухой земли, разбрасывая

тысячи осколковъ; рвутся, зарывшись глубоко въ трясину, выкидывая громадные столбы черной, болотной воды.

При безостановочномъ стихійномъ порывѣ никто не обращаетъ вниманія, что кругомъ гибнутъ люди; одни отъ снарядовъ и пулеметовъ, другіе увязая въ болотѣ, третьи отъ ручныхъ гранатъ защитниковъ непріятельскихъ окоповъ.

Порывъ такъ великъ, что хочется съ налету взять еще одно укрѣпленіе. Семьдесятъ человѣкъ, бросившихся на мостъ, платятъ за это своей жизнью.

Нами взяты плѣнные, пулеметы, тяжелый бомбометъ.

Трехярусное укрѣпленіе — Колонія Перехода въ нашихъ рукахъ.

Ночь холодная и сырая.

Въ батальонѣ подсчитаны люди. Передъ атакой было 800, теперь — 319. Мы считаемъ бойцовъ, а въ вязкихъ, гиблыхъ болотахъ Стохода, въ высокой зеленой осокѣ, борятся со смертью десятки жизней.

Санитары не могутъ ихъ разыскать, не могутъ къ нимъ подойти. Они попали, раненые и не раненые на тѣ особо зыбкія мѣста, откуда больше нѣтъ возврата.

Они напрягаютъ послѣднія силы, чтобы дожить до разсвѣта. Еще не угасла вѣра, что разсвѣтъ несетъ спасеніе.

Наконецъ, восходитъ долгожданное солнце. Таетъ болотный туманъ.

Изъ высокой осоки начинаютъ доноситься леденящіе кровь, полные отчаянія крики.

Забыть ихъ нельзя. Они всегда, до смерти, будутъ звучать въ ушахъ. Ничто въ жизни не можетъ быть трагичнѣе этихъ послѣднихъ призывовъ.

Мы дѣлаемъ еще одну попытку спасти утопающихъ; егеря растаскиваютъ мостикъ черезъ окопы, набрасываютъ доски на болото, но загремѣли нѣмецкія пушки, затарантѣли пулеметы и бьютъ по егерямъ, вышедшимъ изъ окоповъ.

Еще нѣсколько отчаянныхъ криковъ, послѣднихъ криковъ...

Заря не принесла спасенія, пропала послѣдняя надежда, изсякли послѣднія силы...

Зыбкая трясина засосала тѣхъ, въ комъ еще вчера горячо билось сердце, кто просто и скромно шелъ исполнить свой долгъ, кто шелъ на подвигъ во имя Царя, Родины, славы полка.

Могилы безъ памятниковъ и крестовъ.

Святыя могилы героевъ.

Предзакатный годъ русской славы.

ДВА БРАТА

Памяти А. А. Потулова

Когда я вспоминаю Александра Потулова, передо мною встаютъ въ памяти его чудные глаза, потомъ я вижу его улыбку и слышу его смѣхъ.

Такая улыбка и такіе глаза могутъ бытъ только у очень хорошаго человѣка. Онъ и былъ такимъ.

Неся службу вмѣстѣ въ одномъ батальонѣ, и еще за время войны, когда свѣтъ и тѣни особенно рѣзки, я имѣлъ возможность его хорошо узнать и, какъ всѣ офицеры батальона, искренно его полюбить.

Его брата Константина я зналъ меньше. Его пребываніе въ полку было не долгимъ, а характеръ его былъ болѣе замкнутымъ и самъ онъ былъ мало общительнымъ.

Оба брата прибыли въ полкъ въ декабрѣ 1914 года, когда полкъ стоялъ въ деревнѣ Гарволинъ подъ Варшавой, въ ожиданіи Царскаго смотра.

19 февраля 1915 года, у деревни Кобылинъ подъ Ломжей, около 11 часовъ вечера, находившійся въ строю 2-ой роты подпоручикъ Константинъ Потуловъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, былъ убитъ осколкомъ германскаго снаряда. Другой осколокъ того-же снаряда ранилъ и меня.

Это было въ то время, когда мы выходили изъ передового окопа, чтобы наступать на деревню Залѣсье.

Смерть одного брата тяжело отозвалась на другомъ, но онъ мужественно перенесъ эту утрату.

Я видѣлъ, какъ слезы блистали въ его голубыхъ глазахъ, но я видѣлъ такъ-же, какъ онъ умѣетъ справляться со своими чувствами и владѣть собою.

Впослѣдствіи, я не разъ могъ убѣдиться въ большомъ и твердомъ характерѣ Александра.

По своему рожденію, по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ провелъ дѣтство и юность — Александръ Потуловъ представлялъ блестящій и симпатичный образецъ того, что могла еще дать и дала неоскудѣвшая помѣщичья дворянская семья.

Онъ получилъ отличное образованіе и былъ прекрасно воспитанъ.

Семья дружная, богобоязненная и патріархальная, наложила на него свой отпечатокъ, отъ него вѣяло энергіей, чистотой и непорочностью.

Жизнь въ имѣніи, на необъятныхъ просторахъ Орловской губерніи, закалила его здоровье, сблизила съ природой, дала вкусить прелесть охоты, ознакомила съ жизнью русской деревни, сдѣлала для него изъ крестьянина и солдата открытую книгу, въ которой онъ свободно читалъ.

Сознательно или безсознательно, онъ позналъ психологію народа и умѣлъ просто и ясно изложить свою мысль и свое требованіе, приноравливаясь къ пониманію солдата, но никогда не опускаясь до простонароднаго говора.

Въ полку онъ продолжалъ привычный и любимый имъ образъ жизни, напоминавшій ему жизнь въ имѣніи. Обстановка войны — постоянное пребываніе среди природы этому способствовало. На дневкахъ и въ резервѣ онъ билъ въ польскихъ помѣстьяхъ фазановъ и зайцевъ. Во время пребыванія въ окопахъ онъ ловилъ, иногда между нашихъ и нѣмецкихъ окоповъ на залитыхъ водою низинахъ, молодыхъ чибисовъ и воспитывалъ ихъ въ своемъ блиндажѣ.

Въ товарищеской средѣ мы видѣли его всегда веселымъ и жизнерадостнымъ; никогда не видѣли его сумрачнымъ или усталымъ.

Его все интересовало. Когда вы говорили, онъ смотрѣлъ на васъ пристально своими чудными голу-

быми глазами и вы чувствовали, что сказанное вами онъ никогда не забудетъ. Слова падали на черноземную цѣлину и навсегда укрѣплялись на ней.

Я видѣлъ его глаза и сѣрыми. Это было во время боя.

Положеніе было серьезное, потери—значительными.

Выраженія его глазъ въ эти минуты я тоже не забуду — въ нихъ было столько холоднаго блеска рѣшимости и воли, что было ясно, что онъ дешево не отдастъ свою жизнь и, что любое приказаніе его, хотябы идти на вѣрную смерть, будетъ исполнено.

Самъ онъ о смерти не думалъ. Онъ ея не боялся и себя не берегъ. Живя много въ природѣ, онъ считалъ смерть естественнымъ концомъ всякой жизни.

Сегодня или завтра — не все-ли равно? Неужели изъ-за этого отказаться отъ удовольствія подстрѣлить утку, хотя-бы подъ носомъ противника. Неужели изъ-за призрака смерти отказать себѣ въ удовлетвореніи природной любознательности, которая постоянно толкала его на разборку неразорвавшихся непріятельскихъ снарядовъ всѣхъ калибровъ и всѣхъ системъ.

Какъ не пострадалъ онъ при этихъ постоянныхъ разборкахъ, часто ржавыхъ, часто съ искривленными головками снарядовъ, для меня до сихъ поръ непонятно.

Во время войны, когда онъ былъ въ отпуску въ имѣніи въ Орловской губерніи, проговорило его юношеское сердце и онъ сталъ женихомъ.

Это, однако, не замедлило его возвращенія въ полкъ, какъ не затянуло его леченія послѣ раны, полученной скоро по возвращеніи.

Долгъ былъ выше всего. Эвакуированный въ родной ему Орелъ, онъ не дождался даже конца леченія и, не обращая вниманія на врачей, отказавшихся его выписать, онъ самовольно покинулъ госпиталь и снова вернулся въ полкъ.

Самовольный уходъ изъ госпиталя грозилъ большими непріятностями—командующій войсками Московскаго военнаго округа предалъ его суду и стоило большихъ усилій прекратить это дѣло.

Снова на фронтѣ Александръ Потуловъ командуетъ ротой и живетъ интересами полка, къ которому привязанъ всей душой.

Проходятъ недѣли. Наступаетъ и ему очередь ѣхать въ мѣсячный отпускъ. Все уже дома приготовлено къ его свадьбѣ.

Послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ. Уже принесли приказъ съ пунктомъ объ отпускѣ. Принесли изъ штаба полка отпускной билетъ.

Потуловъ веселъ и радостно предвкушаетъ грядущее счастье.

Когда офицеры начали уже расходиться по ротамъ, приходитъ приказъ объ атакѣ непріятельской позиціи, назначенной на завтрашнее утро.

Командиръ батальона совѣтуетъ Потулову выѣхать ночью на станцію, но онъ отказывается.

— Вѣдь ты уже въ отпуску!—говоритъ командиръ батальона.

— Я остаюсь, а тамъ увидимъ. Поѣду завтра — отвѣчаетъ Потуловъ. — Командиръ роты не можетъ бросить роту передъ боемъ.

Маленькая слезинка скатилась у него изъ глаза, но голосъ его не дрогнулъ.

Когда онъ выходилъ изъ блиндажа, онъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ шелъ по ходу сообщенія, потомъ онъ окопалъ роты и твердо отдавалъ приказанія, предусматривая всякую мелочь.

На слѣдущее утро, въ самомъ началѣ боя, Александръ Потуловъ былъ убитъ.

Это было у мѣстечка Годовъ, 23 іюня 1917 года.

ВѢРА ФЕДОРОВНА

Она была средняго роста, шатенка. Звали ее Вѣра Федоровна.

Когда начался ея романъ съ офицеромъ нашего полка, я не знаю, но романъ этотъ перешелъ въ длительную связь, закончившуюся лишь со смертью моего однополчанина.

Онъ долго болѣлъ, но не хотѣлъ отрѣшиться отъ жизни и серьезно лечиться, не хотѣлъ бросить полкъ и службу и, напрягая свои ослабѣвшія силы, продолжалъ фактически, а не номинально, стоять во главѣ команды развѣдчиковъ, изрѣдка только въ самые сырые періоды года уѣзжая въ санаторію Халила.

Вѣра Федоровна съ громаднымъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ сопровождала его и въ Олонецкую губернію, гдѣ наша команда упражнялась въ дальнихъ пробѣгахъ на лыжахъ и охотилась на медвѣдей, и на зимніе сборы въ Красномъ, и въ санаторію. Она заботилась о немъ и создавала ему вездѣ извѣстный уютъ.

Въ этомъ періодѣ я много слышалъ о ней, но видѣлъ только одинъ разъ.

Это было лѣтомъ. Послѣ представленія въ желѣзномъ театрѣ Акваріума ко мнѣ подошелъ лакей ресторана и передалъ приглашеніе зайти въ одинъ изъ кабинетовъ.

Войдя, я засталъ тамъ нѣсколько нашихъ офицеровъ и трехъ дамъ.

Обращая на себя вниманіе своими ярко-горящими глазами, какъ-то особенно глубоко сидѣвшими, среди офицеровъ находился мой больной однополчанинъ. Сюртукъ лежалъ глубокими складками на исхудавшемъ тѣлѣ. Рукопожатіе его было судорожно короткимъ и рѣзкимъ.

— Ты не знакомъ? — спросилъ онъ меня, показавъ глазами на одну изъ дамъ.

— Это — Вѣра Федоровна. Съ остальными знакомься самъ.

Въ этотъ вечеръ она сидѣла за ужиномъ со мною рядомъ.

Она не была красива, но некрасивой назвать ее было нельзя.

Она хорошо играла роль хозяйки: заказала ужинъ, заботилась, чтобы всѣ ѣли, чтобы всѣмъ во время было налито вино, она слѣдила за всѣмъ, а уши ея все слышали.

Все, что касалось охотничьей команды, ей было отлично извѣстно. Она называла фамиліи лучшихъ стрѣлковъ, останавливалась на достоинствахъ той или иной собаки, потомъ вмѣшивалась въ разговоръ на другомъ концѣ стола, пересмѣивалась съ другими дамами...

— Онъ слишкомъ много пьетъ, — сказала мнѣ Вѣра Федоровна. — Я боюсь, что онъ снова начнетъ харкать кровью.

Когда больной, заговорившись о чемъ-то, смотрѣлъ въ сторону, Вѣра Федоровна незамѣтно выплеснула только что налитую ему мадеру въ вазу съ цвѣтами.

Впослѣдствіи я узналъ исторію Вѣры Федоровны. Она принадлежала къ хорошей семьѣ. Отецъ занималъ видное положеніе на югѣ Россіи и былъ помѣщикомъ одной изъ губерній центра. По окончаніи гимназіи въ провинціальномъ городѣ, Вѣра Федоровна уѣхала въ Петербургъ продолжать образованіе. Сначала она жила у родныхъ, много выѣзжала, много танцовала и пользовалась, благодаря живости своего характера, успѣхомъ.

Потомъ она сблизилась съ кутящей компаніей. Ее влекли къ себѣ тройки, цыгане, отдѣльные кабинеты, игра съ огнемъ...

Гдѣ и какъ познакомилась она съ моимъ однополчаниномъ, я не знаю, но, какъ я слышалъ, внезапно жизнь ея перемѣнилась и она сдѣлалась вѣрной подругой уже больного, доживавшаго свой вѣкъ, но любимаго человѣка.

Нашъ веселый ужинъ былъ нарушенъ, такъ какъ больной внезапно почувствовалъ себя плохо. Онъ откинулся на подушки дивана, голова его закинулась назадъ и онъ сталъ тяжело, прерывисто и хрипло дышать.

Вѣра Федоровна быстро встала. Она разстегнула больному воротникъ, положила удобнѣе голову и, уже направляясь къ двери, сказала:

— Я съѣзжу за лекарствомъ.

Обратившись ко мнѣ, она добавила:

— Проводите меня.

Всю дорогу она разсказывала мнѣ о здоровіи моего однополчанина и о своемъ безпокойствѣ за него.

Когда мы вернулись, больному было уже немного лучше.

Какъ ни кратко было наше отсутствіе, оно не могло не показаться безконечно долгимъ всѣмъ, кто присутствовалъ на этомъ, веселомъ вначалѣ, ужинѣ.

Вѣра Федоровна дала что-то понюхать больному, натерла ему виски, дала выпить какое-то лекарство. Хрипы совсѣмъ прекратились, тѣло пріобрѣло упругость. Оставалась только слабость послѣ припадка.

Кругомъ возобновился разговоръ, теперь уже не шопотомъ.

— Мы думали, что вы никогда не вернетесь, такъ это было долго, — сказала одна изъ дамъ, бывшихъ въ нашемъ кабинетѣ.

— Они тамъ развлекались гдѣ-нибудь по дорогѣ — дѣвочка съ мальчикомъ — когда ѣздили вмѣстѣ, — сказалъ штабсъ-капитанъ, брюнетъ съ рѣзкими чертами довольно наглаго лица, съ грубо очерченной упрямой

нижней челюстью, человѣкъ безпринципный, азартный игрокъ, который вскорѣ долженъ былъ оставить полкъ.

— Да, дѣвочка съ мальчикомъ гдѣ-то развлекались, пока мнѣ было плохо, — словно машинально, совершенно безъ злобы, апатично повторилъ больной.

Вѣра Федоровна густо покраснѣла. Она повернулась на стулѣ и какъ-то глухо, не звонко, сказала:

— Всѣ могутъ говорить гадости про меня. Особенно Григорій — онъ циникъ. Но мнѣ больно, что ты это могъ сказать.

Слезы навернулись на ея глаза, но она не плакала.

Вскорѣ начался разъѣздъ.

Прошло много времени.

Давно мы похоронили бывшаго начальника команды развѣдчиковъ.

Снова стояла лѣто. Былъ жаркій іюль.

Въ лагерномъ собраніи полка въ Красномъ Селѣ пѣли цыгане.

Присутствовали только наличные въ лагерѣ офицеры.

Было весело, непринужденно и мило въ ярко-освѣщенномъ, свѣтло-зеленомъ залѣ лагернаго собранія.

Было жаль, когда въ половинѣ третьяго цыгане начали собираться къ отъѣзду. Къ тремъ часамъ былъ заказанъ экстренный поѣздъ, который долженъ былъ отвезти цыганъ въ Петербургъ.

Нѣсколько офицеровъ во главѣ съ маститымъ полковникомъ, милѣйшимъ Иваномъ Федоровичемъ, единственнымъ сохранившимся къ тому времени въ полку офицеромъ-участникомъ Турецкой войны, поѣхали проводить цыганъ на вокзалъ.

Иванъ Федоровичъ, вѣроятно, не поѣхалъ-бы, если-бы не видѣлъ, что ѣдетъ молодежь и усаживается съ цыганками на извозчиковъ.

Старый холостякъ, онъ очень любилъ молодежь, а та считала его „дѣдомъ“ и была искренно привязана къ нему.

Я ѣхалъ вмѣстѣ съ „дѣдомъ“. Онъ дружески, по стариковски, ворчалъ. Его сѣдыя баки развѣвались по вѣтру; изъ-подъ нависшихъ бровей глядѣли добрые, еще молодые, глаза.

Цвѣтъ моего пальто — послѣднее слово военной моды, ему не нравился.

— Одѣваться надо по формѣ, а не по модѣ. Каждому свое — офицеры не барышни! — говорилъ онъ.

Когда мы подъѣхали къ станціи, поѣздъ былъ готовъ къ отправленію. Всего два вагона. Цыгане и цыганки гортанно перекликались между собою.

Одинъ изъ старыхъ цыганъ что-то пѣлъ и самъ аккомпанировалъ себѣ на гитарѣ. Поѣздъ далъ свистокъ и началъ двигаться. Цыганки бросали въ офицеровъ цвѣтами изъ полученныхъ ими букетовъ.

Солнце еще не взошло. Въ низинѣ, гдѣ станція, холодно и сыро.

Изъ завитой растеніями палатки—отдѣльнаго кабинета вокзальнаго ресторана, откуда слышатся громкіе и возбужденные голоса и гдѣ еще горитъ свѣтъ, выходитъ какая-то дама и быстро идетъ по платформѣ.

Проводивъ цыганъ, мы идемъ къ нашимъ извозчикамъ.

Заслышавъ наши голоса, дама оборачивается.

— Посмотри, никакъ Вѣра Федоровна!—говоритъ „дѣдъ“. — Вотъ встрѣча!

Звеня шпорами, за нами движется какой-то офицеръ, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ, которые занимали кабинетъ. Видя, что мы подошли къ Вѣрѣ Федоровнѣ, онъ безмолвно удаляется.

Вѣра Федоровна проситъ уступить ей одного извозчика. Она, видимо, чѣмъ-то взволнована.

Рыцарское-ли отношеніе къ женщинѣ, воспоминаніе-ли прошлаго и память о покойномъ однополчанинѣ руководитъ „дѣдомъ“, но онъ предлагаетъ всѣмъ намъ поѣхать проводить Вѣру Федоровну.

Я уступаю свое мѣсто Вѣрѣ Федоровнѣ и сажусь на другого извозчика.

Ѣхать приходится далеко — на Фабрикантскую слободу, гдѣ въ небольшой дачкѣ жила Вѣра Федоровна. Когда мы пріѣхали, она настояла, чтобы мы вошли выпить „посошекъ“ на обратный путь. Обстановка на дачѣ была бѣдной, но виднѣлись потуги ее скрасить.

На шумъ нашихъ голосовъ вышла подруга Вѣры Федоровны, вѣроятно, выскочившая прямо изъ постели и успѣвшая только накинуть на плечи легкій капотъ.

Все это производило непріятное и тяжелое впечатлѣніе. Пользуясь тѣмъ, что Иванъ Федоровичъ заговорился съ Вѣрой Федоровной, а подруга хлопотала съ виномъ и смѣшила молодежь, я постарался незамѣтно выйти въ садъ.

Воспоминанія о первой встрѣчѣ съ Вѣрой Федоровной, воспоминанія о миломъ ужинѣ съ цыганами въ нашемъ собраніи — все это такъ мало гармонировало съ тѣмъ, что было теперь передъ глазами.

Было больно и обидно.

Скрипнула дверь балкона и въ садъ вышла Вѣра Федоровна.

Она подошла къ скамьѣ маленькими шагами и сѣла рядомъ со мною.

— Вотъ когда снова встрѣтились „дѣвочка съ мальчикомъ!“

— Мнѣ жаль, что въ такой обстановкѣ. Что дѣлать! Жизнь сломала меня. Она беретъ свое. Тебѣ противно? — внезапно, повернувшись ко мнѣ и испытующе смотря мнѣ въ глаза, спросила она, неизвѣстно почему перейдя на „ты“.

— Мнѣ тоже противно, но тебѣ лучше—ты уйдешь, а я здѣсь останусь. Мнѣ некуда идти... Дѣдъ чудный, славный—онъ такъ ласково говорилъ со мною, но онъ слишкомъ старъ. Онъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать мое положеніе.

— Другіе слишкомъ молоды — они не помнятъ ни моего Сашу, ни прежней Вѣры Федоровны. Но ты, ты вѣдь помнишь прежнее время; помнишь „дѣвочку съ мальчикомъ“, циника Григорія, старую лайку „Букетъ“...

Она опустила голову и начала плакать.
Вышелъ „дѣдъ“ и сталъ торопить съ отъѣздомъ.

Незадолго до Великой войны мнѣ пришлось вспомнить о Вѣрѣ Федоровнѣ. Въ окружномъ судѣ разбирался довольно громкій процессъ. Печальной героиней его была Вѣра Федоровна.

Она обвинялась въ томъ, что, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, на всю жизнь обезобразила лицо, а можетъ быть, и повредила зрѣніе женѣ богатаго петербургскаго фабриканта, напавъ на нее на улицѣ и выплеснувъ на нее флаконъ какой-то кислоты. Репортеры газетъ не жалѣли красокъ, описывая сенсаціонную драму на почвѣ ревности. Изъ ихъ отчетовъ, въ которыхъ они копались въ прошломъ Вѣры Федоровны, и изъ разговоровъ въ собраніи я узналъ, что ей удалось какимъ-то образомъ уйти изъ того порочнаго круга, въ которомъ мы ее видѣли въ Красномъ Селѣ.

Она соединила свою жизнь съ однимъ молодымъ человѣкомъ хорошаго общества.

Снова насталъ для нея періодъ самоотверженной любви, періодъ забвенія и счастья, но этотъ періодъ не былъ длительнымъ. За спиной Вѣры Федоровны началъ развиваться романъ ея молодого поклонника съ молоденькой и богатой женой фабриканта.

Узнавъ объ этомъ романѣ, Вѣра Федоровна поняла, что померкъ послѣдній проблескъ счастья. Она не ждала, чтобы ее бросили. Ей терять было нечего. Она подстерегла свою соперницу и навсегда обезобразила ее. „Не мнѣ, такъ и не ей!“ Затѣмъ — арестъ, судъ, тюрьма.

Однако, причудливой судьбѣ угодно было заставить насъ еще разъ встрѣтиться.

Стоялъ холодный декабрь 1917 года.
Ставка Верховнаго Главнокомандующаго давно уже была въ рукахъ большевиковъ. Фронты развалились.

Поѣзда были забиты солдатами, бросившими свои полки и устремившимися съ винтовками въ пассажирскихъ поѣздахъ къ себѣ въ деревни, срывая по пути сукно и бархатъ въ вагонахъ первыхъ двухъ классовъ. Тѣ-же, которые оставались на фронтахъ, проводили выборное начало и срывали погоны съ офицеровъ.

Поѣздъ, съ которымъ я ѣхалъ, шелъ безо всякаго расписанія и ночью прибылъ въ Одессу.

Электричество въ городѣ не горѣло. Темныя улицы были во власти большихъ и малыхъ бандъ. Съ разныхъ сторонъ слышалась стрѣльба. Извозчиковъ не было. Пришлось на вокзалѣ ждать утра.

Въ большомъ залѣ, гдѣ съ трудомъ удалось найти мѣсто, было душно, смрадно и накурено. Стулья, скамьи вдоль стѣнъ, весь полъ — все было занято человѣческими тѣлами.

До зимняго разсвѣта было еще долго. Буфетъ не работалъ, газетъ не было — нечѣмъ было занять свое время.

Я сидѣлъ и вглядывался въ новую для меня, человѣка съ фронта, картину, но поле зрѣнія было очень ограничено. Въ буромъ туманѣ испареній и табачнаго дыма было слабо видно даже на нѣсколько шаговъ. Дальше начиналось туманно-темное пространство, въ которомъ слабо мерцали, ничего не освѣщая, какъ огоньки на болотѣ, отдѣльныя свѣчи, воткнутыя въ пустыя бутылки.

Кто-то храпѣлъ, кто-то бредилъ, кто-то вскрикнулъ, обнаруживъ, что у него украли мѣшокъ, но сразу замолкнулъ, вѣроятно понявъ, что никому нѣтъ дѣла ни до него, ни до его мѣшка.

Иногда изъ темноты выплывали какія-то зловѣщія фигуры. Обычно это были женщины въ темныхъ платкахъ, подъ которыми онѣ что-то скрывали. Большинство изъ нихъ были стары и безобразны, съ морщинистыми, желтыми лицами, съ выбивавшимися изъ-подъ платковъ сѣдыми, безпорядочными космами волосъ. Ихъ костлявыя руки тянулись къ человѣку, который могъ-бы оказаться покупателемъ и тогда въ этихъ

рукахъ появлялись коробки папиросъ. Голоса этихъ женщинъ были хриплыми, загробными, потусторонними.

Мнѣ невольно вспомнилась постановка въ театрѣ Комиссаржевской пьесы „Жизнь человѣка“. Вспомнились ужасныя старухи съ ихъ деревяннымъ отвратительнымъ смѣхомъ...

Въ большомъ черномъ платкѣ, который, при другомъ освѣщеніи и обстановкѣ, быть можетъ, напомнилъ-бы Венецію, подошла ко мнѣ дѣвушка лѣтъ 18. Если-бы лицо ея не было такимъ блѣднымъ и исхудавшимъ, она, вѣроятно, была-бы красива. Теперь во всемъ ея обликѣ чувствовалась усталость и безпомощность.

— Можетъ быть купите? — чуть слышно долетѣлъ до меня ея робкій вопросъ. Я купилъ папиросы, но она не уходила. Казалось, у нея нѣтъ больше силъ, чтобы идти дальше.

Между нами завязался разговоръ.

— У насъ здѣсь никого нѣтъ, — говорила она тихимъ, печальнымъ голосомъ.— Мы съ мамой бѣжали изъ Москвы. Деньги всѣ вышли, мама больна. Днемъ продавать нельзя — отберутъ. Приходится ночью, да и то эти старухи фабричныя меня гонятъ. Другіе люди —еще хуже. И здѣсь нѣтъ житья отъ большевиковъ, а мы надѣялись...—тихо говорила измученная жизнью славная дѣвушка.

Она продолжала стоять около меня, когда глаза ея стали всматриваться въ темноту, и мнѣ показалось, что она видитъ что-то, отъ чего ей дѣлается страшно. Стулъ и колонна мѣшали мнѣ быстро повернуться.

Въ это время кто-то, подошедшій сзади, тронулъ меня за плечо. Повернувъ голову, я увидѣлъ сильно накрашенную женщину въ большой шляпѣ и мѣховомъ пальто.

— Идите, вамъ здѣсь дѣлать нечего! — рѣзко сказала дама въ шляпѣ и дѣвушка поспѣшила отойти отъ насъ. Она исчезла, какъ-бы растворилась въ туманѣ, дымѣ и темнотѣ.

Вновь пришедшая вызывала во мнѣ какое-то неясное воспоминаніе, въ ней было что-то знакомое, но

сказать, кто она, я не могъ — въ жизни такъ много случайныхъ встрѣчъ.

Въ это смутное время, когда всѣ старались сдѣлаться незамѣтными, слиться съ толпой, мѣховое пальто и большая шляпа являлись бравадой, вызовомъ или сознаніемъ своей силы.

Неизвѣстная забросала меня вопросами.

— Неужели это вы? Отчего синія петлицы и эти цифры на погонахъ? Погоны, впрочемъ, лучше снимите, ихъ больше не носятъ! Давно-ли не въ полку? Вы не можете меня узнать? Неужели ничего не осталось отъ прежняго. Впрочемъ, здѣсь такъ темно.

Я напрасно ломалъ себѣ голову, гадалъ, кто можетъ быть передо мною. Слова о формѣ и о полку говорили за то, что, вѣроятно, мы раньше гдѣ-то встрѣчались.

Даму, видимо, забавляло, что я не могу ее узнать.

— Вы помните Петербургъ, Красное Село, мою маленькую дачку? Разъ ночью мы сидѣли въ саду и я плакала...

Она помолчала и снова заговорила.

— Ты не помнишь „дѣвочку и мальчика“? Я—Вѣра Федоровна.

Она разсказала мнѣ кое-что изъ своей жизни, упомянула о пребываніи въ тюрьмѣ, о печальныхъ дняхъ послѣ отбытія наказанія. На мой вопросъ, что она дѣлаетъ теперь въ Одессѣ, она отвѣтила уклончиво.

— У каждаго свое дѣло.

Начиналъ брезжить разсвѣтъ. Рождающійся зимній день заглянулъ въ большія окна. Разсѣивались кошмары ночи. Ушла и Вѣра Федоровна. Быть можетъ, она не хотѣла, чтобы я видѣлъ ее при дневномъ свѣтѣ; быть можетъ, ей нужно было еще отъ кого-то скрываться.

Уходя, она настойчиво потребовала отъ меня, чтобы я записалъ ея адресъ.

— Въ городѣ и въ гостиницѣ останавливаться опасно, а ты, къ тому же, еще въ формѣ и съ пого-

нами. Все можетъ быть! Если ты не хочешь остановиться у меня, то знай, что я всегда могу тебя безопасно укрыть. Помни! Не потеряй адресъ. Мнѣ пора.

Пока я разыскалъ вѣстового, дремавшаго на чемоданѣ въ углу залы, стало совсѣмъ свѣтло.

Было морозно и туманно, когда я ѣхалъ къ Лондонской гостиницѣ. Издалека слышались отдѣльные выстрѣлы.

Много мыслей и воспоминаній тѣснилось въ головѣ. Я думалъ о „Жизни человѣка" и о жизни Вѣры Федоровны съ ея взлетами и паденіями. Цѣлая эпоха моей жизни — около 15 лѣтъ, отдѣлявшихъ отъ дня нашей первой встрѣчи въ Акваріумѣ, проходила передо мною.

Въ воспоминаніяхъ воскресала жизнь полка, этой большой и дружной семьи съ ея безчисленными интересами, благороднымъ соревнованіемъ и тѣсной сплоченностью; жизнь, въ которой было такъ гармонично связано славное прошлое полка и серьезная сложная работа, чтобы обезпечить новую славу на боевыхъ поляхъ, если Богу и Государю угодно будетъ вновь двинуть полкъ на защиту чести Родины; вспоминались бои въ рядахъ полка и разлука съ полкомъ.

Бои на Стоходѣ были для меня послѣдними боями въ рядахъ родныхъ мнѣ егерей.

Послѣ этого, лѣченіе на Кавказѣ и командованіе полкомъ вдали отъ гвардіи, на другомъ фронтѣ.

Новые люди, новая обстановка, новыя условія службы.

Рѣдко приходилось слышать о родномъ полку, рѣдко приходилось получать письма. Такъ прошелъ тяжелый 1917 годъ.

Случайная ночная встрѣча возбудила такъ много воспоминаній.

Можетъ быть, эта-же встрѣча освѣтила лучемъ воспоминаній и душу Вѣры Федоровны и оторвала отъ суровой дѣйствительности.

Ея забота о моей безопасности, я чувствовалъ, была вполнѣ искренна, только я не могъ принять ее лично на себя.

Наши двѣ встрѣчи за 15 лѣтъ не давали мнѣ на это право. Для Вѣры Федоровны я былъ только частицей полка того времени, когда ея жизнь шла параллельно съ жизнью полка. Поэтому, я напоминалъ ей о счастливомъ періодѣ ея неудачно сложившейся жизни.

Больше я не видѣлъ Вѣру Федоровну.

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ Одессы.

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

1935 годъ.

На сценѣ Бѣлградскаго русскаго дома имени Императора Николая II, поставлена, впервые въ дни эмиграціи, опера „Жизнь за Царя". На ярко освѣщенной сценѣ проходятъ снова картины русской жизни смутнаго времени. Подвигъ переплетается съ романомъ. Жизнь крестьянской семьи въ глухихъ костромскихъ лѣсахъ и гибель Сусанина ради спасенія Царя, ради блага родины. Потомъ радостный весенній день въ Москвѣ. Звонко гудятъ колокола. Кончилась смута. Царь грядетъ. Сейчасъ онъ появится. Его славятъ.

Мнѣ особенно памятны двѣ постановки этой оперы.

Одна изъ нихъ — въ Маріинскомъ театрѣ послѣ Японской войны, Московскаго возстанія, пожаровъ усадебъ, убійствъ губернаторовъ, забастовокъ.

Въ главномъ революціонная волна была разбита, но жизнь страны, послѣ всѣхъ потрясеній, еще далеко не вошла въ свои берега.

Спектакль былъ исключительный. Билеты съ большимъ разборомъ продавались у правыхъ членовъ Государственной думы. Прошелъ онъ, какъ сплошная манифестація вѣрноподданическихъ чувствъ. Подъемъ былъ необычайный. Гимнъ повторялся безсчетное число разъ. Слезы блестѣли на глазахъ присутствующихъ. Государь, видимо растроганный и взволнованный, казался на синемъ, холодномъ фонѣ драпировокъ Царской ложи блѣднѣе обыкновеннаго.

Зрѣлище и впечатлѣнія были незабываемыя.

Другая, памятная мнѣ, постановка этой оперы состоялась 26 февраля 1913 года — ею Л. Гв. Егерскій

полкъ ознаменовалъ 300-лѣтіе Царственнаго Дома и вложилъ свою лепту во всероссійское празднованіе.

Шла вся опера цѣликомъ (была пропущена только сцена польскаго бала) и была поставлена средствами полка—ими полкъ широко располагалъ. Солисты, хоры, оркестры, декораторы — всѣ принадлежали къ составу полка.

Только Антониду и Сабинина пришлось пригласить изъ Музыкальной Драмы.

Струнный оркестръ былъ замѣненъ балалаечнымъ изъ 60 егерей. Это вызвало большую работу, къ которой были привлечены ближайшіе сотрудники знаменитаго Андреева — надо было создать переложеніе на балалаечный хоръ почти всей партитуры оперы. Увертюру и заключительное „Славься“ игралъ мѣдный хоръ полковой музыки.

Постановкой руководилъ пишущій эти строки, а управлялъ оперой офицеръ полка поручикъ Бѣлокопытовъ, еще въ Пажескомъ Корпусѣ проявившій себя, какъ талантливый музыкантъ. Хоровъ было два: мужской — полковыхъ пѣвчихъ, и женскій, организованный полковымъ священникомъ Добровольскимъ изъ барышень-любительницъ. Этотъ хоръ обычно по воскресеньямъ пѣлъ въ полковомъ храмѣ раннюю обѣдню.

Задача поставить оперу средствами полка казалась сначала дерзновенной и неисполнимой, но она была осуществлена къ сроку, послѣ четырехъ мѣсяцевъ непрерывныхъ трудовъ.

Это было возможно, благодаря врожденной любви къ театру, чуткости и искреннему желанію командира полка Свиты Его Величества г.-м. В. А. Яблочкина, брата извѣстной актрисы. Если были затрудненія и колебанія, то они были только вначалѣ; очень скоро создалась идеальная обстановка совмѣстной работы, при которой недоразумѣніямъ, обидамъ, пропускамъ репетицій, усталости — не могло быть мѣста. Создался общій интересъ, общее дѣло—стоявшее на время выше всего остального.

Репетиціи въ вечерніе часы затягивались иногда до 2 часовъ ночи, хотя утромъ, къ 8 час., надо было быть

на занятіяхъ, а барышнямъ любительницамъ изъ бѣдныхъ семей надо было быть въ магазинахъ и мастерскихъ, гдѣ онѣ работали.

Склонный къ вину, вольнонаемный полковой пѣвчій Кузнецовъ, исполнявшій роль Сусанина, отрекся на эти мѣсяцы отъ своей страсти. Средняго роста, коренастый, располнѣвшій, съ угрюмымъ лицомъ и съ ребяческой улыбкой, Кузнецовъ не только былъ обладателемъ глубокого баса, но и талантливымъ русскимъ человѣкомъ. Пагубная страсть къ вину испортила его карьеру.

Бывшій оперный артистъ, онъ опустился до полкового пѣвчаго. Воспоминаніе о прошломъ, блескъ рампы, предоставленная ему роль и послѣдній случай показать себя настоящимъ артистомъ поддерживали въ немъ интересъ къ репетиціямъ и къ спектаклю. Когда все кончилось (спектакль былъ повторенъ три раза) Кузнецовъ снова запилъ.

Успѣхъ спектакля превзошелъ всѣ самыя смѣлыя ожиданія, хотя критики были строгіе. Среди нихъ былъ и начальникъ Придворной пѣвческой капеллы ген.-лейт. баронъ Штакельбергъ.

26 февраля 1913 года. Вечеръ. Рѣдкіе газовые фонари слабо освѣщаютъ Рузовскую улицу. Надъ воротами казармъ ярко сіяетъ составленный изъ электрическихъ лампъ орелъ времени Царя Михаила Феодоровича.

Дворы казармъ пусты и темны — ни одинъ лучъ свѣта не пробивается изъ оконъ, завѣшанныхъ одѣялами; ни одинъ фонарь не свѣтитъ.

Только двѣ цѣпи егерей роты Его Величества въ киверахъ и въ парадной формѣ при тесакахъ, освѣщаютъ большими факелами путь къ манежу. Колеблется пламя факеловъ, вздымаются огненные языки и играютъ ихъ отблески на звѣздахъ киверовъ, на мѣди рукоятокъ мечей — тесаковъ.

Море свѣта въ манежѣ, который къ этому дню совершенно преобразился. Исчезли щиты съ датами боевъ и побѣдъ полка; исчезли бурыя панели съ красной полоской вдоль стѣнъ манежа, и эти стѣны, обшитыя картономъ, обратились въ Кремль. Кое-гдѣ опала

штукатурка, обнажая красные кирпичи и бѣлыя прослойки извести; кое-гдѣ, цѣпляясь за камень, выросла трава или кустъ. Нѣтъ и гимнастическаго городка, исчезнувшаго между декораціями сада, какъ нѣтъ и бетоннаго пола; онъ скрытъ красными коврами.

Начинается опера. Свободно и легко льется мелодія; увѣренно и правильно вступаютъ хоры; не заглушая пѣнія, большой балалаечный оркестръ даетъ полноту музыкальной картины. Быстро смѣняются декораціи, своевременно падаетъ занавѣсъ — нигдѣ нѣтъ замедленія, промаха или задержки. Наростаетъ подъемъ у артистовъ. Исполненіе захватываетъ зрителей, волнуетъ ихъ. Манежъ оглашаютъ долгія и бурныя рукоплесканія.

Большинство присутствующихъ гостей не вѣритъ, что все создано полкомъ и полковыми средствами; въ этомъ и былъ смыслъ и сущность этого спектакля, этого празднованія Романовскаго юбилея полкомъ, Державнымъ шефомъ котораго состоялъ Государь Императоръ.

Еще была одна особенность этой постановки — по Высочайшему повелѣнію изъ музея Кронверскаго арсенала было выдано полку историческое оружіе эпохи. Это былъ единственный случай въ исторіи музея.

Послѣ спектакля, по представленію начальника Придворной пѣвческой капеллы, всѣмъ участникамъ и участницамъ спектакля были Высочайше пожалованы Романовскія медали.

Мысль бѣжитъ дальше, будитъ воспоминанія о подлинныхъ костромскихъ лѣсахъ и о Костромѣ въ 1913 году во время посѣщенія ея Царской Семьею по случаю исполнившагося юбилея.

Яркое солнце озаряетъ большую площадь Костромы, вымощенную крупнымъ булыжникомъ.

Скромный памятникъ Царю Михаилу Феодоровичу.

Царь, юношей вступившій на престолъ, изображенъ скульпторомъ уже въ зрѣлыхъ годахъ. Лицо его серьезно. Вдумчиво смотритъ Царь въ сторону праваго берега Волги — на западъ.

Тамъ — Москва, Петербугъ, Нарва, Полтава, Берлинъ и Парижъ. За триста лѣтъ царствованія Романовыхъ много исхожено дорогъ на западъ нашими дѣдами и прадѣдами; многое видѣли побѣдныя русскія знамена.

Отъ площади широкая улица со зданіями правительственныхъ мѣстъ; посреди улицы длинный узкій садъ. Тамъ, гдѣ онъ кончается — на крутомъ уступѣ, мѣсто закладки памятника трехсотлѣтняго служенія династіи своей Родинѣ.

Въ глухихъ костромскихъ лѣсахъ еще сохранились донынѣ живые памятники прошедшихъ 300 лѣтъ. Это старыя деревья. Одно изъ нихъ было на выставкѣ. Триста узенькихъ поясковъ спиралью говорятъ о прожитыхъ годахъ.

На выставкѣ, въ ожиданіи Государя, обращаетъ вниманіе своей необычной одеждой, черной съ серебряными пуговицами, крупный человѣкъ. Это — потомокъ Сусанина. Странная на нашъ взглядъ форма пожалована потомкамъ костромскаго и народнаго героя Императоромъ Николаемъ Первымъ.

Къ юбилею закончена реставрація Ипатьевскаго монастыря. Лики святыхъ, очищенные отъ наслоеній времени, смотрятъ на Государя и на Царскую Семью, также, какъ смотрѣли на перваго Царя изъ Дома Романовыхъ.

Кострома 1913 года.

Масса крестьянъ. Праздничные наряды. Пестрые платки женщинъ. Яркое солнце. Блещущіе глаза. Необычайный подъемъ. Радостный и искренній энтузіазмъ. Восторженное, несмолкаемое „ура“ отъ всего сердца, отъ всей полноты души, вездѣ, гдѣ появится Царь, Царица или Наслѣдникъ Престола.

Слишкомъ быстро пробѣжало время.

Теплое воспоминаніе о прошломъ, надежда на будущее.

Издательство

Русская Книга

Eesti V. Posti 8. Tallinn.

Вышли въ маѣ-іюнѣ 1938 г.

Б. ШУЦКОЙ. Быль I. Романъ.

А. ЧЕРНЯВСКІЙ-ЧЕРНИГОВСКІЙ. Семь лунъ Блаженной Бригитты. Романъ

Н. ЛИШИНЪ. На Каспійскомъ морѣ.

Н. РОТШТЕЙНЪ. Синія дали. Разсказы.

М. ОСОРГИНЪ. Повѣсть о нѣкоей дѣвицѣ. Разсказы.

А. ЛАДИНСКІЙ. Голубь надъ Понтомъ. Истор. романъ.

Б. НОВОСАДОВЪ. По слѣдамъ бездомныхъ Аонидъ. Стихи.

Въ печати.

Б. ШУЦКОЙ. Быль II.

К. ПАРЧЕВСКІЙ. Лѣто въ Африкѣ.

„ По русскимъ угламъ.

В. НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ. Дорожный посохъ.

РАНѢЕ ВЫШЛИ.

Ген. А. БАІОВЪ. Истоки міровой драмы.
Ген. Э. ВЕРЦИНСКІЙ. Памятные дни.
В. ГУЩИКЪ. Люди и тѣни.
А. ДОМБРОВСКІЙ. Иванъ Калюжный.
Ген. ЗАЛФЪ. Таненбергская катастрофа.
В. КОРСАКЪ. Жуки на солнцѣ.
„ Шарманка.
„ Печать.
А. ЛАДИНСКІЙ. XV легіонъ.
В. НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ. Земля именинница.
А. ОСИПОВЪ. Имя христіанское и имя національное.
„ Кино и нравственность.
ТАЛЛИНСКАЯ. 200 блюдъ на примусѣ.
Ген. ХОЛЬМСЕНЪ. Міровая война.
Ген. ШТЕЙФОНЪ. Національная военная доктрина.
Б. ШУЦКОЙ. Рокъ.
„ Онѣ.
„ Судъ.
„ Бой.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK254
.R79
A3
1938

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Estonia, Tallinn. V. Posti № 8, магаз. „РУССКАЯ КНИГА“.